

SOCIOLOGY OF POWER

[Sociologiâ vlasti]

Vol. 35. № 3 (2023)

PUBLISHER: THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

Социология ВЛАСТИ

Издается с 1989 года
Выходит четыре раза в год

Том 35 № 3 2023

Редколлегия журнала:

К.соц.н. Смолькин А. А. (*и.о. главного редактора*), Напреенко И. В. (*научный редактор*), Степанцов П. М. (*научный редактор*), Кловайт Н. (*редактор англоязычных материалов*), Крощенко Е. В. (*администратор*)

Научный совет:

Анкерсмит Ф. Р. (Нидерланды)
Мау В. А. (РАНХиГС, Москва)
Михель Д. В. (СГТУ, Саратов)
Моррис Дж. (Орхусский университет, Дания)
Соколов М. М. (Европейский Университет, СПб)
Сперо Э. (Массачусетский технологический институт, США)
Столярова О. Е. (ИФ РАН, Москва)
Титков А. С. (РАНХиГС, Москва)
Утехин И. В. (Европейский Университет, СПб)
Филиппов А. Ф. (НИУ ВШЭ, Москва)
Фруммин И. Д. (НИУ ВШЭ, Москва)
Хиггс П. (Университетский Колледж Лондона, Великобритания)
Чалаков И. (Университет Пловдива, Болгария)
Шеховцов А. (Университет Вены, Австрия)

Дизайн Трушина Е. В.
Корректурa Кроль И. Е.
Верстка Меерсон А. В.

Адрес редакции:

119545, г. Москва, пр. Вернадского, 84, корпус 9, комн. 2503
<http://socofover.ganepa.ru>
soc.of.power@gmail.com
Отпечатано в типографии ИД «Дело»
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 — 47715 от 23.09.2011
Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий
ВАК России
Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования
и экспертного отбора

ISSN 2074-0492

СОЦИОЛОГИЯ
ВЛАСТИ
ТОМ 35
№ 3 (2023)

ABOUT THE JOURNAL

Sociology of Power [Sociologîa vlasti]

Vol. 35. #3, 2023

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Published since 1989

Quarterly edition

Editorial board:

Smol'kin A. A. (acting editor-in-chief), Napreenko I. V. (scientific editor), Stepantsov P. M. (scientific editor), Klowait N. (editor of the English content), Kroshchenko E. V. (manager)

Academic board:

Ankersmit F. R. (Netherlands)

Higgs P. (University College London, UK)

Filippov A. F. (NRU — HSE, Moscow, Russia)

Frumin I. D. (NRU — HSE, Moscow, Russia)

Mau V. A. (RANEPa, Moscow, Russia)

Mikhel D. V. (SSTU, Saratov, Russia)

Morris J. (Aarhus University, Denmark)

Shekhovtsov A. (University of Vienna, Austria)

Sokolov M. M. (EU, St. Petersburg, Russia)

Spero E. (MIT, USA)

Stolyarova O. E. (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Tchalakov I. (University of Plovdiv, Bulgaria)

Titkov A. S. (RANEPa, Moscow, Russia)

Utekhin I. V. (EU, St. Petersburg, Russia)

Design Trushina E. V.

Proofreading Krol I. E.

Layout Meyerson A. V.

Editorial address:

119 545, Moscow, pr. Vernadskogo, 84
building 9, office 2503

<http://socofofpower.ranepa.ru>

soc.of.power@gmail.com

Printed at “Delo” printing house

Содержание

Статьи

-
- 8   Наталия А. Ляпугина. Контроверзы — искоренимое зло или неизбежное благо? Динамика отношений науки и общества в перспективе социального конструктивизма и акторно-сетевой теории
-
- 57   Джамиля М. Мусиева, Вадим В. Устюжанин, Леонид Е. Гринин, Андрей В. Коротаев. Субъективное благополучие и революционная дестабилизация. Опыт количественного анализа
-
- 95   Денис Ю. Сивков. Космополитика vs биополитика: тело, техноутопия и доступ в космос

Статьи. Медицинская антропология

-
- 111   Анастасия А. Новкунская, Дарья А. Литвина, Дарья А. Никитина, Елизавета В. Власова. Сексуальный харассмент в контексте медицинских организаций: асимметрии власти, пересечения неравенств, приватизация опыта
-
- 135   Анна Н. Алтухова. «Если вдруг что»: Почему интеллектуальную инвалидность так сложно нормализовать в России?
-
- 152   Ольга К. Охотникова. Паспорт увечного воина: медицинская экспертиза и бюрократические практики обращения с инвалидной телесностью в 1917-1918 гг.

Рецензии

-
- 185   Алексей Л. Андрюшин. «Пошел по солому, а принес мякины»: амбивалентность как противоречивость последствий действий властвующих субъектов в хозяйственной жизни общества. Рецензия на книгу: *The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy Cases from Russia and beyond*. London. V.V. Radaev, Z.V. Kotelnikova (ed.).: UCL Press, 2022

-
- 197 Владимир Л. Близнеков. Врач-философ как идеал современной медицины. Рецензия на книгу: Кугай А.И. (2022) Философия и медицина. Вечные темы и современные проблемы, СПб.: Алетейя

Table of Contents

Articles

-
- 8 NATALIA A. LYAPUGINA. Are Public Controversies an Eradicable Evil or an Inevitable Good? Exploring the Dynamics of the Science-society Relationship from a Social Constructivist and Actor-network Perspective
-
- 57 JAMEELAH M. MUSIEVA, VADIM V. USTYUZHANIN, LEONID E. GRININ, ANDREY V. KOROTAYEV. Subjective Wellbeing and Revolutionary Destabilization. A Quantitative Analysis
-
- 95 DENIS YU. SIVKOV. Cosmopolitics vs Biopolitics: Body, Technoutopia and Access to Space

Articles. Medical Anthropology

-
- 111 ANASTASIA A. NOVKUNSKAYA, DARIA A. LITVINA, DARIA A. NIKITINA, ELIZAVETA V. VLASOVA. Sexual Harassment in the Context of Medical Organizations: Asymmetries of Power, Intersections of Inequalities, and the Privatization of Experience
-
- 135 ANNA N. ALTUKHOVA. In Case of Emergency: Why it is so Hard to Normalize Intellectual Disability in Russia
-
- 152 OLGA K. OKHOTNIKOVA. The Passport of the Maimed Warrior: Medical Expertise and Bureaucratic Practices in Treating the Disabled Body in 1917-1918

Book Reviews

-
- 185 ALEXEI L. ANDRYUSHIN. "He Walked on Straw, but Brought Back Chaff": Ambivalence of Power as a Contradiction in the Consequences of the Actions of Economic Entities. Book Review: The Ambivalence of Power in the Twenty-first-century Economy Cases from Russia and Beyond (2022), V.V. Radaev, Z.V. Kotelnikova (Ed.). London: UCL Press

---

197 VLADIMIR L. BLIZNEKOV. The Physician-Philosopher as an Ideal of Modern Medicine. Book review: Kugai A.I. (2022) Philosophy and medicine. Eternal themes and modern problems, St. Petersburg: Aletheia

Статьи

НАТАЛИЯ А. ЛЯПУГИНА¹

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия

ORCID: 0009-0007-2485-996X

Контроверзы — искоренимое зло или неизбежное благо? Динамика отношений науки и общества в перспективе социального конструктивизма и акторно-сетевой теории

8

doi: 10.22394/2074-0492-2003-3-8-56

Резюме:

В последние полвека в отношениях науки и общества произошли серьезные изменения. Безоговорочное принятие научной экспертизы сменилось оспариванием научного авторитета и публичными социотехническими контроверзами. Социальные исследователи стали предлагать усилия по осмыслению произошедших изменений и поиску путей разрешения напряжений в отношениях науки и общества. Эти усилия во многом подготовили трансформации в научно-технической политике, начавшиеся на рубеже XX-XXI веков. Однако контроверзы не ушли в прошлое. В статье автор производит сравнительный анализ объяснений вышеозначенной динамики отношений науки и общества в подходах социального конструктивизма и акторно-сетевой теории. Перспектива социального конструктивизма — наиболее авторитетное объяснение в исследованиях общественного вовлечения в науку (Public Engagement with Science, PES) и научной коммуникации. В ней динамика взаимоотношений науки и общества рассматривается через обращение к локальным социальным идентичностям гетерогенных публик и их экспертизе, которые противостоят институционально

---

1 Ляпугина Наталия Александровна — магистр социологии, аспирантка Европейского университета в Санкт-Петербурге. Научные интересы: исследования наук и технологий (Science & Technology Studies, STS), научная коммуникация, общественное вовлечение в науку (Public Engagement with Science, PES), история публичной коммуникации о науке и технологиях. E-mail: nlyapugina@eu.spb.ru

закрепленным допущениям науки. Эта перспектива легла в основу модели диалога — основного ориентира в поле современной научной коммуникации. В то же время объяснение акторно-сетевой теории, апеллирующее ко все более глубокому кризису деления между специалистами и неспециалистами, находится, скорее, на периферии исследовательского внимания. Для представления подходов автор обращается к ключевым работам Мишеля Каллона и Брайана Уинна. Сравнение выстраивается вокруг трех основных линий: 1) каковы причины оспаривания научного авторитета и возникновения контроверз; 2) как должна выстраиваться научно-техническая политика; 3) какова роль социальных ученых в динамике отношений науки и общества. В результате сравнения аргументов двух подходов демонстрируется, что исследования PES и научной коммуникации незаслуженно игнорируют акторно-сетевую теорию — продуктивный подход к анализу и решению ключевых проблем этих областей.

Ключевые слова: научная коммуникация, общественное вовлечение в науку, акторно-сетевая теория, социальный конструктивизм, общественное понимание науки, публичные контроверзы

Natalia A. Lyapugina¹

European University at St. Petersburg, Russia

9

Are Public Controversies an Eradicable Evil or an Inevitable Good? Exploring the Dynamics of the Science-society Relationship from a Social Constructivist and Actor-network Perspective

Abstract:

The last half century has brought great changes to the science-society relationship. Unconditional acceptance of scientific expertise has been replaced by challenges to scientific authority and public socio-technical controversies. Social researchers have made efforts to understand the tensions in science and society relationship, trying find ways to resolve them. These efforts have broadly contributed to transformations in science and technology policy that got underway at the turn of the 20th-21st centuries. However, controversies have not faded into the past. In this article, the author provides a comparative analysis of the explanations of the above-mentioned dynamics of the science-society relationship in social constructivism and actor-network theory. The explanation of social constructivism is the most accredited perspective in Public Engagement with Science (PES) and science communication studies. It considers the dynamics of the science-society relationship by appealing to the local social identities of heterogeneous publics and their expertise, opposed

1 Natalia Lyapugina — Master of Sociology, postgraduate student at the European University at St. Petersburg. Research interests: Science & Technology Studies (STS), science communication, Public Engagement with Science (PES), history of public communication of science and technology. E-mail: nlyapugina@eu.spb.ru

to institutionalized assumptions of science. This perspective formed the basis of the dialogue model which is the primary reference point for modern science communication. In contrast, the explanation provided by actor-network theory, which highlights a deepening crisis of the division between specialists and non-specialists, remains, rather, on the periphery of scholarly attention. To introduce the approaches, the author refers to the key works of Michel Callon and Brian Wynne. The comparison is arranged around three main lines: 1) what are the reasons for challenging scientific authority and the emergence of public controversies; 2) how science and technology policy should be built; 3) what role social scientists play in the dynamics of the science-society relationship. By contrasting the arguments of the two approaches, it is demonstrated that scholarly disregard of actor-network theory in PES and science communication studies is unmerited, as it has potential for addressing and resolving the major issues in these domains.

Keywords: science communication, public engagement with science, actor-network theory, social constructivism, public understanding of science, public controversies

10

Введение. От безоговорочного принятия экспертизы и результатов науки к оспариванию научного авторитета и контроверзам

За последние полвека отношения между наукой и обществом претерпели любопытную динамику. До 1960–1970-х гг. авторитет науки казался не подлежащим сомнению. Ученые производили знание, а публике оставалось пожинать его плоды в виде технологий и советов по организации общественной и индивидуальной жизни. Но уже к 1970–1980-м гг. авторитет науки и ее достижения стали публично оспариваться: разразились публичные социотехнические контроверзы — бурные общественные дискуссии — вокруг «технологий передвижения и энергии»: аэропортов, электростанций, дорог и дамб [Irwін 2015; Wynne 1996, 2001]. Взаимоотношения науки и общества и восприятие науки публикой оказались в фокусе социальных исследователей. В 1990-е гг. разногласия науки, публики и полиси-мейкеров¹ по поводу результатов науки стали еще

---

1 Под полиси (policy) я здесь и далее буду понимать сферу деятельности, связанную с определением социально-политических проблем, с созданием принципов и программ, составляющих основу для разработки социально-политических решений, а также непосредственно с самой разработкой и принятием социально-политических решений. Соответственно, под полиси-мейкерами (policy-makers) я буду понимать акторов, которые уполномочены контролировать и реализовывать вышеупомянутые направления деятельности.

масштабнее, а их проявления — еще интенсивнее. Самые яркие примеры — разразившиеся в Великобритании кризисы вокруг коровьего бешенства, ГМО, вакцин и мобильных телефонов [Irwin 2001; Moore, Stilgoe 2009]. Полиси-мейкеры и социальные ученые увидели за этим оспариванием научного авторитета кризис управления научно-техническим развитием. В связи с этим в 2000-х гг. стали изменяться процедуры принятия решений, касающихся применения результатов науки и направления научно-технического развития в целом. Публику стали привлекать к обсуждению этих вопросов, начали появляться процедуры, нацеленные на включение разных групп граждан в процесс принятия научно-технических решений. Но контроверзы не остались в прошлом. Решения, основанные на научных достижениях, продолжают оспариваться публикой: вакцинация, ГМО, экологические проблемы, внедрение новых технологий сегодня окружены разногласиями [Hess, Coley 2014; Carrion, 2018; Rutjens et al. 2022; Price, 2023; Silva et al. 2023]. Социальные ученые продолжают исследовать причины конфликтов между наукой и обществом, искать пути их разрешения и одновременно с этим рефлексировать о собственной роли в происходящем.

Такая динамика отношений между наукой и обществом — переход от принятия достижений и экспертизы науки к оспариванию научного авторитета и публичным контроверзам, изменения в научно-технической политике, а также вклад социальных ученых в эти процессы — сегодня находятся в центре внимания исследований общественного вовлечения в науку (Public Engagement with Science, PES¹), исследований науки и технологий (STS), социальных исследований научной коммуникации. Почему вокруг результатов науки и техники возникают публичные контроверзы? О необходимости каких изменений в научно-технической политике они свидетельствуют, какие уроки из них можно извлечь? Какова роль социальных ученых в динамике отношений между наукой и обществом, что они должны делать? В исследованиях научной коммуникации, PES и STS, которые частично пересекаются между собой, есть разные подходы к ответу на эти вопросы. Но есть объяснения, которые настолько сильно повлияли на эти поля, что во многом определяют если не направление рефлексии и теоретическую рамку многих исследований, то, по крайней мере, задают для них общий вектор развития. Этот вектор развития был перенят и практиками научной коммуникации.

1 Некоторые исследователи предпочитают аббревиатуру PEST — Public Engagement with Science and Technology, делая акцент на разделении «научных» и «технологических» вопросов.

Подобное авторитетное объяснение принадлежит социальному конструктивизму (далее — СК) и Брайану Уинну. Его работы в конце 1980-х — начале 1990-х гг. заложили основу того, как академические исследователи и практики научной коммуникации¹ по сей день думают об инициативах, которые исследуют и организуют. СК рассматривает динамику взаимоотношений науки и общества через обращение к локальным социальным идентичностям гетерогенных публик и сопротивление этих идентичностей закостеневшим институциональным допущениям науки. Прямым наследием подхода Уинна является то, что множество теоретиков и практиков и сегодня определяет себя и научно-коммуникационные практики через концепты «дефицита» и «диалога» [Miller 2001; Vucchi, Trench 2014b; Horst et al. 2017], отвергая первый и стремясь ко второму.

12

Однако социально-конструктивистское объяснение — не единственное. Акторно-сетевая теория (далее — ANT) предлагает другую перспективу. Ее объяснение динамики отношений науки и общества выстраивается вокруг деления на специалистов и неспециалистов, которое сегодня находится в кризисе и свидетельствует о разрушении существующей модели управления научно-техническим развитием. Перспектива ANT, несмотря на ее релевантность вышеописанным проблемам, значительно слабее представлена в академической литературе по сравнению с социально-конструктивистской оптикой. Так, например, в авторитетной «настойной книге» по исследованиям научной коммуникации под редакцией М. Букки и Б. Тренча [Vucchi, Trench 2014a] работы М. Каллона, важнейшего представителя перспективы ANT, бегло упоминаются лишь в двух из семнадцати представленных статей [Vucchi, Trench 2014b: 2; Einsiedel 2014: 133]. Какие-либо указания на работы главного ANT-теоретика Б. Латура отсутствуют. В то же время работы таких значимых адептов перспективы СК, как Б. Уинн и А. Эрвин, обсуждаются в девяти из представленных в сборнике текстов [Vucchi, Trench 2014b: 3-7; Borchelt, Nielsen 2014: 61; Peters 2014: 75; Kirby 2014: 97; Einsiedel 2014: 125-129; Bauer, Falade 2014: 140-155; Irwin 2014; Nisbet 2014: 174; Neresini, Pellegrini 2014: 234, 242]². Другим свидетельством

1 Под научной коммуникацией здесь и далее будет пониматься коммуникация науки (и о науке) не-ученым и не-специалистам. В этом смысле научная коммуникация — общий фокус интереса исследований PES, STS и научной коммуникации.

2 В отдельных случаях, несмотря на обзорный характер большинства статей, авторы не ограничиваются упоминанием, но приводят развернутое описание аргументов и выстраивают на этом основании свое обсуждение заявленных тем — см., например, статьи М. Бауэра и Б. Фаладе, и, разумеется, самого А. Эрвина [Bauer, Falade 2014; Irwin 2014].

в пользу малой представленности ANT в сравнении с СК может служить то, что в ведущем научном журнале в области научной коммуникации *Public Understanding of Science* за 2000–2023 гг. СК и социальное конструирование упоминаются в три раза чаще, чем ANT [*Public Understanding of Science*]¹. При очевидных ограничениях такого подхода к оценке, представляется, что он тем не менее позволяет составить общее впечатление о распределении исследовательского внимания в отношении СК и ANT.

Цель этой статьи — показать, что ANT — продуктивный подход к объяснению и решению важнейших проблем в исследованиях научной коммуникации и незаслуженно игнорируется исследователями. Для этого я произведу сравнительный анализ объяснений динамики отношений науки и общества и рефлексий о роли социальных исследователей в этой динамике в СК и ANT, обратившись к работам Брайана Уинна, который будет говорить от имени СК, и Мишеля Каллона, представителя ANT. Я выстрою сравнение вокруг трех вопросов:

- Почему оспаривается авторитет науки и возникают контroversы?
- Какой должна быть научно-техническая политика?
- Какова роль социальных ученых в динамике отношений между наукой и обществом?

13

По каждому из этих вопросов я представлю перспективу Брайана Уинна и Мишеля Каллона, сконцентрировавшись на основных тезисах, а затем приведу общие выводы о сходствах и различиях подходов. В заключение я опишу, почему перспектива ANT может быть особенно полезна сегодня и в чем состоят ее преимущества.

Почему оспаривается авторитет науки и возникают социотехнические контroversы?

Отсутствие интереса к науке и неприятие достижений науки и техники у публики в 1970–1980-х гг. начали сильно беспокоить научное сообщество и принимающих решения. Из этого беспокойства родилось движение *Public Understanding of Science* (Общественное Понимание Науки, PUS), куда вошли социальные исследователи, общественные и политические деятели, работники сферы образования [Gregory, Miller 1998]. Их главный интерес состоял в том, чтобы

1 72 результата против 23 по поисковым запросам [«social construction» OR «social constructivism»] и [«actor-network theory» OR «ANT» OR «actor network theory»] на декабрь 2023 г. Из результатов поиска были исключены обзоры книг.

улучшить взаимоотношения между наукой и обществом, восстановить авторитет науки, обеспечить принятие достижений науки и техники. В связи с этим социальные исследователи поставили перед собой задачу понять, как публика взаимодействует с наукой, что позволило бы определить, почему она науку отвергает, и исправить ситуацию [Ibid.].

До второй половины 1980-х гг. большинство исследователей PUS придерживалось концептуализации, которая впоследствии с подачи Б. Уинна получила название «модель дефицита» [Gregory, Miller 1998; Gregory 2015; Wynne 1993]. Науку и публику видели дискретными сущностями, роли которых определялись так: наука производит объективные факты, а публика их принимает. В такой концептуализации главную причину оспаривания авторитета науки видели в когнитивных дефицитах публики, то есть ее неспособности усваивать научную информацию [Vucchi 2004; Vucchi, Trench 2014b; Gregory 2015; Meyer 2016].

14 В конце 1980–1990-х гг. такой подход к проблеме взаимодействия между наукой и публикой стал активно критиковаться. Критики указывали на то, что модель дефицита неправильно изображала как процесс производства науки, так и процесс взаимодействия между наукой и публикой [Miller 2001]. Основной вектор развития исследовательского поля в связи с этим изменился. Теперь то, как публика взаимодействует с наукой (включая ее отстранение от науки, неприятие научных результатов), должно было объясняться социальными, а не когнитивными факторами и процессами [Wynne 1992a]. Произошел переход от проблемы успешной передачи информации (о ней также можно говорить как о проблеме популяризации науки) к проблеме доверия к науке и авторизирующим ее решения и результаты институциям [Ibid.], а затем — и к проблеме вовлечения в науку гетерогенных публик. В связи с последней заговорили о переходе от PUS к PES [Trench 2006; Irwin 2015; Gregory 2015].

СК сыграл очень важную роль в этих изменениях вектора исследований научной коммуникации. Подход ANT же, хоть его вклад признается некоторыми исследователями [Miller 2001], остается, скорее, на периферии — возможно, из-за убеждения исследователей, что ANT обращает недостаточно внимания на перспективу публики и, следовательно, не может предложить достойного объяснения происходящим в отношениях науки и публики процессам [Wynne 1993: 322, 331–332] или, что в целом созвучно предыдущему утверждению, — что ANT не выстраивает связей между «микромирами научной деятельности и макрокатегориями политической и социальной мысли» [Jasanoff 2004: 18], не интересуется политикой за пределами производства авторитетных репрезентаций реальности, в создание которых вовлечена наука — то есть поддержанием, оспариванием,

обсуждением этих репрезентаций, когда они распространяются на общества [Ibid: 23-28]. В этой части статьи мы рассмотрим, как СК и ANT объясняют, почему оспаривается авторитет науки и возникают социотехнические контroversы, и увидим, что подобные претензии к ANT необоснованны.

СК. Борьба двух культур: бунт локальных экспертиз против институционального этоса науки

Как и другие критики модели дефицита, Б. Уинн утверждает, что взаимодействие с наукой — это никогда не исключительно интеллектуальный, а социальный процесс. Общественное понимание науки¹ зависит не столько от способности воспринимать научное содержание, сколько от рациональной оценки благонадежности институций и (не)доверия к ним [Wynne 1989, 1992a, 1996, 2001; Irwin, Wynne 1996]. Однако СК настаивает на том, что сместить фокус на социальное и поднять проблему доверия — мало, чтобы понять, как публика воспринимает науку и почему возникает недоверие. Ошибка заключается в том, что оценку благонадежности и доверие считают первично и объективно существующими. Для СК первичны социальные отношения и идентичности, а убеждения публики, оценка благонадежности науки, (не)доверие и наблюдаемые паттерны взаимодействия с ней — это производные от социальных отношений и идентичностей [Wynne 1992a, 1993, 2006].

Какие процессы приводят к оспариванию авторитета науки и социотехническим контroversам, с точки зрения СК, и при чем здесь социальные идентичности? На эти вопросы Уинн отвечает в своем исследовании кумбрийских овцеводов [Wynne 1989, 1991, 1992a].

В результате Чернобыльской катастрофы произошло радиоактивное загрязнение холмистой местности Кумбрии в Северной Англии, где фермеры поколениями разводили и пасли овец. Проблему загрязнения и, следовательно, опасности продуктов овцеводческого промысла местные власти пытались решить, привлекая ученых-экспертов. Предсказания ученых о поведении радиоактивного элемента — цезия — оказались ошибочными, что привело к слишком оптимистичным прогнозам по очищению местности и решениям, которые повлекли ущерб для овцеводов. В результате — с одной стороны, применение научного знания нельзя назвать успешным: кризис оказывается не разрешен, так как принимаемые решения чуть

1 Уинн предпочитает говорить о взаимодействии с наукой, о ее усвоении, потреблении, и слову «понимание» (understanding) в PUS предпочитает «использование» (uptake).

было не разрушили местную овцеводческую экономику. С другой стороны, возникают неприятие науки и недоверие к ней у непрофессионалов¹ — кумбрийских фермеров [Wynne 1989, 1991, 1992a].

Само по себе существование факторов и последствий, которые не удастся предвосхитить науке, — это нормально и неизбежно. Современный мир сложен и во многом непредсказуем, и учесть все важные переменные, включив их в производство знания, — задача не только нетривиальная, но практически невыполнимая. Одних лишь ошибок мало для возникновения таких катастрофических последствий, какие имели место в Кумбрии [Wynne 1992a, 1992c; Igwin, Wynne 1996]. Проблемы произрастают из того, что то, как наука работает с неопределенностями — неизвестными факторами и переменными, — и то, какой ее образ воспроизводится в научной культуре и культуре полиси и «накладывается» на общество, — очень разные вещи. Поэтому, чтобы показать, что на самом деле приводит к оспариванию научного авторитета и контроверзам, СК предлагает начать с рассмотрения процессов производства научного и технического знания.

16

С точки зрения ученых и лиц, принимающих решения, наука ликвидирует неопределенности. В этот образ науки вписано, что ее незнание — дело временное, неопределенности можно уменьшить и даже искоренить [Wynne 1992c, 2013]. Однако наука работает с ограниченным кругом определенных неопределенностей, с которыми может справиться, и отбрасывает при этом многие другие. Это происходит, когда наука решает, как именно изучать объект, какие параметры считать ключевыми, какие способы оценки результата использовать. В этом участвуют представления ученых о том, что из себя представляет проблема в реальном мире, кого она затрагивает, какие решения может предполагать. Совершая такие выборы, ученые не исходят из природы. Таким образом, в само научное знание оказываются включены социальные выборы ученых. В результате наука предписывает миру, где будет применяться знание, социальные отношения и идентичности [Wynne 1992c, 1996, 2013; Igwin, Wynne 1996]. Влияют на внутринаучные выборы и взаимодействие с полиси-мейкерами, и убеждения ученых как носителей научной культуры [Shackley, Wynne 1995; Wynne 1992a, 1996]. При этом научная культура — это такая же культура, как и культуры непрофессионалов, и для нее тоже характерны вопросы доверия, эмо-

1 Уинн использует термины *lay people* и *lay public* — соответственно, «непрофессионалы» и «публика непрофессионалов» в данном тексте. Этими терминами Уинн обозначает людей, которые не являются частью научного сообщества и не входят в число лиц и институций, которые принимают решения, связанные с наукой и технологиями [Wynne 1992a].

ций — и просто веры [Wynne 2001]. Разница в том, что в случае научной культуры эти вещи выглядят «естественными» [Wynne 2013]¹. Подобная работа с неопределенностями абсолютно нормальна для науки, но становится проблемой, когда научное знание используется как основа для принятия решений «в реальном мире» [Wynne 1992c].

Вернемся к кумбрийским овцеводам. Сначала полиси-мейкеры, основываясь на советах ученых, никак не отреагировали на выпадение радиоактивного цезия, а затем запретили забивать и продавать овец. Они убеждали фермеров, что запрет продлится не более пары недель, так как ученые предполагали скорое обеззараживание почв. Несмотря на то что уровень радиоактивности и не думал падать, ученые и полиси-мейкеры продолжали настаивать на том, что у них все под контролем. В итоге запрет продлился несколько лет. При этом меры, которые предлагало местное правительство по совету ученых, входили в прямой конфликт с традиционным укладом овцеводов, никак не учитывали особенности локального овцеводческого промысла. Все эти переменные были отброшены как «несущественные неопределенности». В то же время кумбрийские овцеводы наблюдали за разрушением своего привычного уклада. Они также видели, что претензии науки на контроль никак не соотносились с реальностью, и сталкивались с тем, что ученые не готовы учитывать экспертизу самих овцеводов [Wynne 1992a].

17

В случае кумбрийских фермеров контроверза образовалась не потому, что непрофессионалы не понимали и не принимали рациональное научное знание, и не потому, что ученые ошибались. Здесь столкнулись две культуры. СК утверждает, что подобное верно для всех случаев оспаривания авторитета науки и возникновения контроверз [Wynne 1989, 1992a, 1996, 2001]. Научная культура, сложившаяся за последние столетия, предполагает стремление к стандартизации, предсказанию и контролю, превращению объектов контекста в «черные ящики», что приводит ученых к чрезмерной уверенности в собственных выводах, которая регулярно себя не оправдывает. Причем корень проблемы — не в конкретных ученых, а в устройстве самих институтов науки [Wynne 1992, 1993, 1996, 2006, 2014; Irwin, Wynne 1996]. Все это наблюдает публика. Непрофессионалы реагируют на научную культуру, которая включает интересы, ценности, отношения, навязываемые обществу через реализацию принимаемых на основе

1 Так, сообщения о рисках представляются объективными, хотя являются социальным конструктом: в них вписаны определенные социальные выборы [Wynne 2014].

науки решений, ведет себя самоуверенно и игнорирует локальные экспертизы непрофессионалов, не умеет признавать ошибки и брать за них на себя ответственность [Wynne 1989, 1992a, 1996, 2001]. Мир, в котором живут непрофессионалы, другой: вопреки чрезвычайно распространенному убеждению ученых и полисмейкеров публики не ждут исключительной точности и адаптируются к неопределенности. Они не хотят нулевых рисков, не требуют отсутствия ошибок [Wynne 1989, 1992a, 1993, 1996, 2001; Irwin, Wynne 1996]. Так, менеджмент кумбрийских овцеводов предполагал умение справляться с неизбежными неопределенностями, включая их в повседневные практики управления хозяйством [Wynne 1992a].

Вернемся к вопросу о социальных отношениях и социальных идентичностях, которые в СК являются объясняющим элементом¹. В кейсе Уинна овцеводы представляли из себя сообщество специалистов с традициями, навыками и особыми социальными отношениями. Их идентичности формировались в социальных взаимодействиях — в том числе во взаимодействии с наукой². Аналогично ученые представляли из себя сообщество специалистов, чьи идентичности сформировались под воздействием особого институционального этоса. В своем исследовании Уинн показывает, как определяемые соответствующими культурами идентичности непрофессионалов и ученых вступают в конфликт. Из-за вмешательства науки социальные идентичности фермеров оказываются под угрозой, нарушается социальная ткань, в которую они вплетены [Wynne 1992a, 1992b, 1993,

18

1 Конструирование идентичностей для Уинна — это фундаментальное измерение, которое отвечает за восприятие науки непрофессионалами [Wynne 1992a, 1992b, 1993, 1996]. СК понимает идентичности в постмодернистском ключе — как незавершенные и открытые, реляционистские — находящиеся вечно в процессе пересоздания в социальном взаимодействии, и включает в них «паттерны моральной и социальной идентификации» [Wynne 1992a: 300]. Уинн говорит о них как об изменяющихся конструктах, которые трансформируются в процессе переговоров при социальных контактах, в том числе с наукой [Wynne 1992a, 1993, 1996, 2016].

2 Непрофессионалы учитывают свою позицию в институциональном контексте (статус своей экспертизы), публичную репрезентацию науки, поведение науки и свой опыт контакта с ней в исторической перспективе. С этой точки зрения внезапные всплески общественного несогласия с аргументами науки или решениями, на ней основанными, на самом деле не внезапны [Wynne 1992a, 2001]. Несогласие долгое время может оставаться приватным, а потом находить повод для выхода в публичную сферу [Wynne 1992a, 1996, 2006]. Здесь Уинн отмечает, что кризис доверия к науке на самом деле возник гораздо раньше того времени, которому обычно атрибутируют его начало, — раньше 1970-х гг. [Wynne 1996].

1996]. Отталкиваясь от идентичностей, Уинн поднимается до уровня культур и говорит об их конфликте.

Сделаем выводы. В перспективе СК оспаривание научного авторитета и контроверзы — это следствие динамики социальных отношений ученых и публик, в которых социальные идентичности ученых и непрофессионалов, определяемых, соответственно, культурой науки и локальными культурами непрофессионалов, конфликтуют друг с другом. Таким образом, по сути, конфликтуют эти культуры. При этом «виновная сторона» — именно научная культура, закрепленная в институциональных формах науки. Она мешает эффективному применению научного знания для изменения мира к лучшему и создает угрозу социальным идентичностям непрофессионалов. Важнейшие характеристики этой культуры — неререфлексируемое отбрасывание неопределенностей одновременно со стремлением к стандартизации и контролю, самоуверенность и «глухота» к локальным экспертизам непрофессионалов, неумение признавать ошибки и за них отвечать.

ANT. Кризис деления на специалистов и неспециалистов, умножение переливаний и обеспокоенных групп

19

Вопреки распространенным точкам зрения, которые гласят, что оспаривание авторитета науки связано с невежеством публики или, в более «прогрессивном» варианте, с недоверием публики к тем, кто не может предсказывать риски и контролировать негативные эффекты науки и технологий, М. Каллон говорит: нет, проблема лежит глубже. С точки зрения ANT, контроверзы — это симптом кризиса деления на специалистов и неспециалистов, которое существовало на протяжении веков, но сегодня активно оспаривается [Callon 1999, 2003; Каллон и др. 2008].

Для того чтобы разобраться, почему это так, обратимся к случаю французской ассоциации мышечной дистрофии AFM (Association Française contre les Myopathies) — одному из главных исследовательских кейсов Каллона [Rabeharisoa, Callon 2002, 2004; Callon 2003; Callon, Rabeharisoa 2003, 2004, 2008; Rabeharisoa et al. 2012].

Некогда группа нейромышечных заболеваний науку не интересовала. Случаи таких заболеваний считались единичными и безнадежными «монстрами» и не занимали науку именно в силу своей единичности и монструозности, ведь науку интересуют закономерности [Callon 2003]. Страдающие от этих заболеваний и их семьи не могли получить ни внятного диагноза, ни тем более средств для

облегчения состояния больных — так как врачи ничего не знали о болезни. Пациенты с такими дегенеративными состояниями часто воспринимались как «не совсем люди», как «чудовища» [Ibid.: 43]. Однако в 1950-е гг. во Франции семьи больных нейромышечными заболеваниями объединились и создали пациентскую ассоциацию AFM. Организация поставила перед собой цель найти причины болезни и ее лечение, представить страдающих от нее полноправными гражданами, а не «недолюдьми», а для этого — сделать саму болезнь, страдающих от нее и их семьи видимыми и важными для исследователей, медицинских организаций, властей и других граждан. За несколько десятков лет, наполненных общественными кампаниями по повышению осведомленности о нейромышечных заболеваниях, переговорами с медицинскими и научными институтами, спонсированием экспертов и лабораторий и участием в исследованиях¹, организация смогла добиться больших успехов. Пациенты и их семьи оказались в центре внимания клинических и биологических исследовательских программ, и пусть проблема еще не решена и борьба пациентов и их семей продолжается, единичных «монстров» больше не существует — есть граждане, которые отличаются от других лишь небольшой генетической мутацией [Rabeharisoa, Callon 2002, 2004; Callon 2003; Callon, Rabeharisoa 2003, 2008; Rabeharisoa et al. 2012].

Итак, у нас есть проблема, связанная с научным знанием, — в данном случае болезнь. Такие проблемы, связанные с не-человеками (non-humans), будь то нейромышечное заболевание, вопрос о влиянии мобильных телефонов на здоровье или захоронение отходов с местного завода, в ANT называются дискуссионными реалиями (matters of concern). Вокруг них и формируются контроверзы, которые в ANT представляют собой общественные обсуждения, переговоры о том, что важно, кто важен, что должно быть сделано, какое знание должно быть произведено и как. В случае AFM в этих переговорах участвуют пациенты с их семьями, лечащие врачи, ученые, представители власти и общественности [Rabeharisoa, Callon 2002, 2004; Callon 2003; Callon, Rabeharisoa 2003, 2008; Callon et al. 2011].

До тех пор пока пациенты и их семьи не заявили о себе и своей проблеме, болезни не существовало ни в фокусе исследователей и полиси-мейкеров, ни в общественном дискурсе. И тем не менее от нее страдали люди, которые в определенный момент скооперировались и заявили о себе, образовав контроверзу. Происходившее

1 А также борьбой с обвинениями в растрате денег налогоплательщиков на «сомнительные» для общественного блага научные проекты.

можно объяснить с помощью концептов фреймирования (framing) и переливаний (overflowing) [Callon 1998a, 1998b; Callon, Rabearisoa 2003, 2008; Callon et al. 2011]¹. Фреймирование — это процесс и результат определения, какие акторы и связи должны быть приняты в расчет, а какие не имеют важности — определения, по поводу которого существует согласие среди принимающих то или иное решение сторон [Callon 1998b]. Определяя направление и программы исследований, власти и ученые осуществляют именно фреймирование. В этом фреймировании оказываются не учтены пациенты с нейромышечными заболеваниями и их семьи, которые «перелились» через рамку фрейма. Определенное наукой и властями направление научного поиска имело для них негативные эффекты, связанные с их существованием — как социальным, так и биологическим, — подобные неучтенные при фреймировании эффекты Каллон предлагает называть переливаниями. В результате семьи пациентов объединились вокруг болезни, образовав обеспокоенные группы (concerned groups), то есть группы акторов, обеспокоенных по поводу дискуссионной реалии. Обеспокоенные группы могут исчезнуть, не найдя ресурсов для действия, но могут и активно включиться в оспаривание существующего фреймирования — требовать перефреймирования, участия в принятии важных для них решений и производстве важного для них знания, как это сделали семьи пациентов. В таких случаях возникают контрверзы [Callon 2003; Callon, Rabearisoa 2008; Callon et al. 2011]². Граница между специалистами (принимающими решения и производящими знание) и неспециалистами (теми, кто в этом не участвует) становится предметом споров и может оказываться зыбкой, проницаемой. Именно так было в кейсе AFM. Рассмотрим подробнее, как это происходило, обратившись к тому, как ANT видит процесс научного производства.

21

-
- 1 Каллон заимствует у экономической теории понятие экстерналий, под которыми понимают «связи, отношения и эффекты, которые агенты не берут в расчет в своих вычислениях, когда вступают в транзакцию на рынке» [Callon 1998b: 16]. Каллон раскладывает понятие экстерналий на две составляющие: фреймирование и переливания — что как раз и позволяет ему показать, откуда берутся контрверзы.
  - 2 По Каллону, при переливаниях возможны два варианта развития событий. Во-первых, переливания могут активизировать существующие группы людей, которые уже страдали от какой-то проблемы, но не проявляли себя. Переливание дает им повод для высказывания или действия. Можно сказать, что пациенты с нейромышечными заболеваниями относились именно к такому типу обеспокоенной группы. Однако существует и другой вариант: обеспокоенные группы могут сформироваться одновременно с переливанием — например, после внезапного выброса вредных веществ в местную реку [Callon 2003; Callon, Rabearisoa 2008; Callon et al. 2011].

ANT представляет процесс производства и распространения научного знания в виде трех шагов, или переводов [Callon 2003; Callon et al. 2011; Latour, 1983]. Во время первого шага ученые сводят сложный мир к микрокосму лаборатории. Комплексная проблема в реальном мире переводится в дискретные маленькие проблемы, которые можно решить в микрокосме. Второй шаг предполагает две вещи. Во-первых, это формирование исследовательского коллектива, состоящего из людей и не-человеков: исследователей, техников, лаборантов, инструментов и пр. Во-вторых, это запись микрокосма: им манипулируют, его обсуждают, используя инскрипции — то есть записи, которые говорят за сущности. Наконец, при третьем шаге те трансформации и манипуляции, которые были произведены во время второго шага, распространяются на реальный мир.

В стандартной схеме научного исследования все три шага контролируют ученые. Они отдаляются от мира в свои лаборатории, чтобы разобраться с проблемой — и затем возвращаются в него. Эта схема чрезвычайно эффективна, и благодаря ей наука успешно меняет мир [Callon 2003; Callon et al. 2011]. Такой тип исследований Каллон называет закрытыми, или ограниченными, исследованиями (confined/secluded research) [Каллон и др. 2008; Callon 2003; Callon, Rabeharisoa 2003, 2004; Callon et al. 2011]. В кейсе AFM было иначе. Пациенты и их семьи добились того, чтобы участвовать во всех трех шагах [Rabeharisoa, Callon 2002, 2004; Callon 2003; Callon, Rabeharisoa 2008]. В случае первого шага пациенты и их семьи участвовали в формулировании исследовательской проблемы: до них нейромышечные заболевания вообще не попадали в поле зрения специалистов. Для этого они занимались «примитивной аккумуляцией знания» [Callon, Rabeharisoa 2003: 197]: собирали и производили материалы, где фиксировалось течение болезни, диета, эффекты от лечения и пр. Это помогало обозначить проблемы и сформулировать вопросы, которые были бы интересны специалистам. В случае второго шага обеспокоенные группы участвовали в формировании исследовательских коллективов, включавших исследователей, медиков, пациентов и их родственников, психологов, социальных работников и множество не-человеков. Пациенты и их семьи участвовали и в работе этих коллективов: определяли исследовательскую политику, наблюдали за тем, что делают исследователи, сдавали биоматериал в биобанки, принимали участие в экспериментах и интерпретации их результатов. Своими действиями обеспокоенные группы обеспечивали успех третьего шага — внедрения произведенного знания в реальный мир, ведь они и были основными бенефициарами производства знания. Важно, что в процессе развертывания контроверзы пациенты вместе со специалистами и многочисленными не-человеками трансформировали свои идентичности, атрибутировали идентичности друг другу и спорили о них, определяя природное, социальное

и моральное. Так, например, гены стали требовать от больных обязательного тестирования, пациенты приняли, что гены ответственны за их жизнь¹, а исследователи начали циркулировать между кабинетами врачей и генетическими лабораториями и стали принимать во внимание ежедневный быт и социализацию пациентов [Callon 2003; Callon, Rabeharisoa 2003, 2004, 2008]. Переопределение идентичностей в процессе разворачивания контроверзы всегда имеет место с перспективы ANT.

Таким образом, обеспокоенные группы в случае контроверзы вокруг нейромышечных заболеваний стали полноправными со-производителями знания. По этой причине Каллон предпочитает говорить о них как об «исследователях в дикой природе», ведь то, что делали пациенты и их семьи, по своей сути не отличалось от того, что делали ученые [Callon 2003; Callon et al. 2011].

Итак, проблема доверия, о которой говорят ученые, полиси-мейкеры и многие социальные исследователи, для ANT не стоит, так как с точки зрения этого подхода оспаривание авторитета науки и возникновение контроверз — это симптом кризиса деления на специалистов и неспециалистов [Callon 2003]². Кейс AFM для Каллона привлекателен тем, что оспаривание границы между специалистами

-
- 1 Но не все пациенты согласны принять идентичность, которую им «предписывают» гены, об этом см. в: [Callon, Rabeharisoa 2004].
  - 2 Каллон использует разные слова для обозначения представителей публики: чаще всего он обращается к терминам «непрофессионалы» (lay people, laypersons), «неспециалисты» (non-specialists), «(обычные) граждане» ((ordinary) citizens), противопоставляя их «специалистам», «экспертам», «ученым» или «институциональным представителям» (specialists, experts, scientists, institutional representatives). Здесь важны четыре момента. Во-первых, Каллон не всегда говорит именно об ученых и не-ученых. Значимой является не только граница, отделяющая профессиональных производителей знания от его «потребителей», но и граница между теми, кто может принимать важные для коллектива решения, и теми, кто может просто время от времени за них голосовать. Поэтому Каллону недостаточно различия «ученый (эксперт, специалист)/не-ученый (непрофессионал)», его терминологический арсенал более богат. Во-вторых, по этой же причине кризис, лежащий в основе современных проблем в отношениях науки и общества, Каллон называет кризисом деления на специалистов и неспециалистов [Callon 1999, 2003; Каллон и др. 2008]. Неспециалисты здесь — те, кто не принимает решения и не участвует в производстве знания изначально. В-третьих, в контексте фреймирования и переливаний Каллон пишет, что о «неспециалистах» корректнее говорить как об «обеспокоенных группах» (concerned groups) [Callon 1999; Callon et al. 2011]. В-четвертых, когда Каллон говорит о со-производстве знания — как в случае AFM — он предлагает отказаться от термина «неспециалисты» в пользу «исследователей в дикой природе» (researchers in the wild) [Callon 2003; Callon et al. 2011].

и неспециалистами и ее последующее размывание в этом случае очевидно. Разумеется, так происходит не во всех случаях. Но механизм возникновения контроверз всегда один: в результате фреймирования образуются переливания, вследствие чего возникают обеспокоенные группы, которые, если обладают ресурсами, начинают оспаривать существующее фреймирование, требовать участия в производстве важного для них знания и принятии решений.

Отметим еще один важный момент. ANT также дает ответ на вопрос о том, почему количество социотехнических контроверз растет. С одной стороны, это связано с развитием технаук: они производят все большее количество сущностей, которые ищут свое место среди людей и других не-человеков [Callon 1998a; Callon, Rabeharisoa 2008; Callon et al. 2011]. Эти сущности часто не очень предсказуемы: как они будут сосуществовать с другими членами коллектива, не predetermined — и их социальное поведение часто бывает неожиданным и образует переливания [Callon, Rabeharisoa 2008].¹ С другой стороны, увеличение числа контроверз связано с трансформацией традиционных рынков [Callon 2003; Callon, Rabeharisoa 2008]. Экономические рынки все чаще организованы в виде сетей: самые разные гетерогенные и пространственно распределенные акторы сотрудничают для производства инноваций, а инновации — это результат множества взаимодействий постоянно увеличивающегося числа акторов (и мы уже упомянули, что технаук активно способствуют их умножению). Уследить за поведением столь многочисленных человек и не-человек невозможно [Callon, Rabeharisoa 2008]. Переливания, вызванные непредсказуемым поведением акторов, неизбежны [Callon 1998a; Callon et al. 2011]. А значит, будут возникать и заявлять о себе, образуя контроверзы, все новые и новые обеспокоенные группы.

24

Причины оспаривания авторитета науки и контроверз: СК vs ANT

Рассмотрим основные черты сходства и различия объяснений СК и ANT.

- *Отношение к проблематизации PUS.* Оба подхода критикуют существующую проблематизацию социальных исследова-

---

1 Например, ученые разработали технологию генной модификации продуктов, которая должна была решить проблемы сельскохозяйственного сектора и привести к уменьшению продовольственных проблем в целом. Однако все пошло совсем не по сценарию, о чем свидетельствуют контроверзы вокруг ГМО в разных странах [Irwin 2014; Yearley 2014; Callon et al. 2011].

телей, но предпринимают здесь разные шаги. СК указывает на то, что исследователи верно указывают на социальную обусловленность конфликтов между наукой и публикой и проблему доверия, однако неправы в том, что доверие считают чем-то априорно существующим, в то время как это производная от социальных отношений и социальных идентичностей. Фокус на идентичностях и их культурной обусловленности позволяет Уинну заключить, что оспаривание авторитета науки и контроверзы возникают по причине конфликта культуры науки с культурами непрофессионалов. С перспективы ANT кризис, требующий внимания, заключается в расшатывании деления на специалистов и неспециалистов, а оспаривание авторитета науки и контроверзы — его симптомы. Говорить о проблеме доверия бессмысленно, так как наличие или отсутствие доверия не влияют на наличие переливаний, образование обеспокоенных групп, требующих участия в принятии решений и производстве знания, и, как следствие, возникновение контроверз.

- *От производства знания к его использованию: объяснения.* Оба подхода в своем объяснении обращаются как к процессам принятия решений по поводу науки и техники и их реализации «на местах», так и к производству знания. Но дальше начинаются различия. Для СК научное производство, полное неопределенности и социальных выборов ученых, конфликтует с поведением ученых и полиси-мейкеров при применении научного знания: здесь есть претензия на полный контроль, существует «глухота» к экспертизам непрофессионалов, которые могли бы дополнить научное знание и оспорить социальные выборы ученых, не признаются ошибки прошлого и настоящего и отсутствует ответственность за негативные последствия применения науки. Все это определяется культурой науки и, сталкиваясь с культурами непрофессионалов, приводит к недоверию, отторжению и открытому протесту публик — контроверзам. ANT же с помощью концептов фреймирования и переливаний показывает, как процесс принятия решений в области науки и технологий сегодня с неизбежностью приводит к контроверзам: во фреймировании всегда что-то оказывается не учтено, что приводит к переливаниям. В результате задетые группы людей подают голос, оспаривают существующее деление на специалистов и неспециалистов, требуя включения в принятие важных для них решений и производство знания, потому что оно их непосредственно затрагивает.

- *Понимание институционального кризиса.* Оба подхода заявляют, что оспаривание научного авторитета и контроверзы указывают на институциональный кризис системы принятия решений по вопросам науки и техники. СК при этом склонен обвинять в возникновении контроверз и падении авторитета науки прежде всего саму науку, которая не желает признавать свою обусловленность и неполноту и меняться (а вслед за ней — и полиси), обращая внимание на экспертизу непрофессионалов. Предполагается, что, не будь наука так «глуха», участие непрофессионалов позволило бы сделать применение результатов науки более эффективным, а проблемы в отношениях науки и общества свести на нет. ANT не ищет виновных. Более того, в подходе ANT утверждается, что контроверзы неизбежны, «нормальны», так как науки производят все большее количество сущностей, что вместе с изменяющейся организацией рынков неизбежно приводит к возникновению переливаний и обеспокоенных групп. Социотехнические контроверзы — результат нормального функционирования наук и институтов принятия решений, основанных на делегировании права голоса представителям. Просто сама система управления научно-техническим развитием, основанная на делении на специалистов и неспециалистов, не соответствует реалиям коллективной жизни, где связи и сущности множатся в геометрической прогрессии и не поддаются предсказанию и контролю.
- *Социальные идентичности.* Стоит отдельно отметить то, как СК и ANT работают с социальными идентичностями. Для обоих подходов измерение идентичности непосредственно связано с процессами возникновения и развертывания контроверз. Но есть важные различия. В СК социальные идентичности являются объясняющими элементами: идентичности непрофессионалов оказываются под угрозой в результате применения результатов науки, вследствие чего возникают недоверие, оспаривание научного авторитета, контроверзы. При этом та самая составляющая идентичностей непрофессионалов, которая в итоге конфликтует с наукой, не проблематизируется и не прослеживается в своем формировании и изменении — несмотря на заявленную реляционистскую природу идентичностей. СК утверждает: ученые стандартизируют, контролируют, не слушают и пр., а непрофессионалы принимают неопределенности, держатся за свои традиции и уклад — все это определяется их культурами. Но тогда получается, что а) акторы не могут переопределяться, они

не вольны менять правила игры и действовать сообразно обстоятельствам, а выступают «болванами» [Woolgar 1981], поведение которых определяется предписаниями культур, и что б) только социальный исследователь определяет, какой конструкт науки и публики легитимен (вспомним: ученые неправильно видят публики и неправильно видят сами себя). Представляется, что здесь сам СК совершает социальные выборы, не обосновывая их, более того, он помещает их результат в основание объяснения. Эти размышления согласуются с критикой конструктивистских объяснений (см., например: Woolgar 1981; Woolgar, Pawluch 1985 или Кузнецов 2020). ANT стремится избавиться от этих ограничений. На кейсе AFM Каллон показывает, что акторы способны менять правила игры и меняться. Для ANT идентичности акторов-участников контроверзы не статичны, они — предмет переговоров и со-производятся в процессе развертывания контроверзы.

Какой должна быть научно-техническая политика?

27

В 1990-е гг. вектор исследований взаимодействия науки и общества изменился, исследователи обратились к критике основной модели дефицита. К 2000-м гг. дефицитный подход стали отвергать и те, кто отвечал за принятие решений в области науки и технологий и научную коммуникацию: они заговорили о наступлении эры диалога между наукой и обществом [Miller 2001]. Появились многочисленные практические инициативы, призванные учесть экспертизу непрофессионалов и включить их в принятие научно-технических решений: консенсусные конференции, гражданские жюри и консультации, делиберативные воркшопы, национальные дебаты [Igwin 2015; Davies 2016]. Многие исследователи зачастую говорят об этих изменениях как о переходе от PUS к PES — общественному вовлечению в науку [Trench 2006; Igwin 2015; Gregory 2015].

Изменение общего вектора в сторону диалога и вовлечения, а также трансформация практик принятия решений должны были привести к восстановлению доверия публик к науке и уменьшению напряжения в отношениях науки и общества. Однако контроверзы продолжают беспокоить ученых и принимающих решения, и проблема доверия все так же стоит на повестке (см., например: Engdahl, Lidskog 2014; Myers et al. 2017; Oreskes 2021; Fage-Butler et al. 2022). В этом разделе мы сфокусируемся на том, как СК и ANT видят существующую научно-техническую политику и какие изменения полагают необходимыми.

СК. Трансформация культуры и институтов науки как основа нового эпистемического и политического порядка

Когда Уинн объясняет причины оспаривания авторитета науки и возникновения контроверз, то начинает с проблемы (не)доверия и находит ее корни в конфликте культуры науки с культурами непрофессионалов. При обсуждении научно-технической политики этот конфликт Уинн связывает с 1) проблемой нерефлексивной научной культуры, 2) общей проблемой легитимности как науки, так и системы принятия решений, связанных с наукой и техникой, а также с 3) проблемой производства валидного общественного знания и инноваций в демократиях и 4) проблемой сохраняющегося сциентизма, характерного для существующих PES-инициатив. Рассмотрим эти проблемы и вытекающие из них рекомендации Уинна по изменению системы управления научно-техническим развитием.

В институциональной культуре науки Уинн видит основной источник проблем в отношениях науки и общества, поэтому разговор о необходимых мерах в отношении научно-технической политики он выстраивает вокруг науки.

28

Как мы помним, СК показывает, что ученые в процессе производства и применения знания совершают социальные выборы и отбрасывают многие неопределенности. При этом они претендуют на полноту знания и контроля, представляя, что основанные на их науке решения произрастают из самой природы. Возникает иллюзия детерминизма и чрезмерная самоуверенность ученых при применении знания, также вызванная убеждением ученых в собственной рефлексивности [Wynne 1992a, 1992c, 1996, 2013, 2014; Irwin, Wynne 1996]. Социальные проблемы, связанные с научно-техническими решениями, все чаще фреймируются как научно-технические, исключая тем самым эти проблемы из общественного обсуждения [Wynne 1996, 2001, 2007, 2014, 2016]. В итоге неопределенности и социально обусловленные допущения, вплетенные в науку, вызывают проблемы при применении знания, провоцируют отчуждение и протест публик и подрывают основы демократии [Wynne 1992c, 1996, 2001, 2016; Irwin, Wynne 1996].

С точки зрения СК, на деле наука совсем нерефлексивна, и поэтому в результате она работает не вместе с социальными группами, а против них, вызывая их протест [Wynne 1992a, 1993; Irwin, Wynne 1996]. Эту рефлексивность ей нужно обрести. При этом рефлексия нужна как над тем социальным, что оказывается встроено в результаты науки, так и над институциональным измерением — институциональными механизмами этого встраивания, а также контролем над результатами науки [Wynne 1993; Irwin, Wynne 1996]. Это озна-

чает, с одной стороны, изменение научного этоса и предпосылок науки (включающих конструкты науки и публики), а с другой — трансформацию научных институтов [Wynne 1992b].

Начнем с научного этоса и предпосылок. Если наука хочет, чтобы ее достижения и советы принимали, ей придется проблематизировать свои предпосылки и отдавать часть контроля. Нужен тренд не на «больше контроля» (больше знания, больше суждений о рисках), а на «меньше контроля» (больше признания неопределенности, больше рефлексии о социальных выборах и обсуждения) [Wynne 1992c]. Науке необходимо отказаться от детерминистского представления о том, что научное знание объективно и «естественно», и признать, что научная точка зрения не абсолютна и не всегда хороша [Wynne 1992a, 1992c, 2013].

Стоит ученым признать и нерелексируемые допущения по поводу публик [Wynne 1992b, 1993]. Согласно СК, «дефицит жив»: ученые продолжают думать, что публики обладают когнитивными дефицитами, существуют на поводу у эмоций, боятся рисков и отсутствия контроля над ситуацией — и поэтому не принимают результаты науки. Просто теперь в дефицитные представления оказывается вшит разговор о доверии и вовлечении [Wynne 1993, 2014, 2016]. Ученым необходимо понять, что восприятие научных сообщений и использование науки связано с опытом социальных отношений с наукой и этими институциями [Wynne 1989, 1992a, 1993, 1996, 2001, 2016], и сами публики совсем не такие, какими их представляют ученые. Чего на самом деле хотят публики? С точки зрения СК, они хотят, чтобы институты науки и полиси-мейкеры признали, что полный контроль — это иллюзия, а невозможность справиться с неопределенностями — правило. Им нужно, чтобы были ответственные за последствия принятия решений, основанных на науке, и инструменты контроля этих последствий. Наконец, и на этом Уинн делает особый акцент, публики хотят, чтобы публично обсуждалось то, почему избирается та или иная траектория развития наук и технологий и «стоит ли все это того» (приложения усилий, затрат на ликвидацию последствий) в каждом конкретном случае [Wynne 1996, 2001, 2014].

Согласно СК, проблема нерелексивности укоренена в самих институтах науки и поддерживается научной культурой [Wynne 1993]. Именно поэтому научные институты должны измениться. Возможность рефлексии должна быть встроена в институциональные процессы науки [Irwin, Wynne 1996]. Что это означает? Коммуникация науки с публиками должна перестать представлять из себя развлекательный рассказ о победах науки или объяснение тех или иных полиси-решений post-hoc — такая коммуникация обречена на провал [Wynne 1989]. Во-первых, наука должна коммуницировать с публиками о своих предпосылках, условиях создания

научного знания и институциональных формах [Wynne 1991, 1992c; Irwin, Wynne 1996]. Во-вторых, научное знание должно дополняться знанием непрофессионалов, и статус, и границы различных экспертиз должны обсуждаться в каждом конкретном случае применения научного знания, ведь ранжирование экспертиз по значимости — это условность, и научное решение не обязательно лучшее в конкретной ситуации [Wynne 1989, 1992a, 1996]. В таком случае производимое знание и принимаемые на его основе решения будут «впитывать» коллективное социальное [Wynne 1996], что приведет к созданию нового и рефлексивного общественного знания (public knowledge), которое не равняется научному — а именно это равенство имеет место сегодня [Wynne 1996, 2001]. Это необходимо, чтобы решения были эффективными и решали реальные проблемы обществ, а инновации принимались [Wynne 1992c].

От научной культуры и научных институтов Уинн переходит к системе принятия связанных с наукой и техникой решений в демократиях.

30 В последние десятилетия принятие политических решений все сильнее связано с наукой. И непризнание за наукой того, что она говорит не только за природу, но и за социальное, приводит к тому, что полиси-мейкеры затем нерелексивно накладывают заключенные в научные выборы социетальные ценности на общество [Wynne 1992c]. Нерелексивная научная культура — контролирующая и самоуверенная — стала культурой полиси [Wynne 2001, 2013]. И полиси внесла свой вклад в то, что общественно значимое и подлежащее обсуждению стало научным, а значит, обсуждению не подлежащим¹. Перекочевало в полиси и нерелексивное научное представление о публиках [Wynne 2014, 2016].

Так как наука срослась с политической властью, теперь требуется больше доверия институтам, практикам и обещаниям науки, чтобы не оспаривались решения, принятые исходя из ее результатов [Wynne 2006, 2007]. Эти тенденции усиливаются в связи с коммерциализацией науки [Wynne 2001]. Поэтому кризис доверия к науке приводит к общему кризису легитимности современных научно-технических, экономических и политических институтов. Возникающие контроверзы свидетельствуют о поиске новых легитимных форм порядка и власти, и одновременно с этим — нового рефлексивного и демократического общественного знания. Чтобы разрешить

---

1 Так, полиси стала разделять в отношении определенных технологий этические и научные вопросы — как будто в «общепринятой» этике нет науки, а в науке нет этики. Это, например, заметно по дискурсам вокруг ГМО [Wynne 2001].

существующий кризис легитимности, этому поиску нужно способствовать, и в изменениях обязательно должны будут участвовать публики непрофессионалов [Wynne 1996].

Каким образом необходимо реорганизовать систему принятия решений? Нужны новые институциональные формы, где разные аудитории будут обсуждать разную науку [Wynne 1991, 1992a]. Больше социальных групп должны получить законное право критиковать и дополнять научное знание, и определять эти группы нужно исходя из конкретного случая применения научного знания [Wynne 1992a]. Для этого науке и полиси нужно разрабатывать процедуры переговоров [Ibid.], должны появиться регуляторные культуры, которые будут поощрять обсуждение социальных выгод, затрат, стратегий решения сложных проблем, связанных с наукой и техникой, а также существующих вокруг результатов науки неопределенностей [Wynne 1992c]. При этом обсуждения должны происходить как можно «выше по течению»: не тогда, когда уже есть результаты науки и готовые решения, а когда еще только определяются приоритеты, цели, задачи научных исследований и инноваций [Wynne 2016].

Переход к PES и новые партисипаторные инициативы (консенсусные конференции, гражданские жюри и проч.), казалось бы, должны свидетельствовать именно о таких изменениях. Предполагалось, что участие непрофессионалов сделает полиси-решения более справедливыми, а их результаты — более контролируемыми. Однако, как пишет Уинн, вместо «больше демократии» получилось «меньше демократии» [Wynne 2013, 2016]. Контроля тоже больше не стало [Wynne 2016]. Причину Уинн видит в том, что новые инициативы по вовлечению и диалогу упускают из виду, зачем вообще нужно вовлекать публику и на каких условиях. Да, речь идет о вовлечении непрофессионалов для повышения доверия к науке и технологиям, но доверие рассматривается как замена знанию. Здесь в основе старая дефицитная формула: научное = рациональное и объективное, а знание и понимание объективного — гарант его признания [Wynne 2001]. Если бы публики знали, то потребности в доверии бы не было. Новые процессы консультирования с публикой сталкиваются со все еще сциентистской институциональной культурой [Wynne 2014], и в результате получается нечто вроде «пусть непрофессионалы пообсуждают экспертное знание», когда задача, на самом деле, состоит во влиянии на то социальное, что заключается в научной культуре, научном знании, технологиях, основанных на науке решениях [Wynne 2007]. Экспертиза публик не воспринимается всерьез, не имеет интеллектуального веса — публики остаются «незнающими» [Igwinn, Wynne 1996]. Науке и полиси еще только предстоит научиться действительно слышать непрофессионалов [Wynne 2007].

Основной вывод из вышесказанного следующий: с точки зрения СК, необходимы изменения культуры и институциональной организации науки, а за ней — системы принятия решений, что позволит сформироваться более легитимному и демократическому эпистемическому и политическому порядку. При этом первостепенным фокусом изменений должна стать именно наука, которая передала свои нерелексируемые предпосылки полиси и с помощью последней навязывает их обществу, которое этому регулярно сопротивляется. Эти предпосылки должны проблематизироваться и обсуждаться с непрофессионалами, для чего нужно разрабатывать процедуры делиберации и делать их неотъемлемой частью научного и технологического производства и принятия решений. Такие изменения: а) улучшат отношения науки с обществом — повысят доверие к ней; б) позволят избегать контроверз; в) увеличат эффективность применения результатов науки — они будут приниматься публиками; г) сделают существующий политический порядок более демократическим и справедливым.

32

АНТ. Принятие контроверз, коллективное обучение на гибридных форумах и обеспечение разнообразия в науке

АНТ связывает возникновение контроверз с кризисом деления на специалистов и неспециалистов, увидеть и осмыслить который ей помогают концепты фреймирования, переливаний и обеспокоенных групп. Что, с точки зрения Каллона, подобное объяснение дает в плане научно-технической политики? Разговор об этом Каллон выстраивает вокруг четырех проблем: 1) проблемы отношения к контроверзам; 2) проблемы коллективного обучения; 3) проблемы нерелевантных решений; 4) проблемы разнообразия в науке и технологиях. Рассмотрим их подробнее.

Для экономической теории фреймирование, то есть процесс и результат установления границ, внутри которых определены имеющие значение акторы и связи, по поводу которых существует согласие, — это норма. Переливания — ситуации, когда зафреймированные акторы ведут себя непредсказуемо и возникают непредвиденные акторы и связи — для экономистов представляют исключения и отклонения от нормы, которые нужно ограничивать и направлять [Callon 1998a]¹. Считается, что нужно предугадывать

---

1 Экономисты не используют термины «фреймирование» и «переливания», а оперируют понятием «экстерналии», которое Каллон раскладывает на эти две составляющие [Callon 1998a].

и контролировать переливания, по возможности их не допуская. Такой подход характерен не только для экономистов, но и для полиси-мейкеров, и для науки, фокусирующейся на подсчете рисков. Но он не единственно возможный. Каллон утверждает, что в качестве нормы, учитывая изменяющиеся рынки, производящую все новых не-человеков технонауку, неопределенность как характеристику большинства ситуаций принятия решений, следует воспринимать не фреймирование, а именно переливания, так как от них никуда не деться. Фреймирование в современном мире — это очень сложно, безумно дорого и всегда (!) неполно [Ibid.].

Если добавить к распространенному восприятию фреймирования и переливаний столь же распространенное убеждение, что публичные контroversы возникают вследствие отсутствия нормальной коммуникации: ученые и/или политики не проинформировали граждан должным образом, а те их не поняли [Callon et al. 2011]¹, — то становится понятно, почему на контroversы, как правило, смотрят как на всплески хаоса и путь к коллапсу. Но если отказаться от распространенной проблематизации в пользу объяснения ANT и признать, что переливания — это норма, то контroversы, возникающие вследствие таких переливаний, тоже становятся нормой. Более того, Каллон утверждает, что контroversы — это благо [Callon 2003; Callon et al. 2011]. Чтобы понять, почему это так, нужно поближе рассмотреть их динамику.

33

Контroversы разворачиваются на гибридных форумах. Гибридные форумы — это пространства, где обсуждаются вопросы, которые важны для коллектива, образовавшегося вокруг проблемы, связанной с научно-техническим развитием. Каллон называет такие места форумами, так как они представляют собой открытые (в большинстве случаев) площадки обсуждения. Гибридные же они потому, что в обсуждениях участвуют самые разные акторы: эксперты, политики, ученые, обычные люди, которые обсуждают проблему с самых разных сторон — с точки зрения этики, экономики, права и др. Такие форумы помогают преодолеть деление на специалистов и неспециалистов и дают голос тем, кто был выключен из производства знания и вынужден молчать из-за делегирования права на принятие решений профессиональным политикам [Callon 1999, 2003].

Снова обратимся к кейсу ассоциации AFM. Ассоциация организовывала открытые конференции по мышечной дистрофии, встречи пациентов со специалистами, визиты пациентов в лаборатории. Она

¹ Иногда в контroversах видят потерю времени из-за откровенной глупости простых граждан, у которых нет ни знаний, ни способностей, необходимых для рационального суждения [Callon et al. 2011].

способствовала созданию рабочих групп по проблемам пациентов, банков ДНК и даже целого Института миологии (Myology Institute), где и проводили исследования, и учили, и консультировали пациентов и врачей [Rabeharisoa, Callon 2004]. Все эти места были гибридными форумами, где обсуждалась и переопределялась проблема, где акторы-участники обнаруживали новые, прежде невидимые ее аспекты, определяли и корректировали направления исследований, обсуждали, какими будут критерии успеха, какими должны быть инструменты его измерения [Callon 1999, 2003; Rabeharisoa, Callon 2002, 2004; Callon, Rabeharisoa 2003, 2008; Rabeharisoa et al. 2012].

Ровно этим и занимаются акторы во время любых контроверз. При этом они постоянно производят новые фреймирования: определяют неизвестные ранее измерения проблемы, находят связи с новыми акторами, которые тоже становятся участниками обсуждений и включаются в рамку фрейма. Они исследуют и определяют направления новых исследований, обсуждают измерения и инструменты измерения, необходимые для определения, подсчета и контроля переливаний. Ученые, производящие ограниченные исследования, и обеспокоенные группы — исследователи в дикой природе — работают сообща (вспомним сотрудничество пациентов, врачей и ученых в кейсе AFM) [Callon 1998a, 1998b; Callon et al. 2011]. Согласно ANT, гибридные форумы — это места коллективного производства знания, обсуждения и формирования идентичностей и интересов. Если не «глушить» такие форумы, не сокращать количество возможных участников, а, наоборот, помогать форумам образовываться и существовать, поощрять тех, кто сообщает о переливаниях, искать обеспокоенные группы и помогать им формироваться, то работа акторов на гибридных форумах будет приводить к приросту знания, коллективному обучению, уменьшению первоначальной неопределенности (в чем состоит проблема? кто задет? какие есть пути решения? кого они заденут? и т.д.), а значит, большему контролю за переливаниями [Callon 2003; Callon et al. 2011]. Впрочем, на место одних неопределенностей могут приходиться другие: их принесут с собой новые акторы и связи, появившиеся в результате исследований [Callon et al. 2011]. По этой причине развитие контроверзы можно представить в форме спирали. Но это нестрашно: специально завершать контроверзы смысла нет — разве что чтобы заставить какие-то голоса замолчать [Ibid.: 27], но это не защитит от неприятных непредвиденных последствий принимаемых решений, которые, наоборот, могут в перспективе стать катастрофическими. Появления гибридных форумов и горячих дискуссий не стоит бояться: они не означают исчезновение делегативной демократии и ее институтов. Когда обеспокоенные группы оформятся,

стабилизируются, их можно будет считать уже существующими акторами — и без проблем учитывать их интересы [Callon 2003]. Этим переходом от постоянно возникающих новых ситуаций к ситуациям стабилизировавшимся как раз можно и нужно учиться управлять [Ibid.].

Таким образом, контроверзы — это инструмент, который позволяет обществам экспериментировать и учиться. Гибридные форумы, на которых разворачиваются контроверзы, — это места, где частично трансформируются общества, где уменьшаются как научно-технические, так и социальные неопределенности: какую проблему нужно решать? Какие есть переливания? Каких акторов «задевает» проблема и каким образом? Как это увидеть и измерить? [Callon 2003; Callon et al. 2011]¹. Более того, каждый такой форум — это тест новых форм организации и процедур, призванных сделать видимыми обеспокоенные группы и облегчить сотрудничество и обсуждение участникам контроверзы. Чем больше таких тестов будет проведено, тем проще будет организовывать гибридные форумы в будущем и тем продуктивнее будет процесс коллективного обучения [Callon 2003]. Именно поэтому контроверзы следует считать благом, а не путем в никуда.

С проблемой восприятия контроверз тесно связан другой вопрос — вопрос нерелевантных решений, которые принимаются исходя из распространенных проблематизаций. Видя причину возникновения контроверз в лучшем случае в рациональном недоверии публик к науке, которая не контролирует результаты своей деятельности и не умеет коммуницировать с публикой, социальные исследователи, ученые и полиси-мейкеры выбирают неадекватные стратегии анализа и решения существующих проблем [Callon 1999].

Проблема доверия актуальна в рамках разрушающегося режима вовлечения неспециалистов в управление научно-техническим развитием, основанного на делегировании производства знания и решений специалистам. Ведь это делегирование означает, что система работает, пока специалистам доверяют [Callon 1999]. Но если, как показывает Каллон, само деление на специалистов и неспециалистов сегодня оспаривается и размывается во время контроверз

1 Каллон говорит о со-производстве природы, общества и знания как о важнейшей характеристике разворачивания любых контроверз и как о новом режиме отношений между наукой и обществом [Callon, Rabeharisoa 2008; Callon et al. 2011; Rabeharisoa, Callon 2004; Rabeharisoa et al. 2012]. Идеальным кейсом для описания успешного со-производства во втором смысле для Каллона является работа некоторых пациентских ассоциаций, в частности уже известной нам AFM [Rabeharisoa, Callon 2002, 2004; Callon 2003; Callon, Rabeharisoa 2003, 2008; Callon et al. 2011; Rabeharisoa et al. 2012].

и обеспокоенные группы требуют *участия* в производстве знания и принятии решений, то пытаться решить проблему, повысив доверие, бессмысленно. Обратимся к случаю пациентов с нейромышечными заболеваниями: как бы здесь помогли усилия по повышению доверия — например, через лучшую коммуникацию научного знания? Неверные проблематизации приводят к неэффективным решениям и способствуют превращению контроверз в место взаимных обвинений и баталий, в то время как они представляют собой прекрасный ресурс коллективного обучения и в поиске работающих стратегий решения проблем нужно отталкиваться именно от этого.

Еще одна важная проблема, к которой обращается Каллон, — это проблема разнообразия в науке.

36 Научное знание не существует само по себе. Применение научного знания, в том числе производство и распространение основанных на нем технологических инноваций, происходит не там, где получают доступ к статьям, содержащим формулы новых удивительных веществ, а там, где в довосок к этому доступу появляются союзники: деньги, оборудование, коллективы исследователей и инженеров, развивающих технологию, законодательные акты, разрешающие ее тестирование, договоры между фирмами, разрабатывающими прототипы и организующими потоковое производство, и пр. Наука вплетена в сеть отношений, ее применение, как и направление ее развития, зависит от множества акторов [Callon 1993]. Сегодня наука плотно связана с рынком, и эта связь приводит к тому, что научные достижения, идеи, направления исследований, которые приносят наибольшую «отдачу», получают все больше ресурсов, вытесняя другие идеи и направления научного поиска и приводя к ситуации, когда новое и перспективное просто не имеет шанса проявиться и показать себя. Уменьшается разнообразие, исчезают альтернативы, все подстраивается под уже существующие техноэкономические траектории. Такие ситуации необратимости Каллон называет технологическими блокировками (lock-in) [Ibid.]¹.

Для Каллона из этого вытекает следующее: во-первых, государство должно следить за тем, чтобы никакой исследовательский коллектив не оказывался изначально исключенным из научного производства. Более того, для обеспечения разнообразия в эти коллективы

---

1 Так, например, результат подобной блокировки — повсеместное использование клавиатуры QWERTY, несмотря на ее очевидное неудобство [Callon 1993]. С блокировками такого рода сегодня борются страны, стремящиеся перейти на экологичные источники энергии, и в этом случае проблема куда более серьезна с точки зрения последствий (об этом и других подобных примерах см., например: [Bonvillian, Weiss 2009]).

должны быть включены представители самых разных социальных групп, приносящие с собой новые утверждения, техники и навыки. Наука — коллективное производство (где в коллектив входят человеки и не-чело­веки), и от изменения состава коллектива изменяется само содержание науки. Мы уже видели, что может произойти, если включить в исследовательский коллектив непрофессионалов. Но можно обеспечивать разнообразие и «изнутри». Включение в исследовательские коллективы новых текстов, новых инструментов, новых лиц и навыков порождает разнообразие научно-технического содержания [Callon 1993]. Чем больше таких коллективов, чем более они гетерогенны, тем больше разнообразие возможных технологических будущих, которые можно будет обсуждать. Поддерживать разнообразие этих коллективов — общественная задача. Во-вторых, государство должно помогать коллективам расширяться и развивать свои технологии, связываясь с новыми посредниками (а значит, сотрудничать с новыми партнерами, адаптировать производство и т.д.). В-третьих, установившиеся техноэкономические сети, во многом благодаря рынку, стремятся стать вечными и закрепляют определенные состояния мира, отрезая альтернативы [Ibid.]. Блокировки затрудняют поиск продуктивных стратегий решения проблем акторов на гибридных форумах. Им следует противодействовать, ограничивая слишком «сильные» сети и поддерживая новые коллективы.

37

Итак, согласно Каллону, ученым, принимающим решения, и социальным исследователям следует признать, что в основе социотехнических контроверз — не проблема доверия, а кризис деления на специалистов и неспециалистов. Неверная проблематизация приводит к неправильным стратегиям анализа существующих проблем и их решения [Callon 1993] и превращению ресурсов (контроверз) в проблему. Необходимо осознать, что переливания неизбежны, контроверзы полезны, а обеспокоенные группы будут появляться постоянно [Callon 1998a, 2003; Callon et al. 2011]. Правительствам следует создавать и поддерживать гибридные форумы — общественные пространства, где могли бы одновременно обсуждаться проблемы, исследования, взаимосвязи и идентичности акторов, где ограниченные исследования велись бы одновременно и вместе с исследованиями в дикой природе [Callon 2003]. Это обязательно приведет к ограничению свободы науки, но это нормально и желательно [Ibid.]. Кроме того, правительствам следует создавать и тестировать процедуры, которые позволят учитывать и слышать обеспокоенные группы, когда они появляются [Ibid.], и обеспечивать разнообразие в науке и технологиях, которые будут давать больше опций для обсуждения и удовлетворять интересам большего числа граждан [Ibid.].

Претворение в жизнь этих изменений приведет к технической демократии, где результаты науки и инновации будут приниматься обществом, так как общество будет активно участвовать в производстве важного для него знания и принятии решений, а наука будет обеспечивать разнообразие возможных технологических будущих, а не способствовать закреплению существующих (иногда далеко не лучших) техноэкономических траекторий.

Научно-техническая политика: СК vs ANT

- *Отношение к контроверзам и результат изменений научно-технической политики.* Для СК контроверзы свидетельствуют о проблемах в отношениях науки и общества, которые вызваны ригидной и высокомерной научной культурой, закреплённой в институциональной организации науки и распространившейся на культуру полиси. Это позволяет предположить, что СК выступает за «нетурбулентные» отношения между наукой и обществом. В то же время ANT говорит о неизбежности контроверз, которые вызывает неполнота фреймирования при принятии решений в купе с развитием технаук и рынков. Более того, Каллон указывает на важность контроверз для развития современных демократий: они позволяют коллективам учиться, уменьшать неопределённости и тестировать процедуры обсуждений. С точки зрения ANT, контроверзы — это благо. Таким образом, там, где СК видит проблему, ANT видит, скорее, возможности. Это подтверждается тем, что Уинн фокусируется на неудачах применения знания и провалах коммуникации между наукой и обществом, например, критикуя PES-инициативы, а Каллон обращает больше внимания на новые формы институциональной организации, которые образуются в ситуациях контроверз — с этим связан его интерес к кейсу пациентских ассоциаций. Отсюда можно заключить, что СК выступает за «превентивный» подход к научно-технической политике, а ANT — скорее за «реактивный». При этом и в перспективе СК, и в перспективе ANT изменения приведут к формированию нового общественного знания — более справедливого и полезного для обществ. Однако, в отличие от Уинна, Каллон показывает, что новое знание, безусловно, будет давать больше контроля над неопределённостями, но не ликвидирует локальные конфликты, которые возникают в отношениях науки и общества. Как представляется, Уинн же полагает, что новое знание, сохраняющее социальные предпосылки своего формирования, вместе с реорга-

низацией институтов науки и системы принятия решений как раз позволят избежать проблем.

- *Динамика необходимых изменений.* И Уинн, и Каллон выступают за изменение институциональных форм управления наукой, подразумевающего, что науке придется отдать часть контроля. При этом Уинн, как представляется, более радикален: его нападение на научную культуру предполагает мощное вмешательство в функционирование науки и полиси — с фокусом на изменении их культур. Для ANT не стоит вопрос проблематичных культур, управляющих поведением акторов, поэтому Каллон занимает более умеренную позицию: он не говорит о необходимости слома прежних институций, а говорит об их постепенной трансформации в процессе коллективного обучения, ведь акторы агентны и способны изменяться в процессе переговоров.
- *Обеспечение разнообразия в науке и технологиях.* ANT показывает, что развитие науки и технологий зависит от того, какие коллективы и научные/технологические результаты обретают союзников. Логика функционирования рынков приводит к тому, что некоторые из результатов становятся настолько «сильны», что делают даже обсуждение альтернатив очень проблематичным. Отсюда — необходимость усилий по диверсификации науки и ограничению влиятельных техноэкономических сетей. СК интересуется, кто контролирует и направляет развитие науки и ее результаты. Можно предположить, что обсуждение социальных предпосылок науки и технологий должно приводить к диверсификации последних для удовлетворения нужд разных публик, но эксплицитного указания на это СК не делает — предположительно потому, что СК не так интересуется, как именно союзники науки влияют на распространение научных результатов.
- *Роль непрофессионалов/неспециалистов.* Несмотря на то что Уинн начинает с проблемы доверия к науке, по сути, решения, которые он предлагает, указывают в ту же сторону, что и Каллон: граница между специалистами и неспециалистами должна стать более размытой, неспециалисты должны участвовать в производстве знания. Разница здесь в том, как именно ANT и СК видят размывание деления на специалистов и неспециалистов. С точки зрения СК, экспертизы непрофессионалов и ученых должны влиять друг на друга, дополнять друг друга. Таким образом, как ученые, так и публики становятся специалистами с точки зрения производства знания как такового, но при этом каждая из сторон ограничивается отведенной ролью: ученые производят научное знание, непрофессиона-

лы привносят свою экспертизу и участвуют в обсуждениях социальных предпосылок в основе науки и технологий. ANT видит разрушение границы между специалистами и неспециалистами иначе: между ними нет деления с точки зрения ролей, ученые (ограниченные исследователи) и непрофессионалы (исследователи в дикой природе) производят одно и то же знание и могут совершать одни и те же действия.

- *Что, зачем и когда обсуждать с непрофессионалами/неспециалистами.* И СК, и ANT утверждают, что нужно создавать и поддерживать процедуры обсуждения. Уинн настаивает на том, чтобы в каждом случае применения научного знания или проблемы, связанной с наукой и техникой, имели место общественные дебаты, где обсуждались бы статус экспертиз, культурные предпосылки науки, социальные выгоды, затраты и неопределенности от того или иного решения, а также направления развития исследований и технологий в целом. Происходить это должно как можно «выше по течению» — там, где еще только определяется направление движения. При этом сами акторы и их интересы уже оформлены, поэтому обсуждения конечны, их контур определен. Для Каллона же с его «реактивным» подходом обеспокоенные группы провоцируют обсуждения на гибридных форумах, которые могут возникать стихийно, и основные усилия следует сконцентрировать именно на их поддержке и развитии. Акторы спорят об идентичностях, обсуждают инструменты отслеживания и измерения переливаний, постепенно находят новых акторов и новые неопределенности. Обсуждения идут по спирали, и где они закончатся (если закончатся), в начале пути предсказать нельзя. Это не отменяет необходимости создавать и тестировать процедуры, о которых говорит Уинн. Но усилия не должны сводиться к предотвращению конфликтов и обсуждению на ранних стадиях, а должны помогать коллективному обучению и в процессе развертывания контроверз.

40

Какова роль социальных ученых в динамике отношений между наукой и обществом?

Социальные ученые, исследующие взаимодействие науки и общества, безусловно, вносят вклад в динамику их отношений. Так, мы видели, что исследователи PUS, в частности, представители СК и ANT, повлияли на переход от проблемы распространения научного знания и популяризации науки к проблеме доверия и вовлечения в науку гетерогенных публик, которые сегодня стоят на повест-

ке ученых и принимающих решения во многих странах и привели к появлению партисипаторных процедур. В этой части статьи мы сфокусируемся на том, как, с точки зрения СК и АНТ, социальные ученые вносят вклад в динамику отношений между наукой и обществом и что они должны и не должны делать.

СК. Обращение к науке, обнаружение нерелефлексивного социального, исследование локальных контекстов использования науки и партисипаторных процедур

В случае СК начать следует не с позитивной программы исследований, а с критики социальных ученых.

Как пишет Уинн, исследователи взаимоотношений между наукой и обществом унаследовали проблематизацию самой науки и полиси-мейкеров, а вместе с ней ее замалчиваемые предпосылки [Wynne 1992b, 2007]. В результате главной проблемой социальных ученых стали непонимание и непризнание со стороны публики важности науки для современных обществ, неприятие публикой результатов науки и ее советов [Wynne 1992b]. Основное внимание исследователей, таким образом, сосредоточилось на публиках. При этом непрофессионалов лишили права на легитимное, общественно значимое знание [Wynne 1996], оставляя им только приватное и эмоциональное измерения. Единственным легитимным общественным знанием для исследователей остается научное знание [Ibid.]. Доверие публик не только считается объективно существующим, но и служит заменой знанию: если бы публики знали, то доверяли бы, но так как заставлять знать и измерять научную грамотность с переходом к PES уже не комильфо, то приходится искать инструменты повышения доверия и измерять уже его. Таким образом, «дефицит жив», а вопросы восприятия науки обществом сводятся к ассимиляции и воспроизводству собственных категорий науки [Wynne 2014].

Приняв научную проблематизацию, социальные ученые очень сильно способствовали насаждению культурных значений науки в обществах, одновременно с этим утвердив в мейнстримном академическом дискурсе, что никаких культурных значений в науке нет, наука «пуста» и нейтральна [Wynne 1996]. При этом социальные ученые везде несли с собой социальные предпосылки науки. Так, например, они брали на вооружение понятие рисков (социальный конструкт науки) — и тут же вступал в дело научный конструкт обеспокоенной рисками публики [Wynne 1996, 2001]. Реакцию публик на такие социально сконструированные, но воспринимаемые

как объективные категории социальные ученые продолжают активно изучать [Ibid.].

Наука оставалась вне фокуса внимания, хотя именно она нуждалась — и нуждается — в проблематизации [Wynne 1996, 2014]. Поэтому, с одной стороны, для многих социальных исследователей остается загадкой поведение публик (а на что, собственно, они реагируют?) [Wynne 2007, 2014]. С другой стороны, из-за отсутствия проблематизации науки ускользал от внимания культурный характер научного знания, которому придает форму социальное [Wynne 1996], игнорировалось ее политическое измерение, несмотря на ее очевидную связь с властью [Wynne 2016], незаметными оставались проблемы, связанные с репрезентацией, организацией и контролем в науке и полиси [Wynne 1992b]. Так социальные ученые помогали превращать общественное и подлежащее обсуждению в научное и объективное, утверждали эти границы, не проблематизируя их.

Уинн настаивает на том, что социальные ученые могут и должны помочь изменению культур и институтов науки и принятия решений. Для этого им нужно отказаться от свойственной науке проблематизации и следовать нескольким направляющим, которые предлагает СК.

42

Во-первых, как уже ясно, социальным ученым следует обратить внимание на науку. Из тени должны быть выведены вышеупомянутые проблемы ее репрезентации, организации и контроля [Wynne 1992b]. Для этого придется учитывать социальное, экономическое и политическое внутри самой науки, работать с социальными допущениями и конструктами публик, так как эти конструкты определяют научные институты и то, как они коммуницируют с публиками [Wynne 1992b, 2007, 2014]. Социальные исследования и, в частности STS, могут помочь рационализировать структуры власти, которые наука производит и представляет как «естественные» [Wynne 2007, 2014]. Это не разрушит науку, но поможет сделать ее — и авторизирующие ее институции — более рефлексивными и социально подотчетными [Wynne 2013]. При этом для понимания роли науки в производстве общественно значимого знания и ее конструктов публик социальным исследователям стоит не замыкаться в своем поле, а обратиться к историческим и философским работам [Wynne 2007].

Во-вторых, нужно исследовать локальные социальные контексты использования научного знания и разбираться, что имеется в виду под наукой в конкретных случаях — на что именно в науке реагируют непрофессионалы [Wynne 1992a, 2007, 2016; Irwin, Wynne 1996]. Необходимо смотреть на локальные кейсы, чтобы понять, как вообще работает наука за пределами лабораторий, и продолжать раз-

бираться в том, как формируется восприятие науки у публик [Irwín, Wynne 1996]. Важно обращаться и к разным культурам публик, изучая, как на эти культуры наука накладывает свои нормативные значения [Wynne 2007]. При этом СК предлагает фокусироваться на социальных отношениях и идентичностях: нужно исследовать, как выражают и защищают свою социальную идентичность и ученые, и непрофессионалы, как это происходит в контексте социальных отношений [Wynne 1992a, 2016]. Для этого нужен понимающий подход и осознание социологами своей роли в конструировании публик (как они в этом преуспевали ранее — см. выше) [Wynne 2016].

В-третьих, социальным исследователям нужно обратить внимание на такие локусы, как ранние фазы процессов производства научного знания и инноваций и партисипаторные процедуры [Wynne 2007]. Исследовать ранние фазы в производстве науки и технологий нужно, чтобы ухватить переход от вопросов «чисто технических» к вопросам общественным — связанным с наукой и технологиями, но не ограниченным ими [Ibid.]. В отношении партисипаторных процедур большую аналитическую и практическую проблему при этом будет составлять: а) изучение тех вопросов и опций, которые могли бы быть поставлены и представлены, но этого не случилось, и б) исследование возможности непрофессионалов оспорить социальные цели науки [Ibid.]. Здесь исследователям также важно оказываться как можно «выше по течению», так как обычно вовлечение непрофессионалов происходит уже сильно позже того момента, когда принимаются важные для общества решения — и эти решения необходимо увидеть и вывести на поверхность [Ibid.].

43

Итак, основная задача социальных исследователей — помощь в изменении институтов науки и принятия решений, трансформации научной культуры и культуры полиси. Социальные ученые должны составить интеллектуальный ресурс, который способствует культурной реконструкции и оформлению социально подотчетной науки и ее союзников [Wynne 2013]. И составить этот интеллектуальный ресурс они смогут, если: а) откажутся от тех проблематизаций, которые свойственны науке и полиси; б) обратят свое внимание на науку, ее культурное, политическое, институциональное измерения; в) будут исследовать производство науки и инноваций и партисипаторные процедуры, научатся видеть и показывать скрытые нерефлексируемые предпосылки; г) будут исследовать локальные контексты использования науки, чтобы лучше понять, как непрофессионалы взаимодействуют с наукой, как наука сталкивается с локальными культурами. При этом важно обращать внимание на то, что имеется в виду под наукой в каждом конкретном случае.

ANT. Исследования формирования природного и социального в лабораториях и на гибридных форумах

С перспективы ANT, социальные ученые должны способствовать постепенному установлению нового режима отношений между наукой и обществом, при котором контроверзы будут эффективным механизмом коллективного обучения [Callon et al. 2011]. Исследователи должны помогать системе принятия научно-технических решений трансформироваться, впитывая в себя новые институциональные формы, не предполагающие жесткого разделения на специалистов и неспециалистов [Callon 2003].

44 Как и в случае СК, начнем с критики социальных исследователей со стороны ANT. Здесь важны два пункта. Первый из них нам уже знаком: исследователям нужно отказаться от восприятия контроверз как деструктивного явления и от убеждения, что контроверзы — это симптом кризиса доверия. Одновременно с этим необходимо избавляться от идей недостаточной/неправильной коммуникации и невежественной публики [Callon 2003]. Подобная позиция не позволяет увидеть подлинный кризис, заключающийся в оспаривании границы между специалистами и неспециалистами, а также происходящие изменения в отношениях науки и общества, которые в результате не изучаются и не осмысляются, а значит, не приближают к конструктивным решениям в области научно-технической политики [Каллон и др. 2008; Callon 1999, 2003]. Второй пункт критики связан с исследовательским подходом: чтобы понять, как наука и технологии сегодня работают в обществе и, в частности, что происходит во время контроверз, социальным ученым необходимо отказаться от априорного деления на науку и политику [Callon et al. 1986], на природу и общество [Callon 1984]. В перспективе ANT природное и социальное обретают свою форму в процессе создания и распространения научного знания и результатов науки [Ibid.]. Некоторые социальные ученые, изучая это создание и распространение, подвергают сомнению социальное — тогда научные результаты и технологии нейтральны и во всем виноваты люди, которые их используют во зло (об этом см., например, в: [Кузнецов, Руденко 2021]). Другие сомневаются в природном и ищут социальные предпосылки внутри научного знания и технологий, как это делает СК. Социальное же не проблематизируется, не прослеживается в процессе своего формирования и изменения, а принимается как объясняющий факт, несмотря на то что является исследовательским конструктом [Callon et al. 1986; Woolgar 1981, Woolgar, Pawluch 1985].

Обратимся к позитивной программе ANT. Социальным ученым следует изучать процесс создания и распространения научного зна-

ния и места, в которых по поводу этого знания ведутся переговоры, внимательно наблюдая за тем, как акторы атрибутируют друг другу идентичности и спорят с этими атрибуциями и как в этом процессе формируются природное и социальное. И здесь Каллон определяет два локуса, на которые социальные ученые должны обратить особое внимание: лаборатории ученых и инженеров и гибридные форумы.

Лаборатории — так как там мобилизуется и научное, и политическое, и социальное, и экономическое, которые находятся в постоянной борьбе [Callon et al. 1986; Callon 1987]. Удаляясь от общества, лаборатории обретают силу, позволяющую менять мир за их пределами [Callon 2003]: и победы, и проблемы науки и технологий произрастают из лабораторий. Именно поэтому их важно изучать социальным ученым, прослеживая создание категорий и связей и то, как они закрепляются и налагаются на других [Callon et al. 1986]. При этом нужно избегать редукционизма, не идеализировать научное знание — не видеть в нем нейтральную сторону, — но и не сводить все происходящее внутри науки к влиянию «социального», чем тоже грешат социальные ученые [Ibid.].

В лабораториях социальным ученым нужно смотреть на то, как собирают и связывают вещи ученые и инженеры. Необходимо изучать длинные цепи ассоциаций между гетерогенными сущностями (как людьми, так и не-людьми) с частую неопределенными идентичностями [Callon et al. 1986]: как ученые связывают правительственные институты, бизнес и больницы с болезнями, лабораторными мышами, показаниями приборов, таблицами и диаграммами [Ibid.]. Задача социального ученого — увидеть и показать политику за «чистой» наукой и «нейтральными» технологиями: как акторы строили связи, как вменяли друг другу качества, свойства, поведение, как не соглашались друг с другом и привлекали союзников, стремясь обеспечить успех своей стороне. Тогда обсуждения вопросов, связанных с наукой и технологиями, станут более прозрачными, а значит, честными [Ibid.]. Можно будет обсуждать, действительно ли те или иные акторы имеют право говорить за других (например, власти, запрещающие торговлю овцами в Кумбрии на три недели — за радиоактивный цезий [Wynne 1992a], или ученые и политики, считающие пациентов с нейромышечными заболеваниями «нелюдьми» — за этих пациентов [Callon 2003]). От таких обсуждений — как бы ни казалось на первый взгляд — в итоге выиграют все: и ученые, и политики, и простые граждане [Callon et al. 1986].

Таким образом, важно углубляться внутрь процесса научного и технологического производства, обращать внимание на гетерогенные связи и изменяющиеся идентичности акторов, исследовать, как одновременно со-производятся научное, технологическое, социальное, экономическое и моральное.

Вышесказанное ведет нас ко второму локусу, на котором, по Калло-ну, должны фокусировать внимание социальные ученые, — к гибридным форумам. Социальные ученые должны исследовать их и описывать их динамику [Callon 1998a]. Не приоритизируя точки зрения, им следует строить социотехнические карты, отвечая на вопросы: кто есть? Кто участвует в переговорах, а кто исключен? Кто на кого влияет и как? Как акторы атрибутируют друг другу идентичности? Кто с кем и в чем согласен и не согласен? и т.д. Нужно фиксировать инструменты, которые акторы используют для определения и измерения переливаний. Так, социальные ученые могут помочь неизбежному процессу фреймирования и перефреймирования, улучшая видимость того, как разные акторы стараются отслеживать переливания, и делая явным согласие и несогласие акторов, которые эти переливания вызывают [Ibid.]. Более того, социальные ученые могут картографировать переливания в процессе, тем самым подсвечивая обеспокоенные группы и определяя путь к предварительным переговорам акторов на гибридных форумах [Ibid.]. Социальные ученые уже вовлечены в эти процессы, но у ANT есть преимущества перед другими подходами, так как ее перспектива позволяет прослеживать одновременное формирование природного и социального [Callon 1984; Callon 1997], фиксировать появление новых связей и трансформацию идентичностей акторов [Ibid.], а также их временную стабилизацию (фреймирование) перед новым витком развития контроверзы.

Таким образом, в перспективе ANT социальные ученые должны способствовать более успешным переговорам акторов по поводу природного и социального в вопросах, касающихся науки и технологий. Отправившись в лаборатории и на гибридные форумы, они могут, с одной стороны, помочь актерам увидеть скрытую в науке и технологиях политику, а с другой — ухватить и показать природное и социальное в процессе формирования, помочь увидеть обеспокоенные группы и переливания. Это позволит сделать обсуждения по вопросам науки и технологий более честными и даст актерам возможность быстрее находить пути переговоров, способствуя тем самым более эффективному коллективному обучению и нахождению эффективных институциональных форм управления научно-техническим развитием.

Роль социальных ученых в динамике отношений между наукой и обществом: СК vs ANT

- *Главная задача и фокус.* И с перспективы СК, и с перспективы ANT, задача социальных ученых — помочь обществам, зависящим от достижений науки и техники, следовать по более демократическому и более эффективному пути. И Уинн,

и Каллон считают, что социальные науки должны помогать происходить трансформациям, изменяющим процессы производства и распространения важного для обществ знания, а также принятия решений по вопросам, связанным с наукой и техникой. Оба подхода сходятся в том, что для этого социальным ученым нужно отправляться и в места производства, и в места использования научного знания и возникновения контроверз, обращая внимание на то, что происходит с идентичностями акторов во время их взаимодействия. Кроме того, социальным наукам необходимо исследовать новые процедуры обсуждения и принятия решений.

- *Отказ от предпосылок и проблематизаций акторов.* И СК, и ANT считают, что социальным ученым следует отказаться от привычных для исследований общественного понимания науки и вовлечения в науку предпосылок: что научное знание нейтрально и объективно и само по себе свободно от социального (СК)/политики (ANT), что проблема в публиках, которые эмоциональны, нерациональны, имеют когнитивные дефициты. Это воспроизводит категории акторов (прежде всего науки), мешает пониманию сути происходящих в отношениях между наукой и обществом феноменов и, следовательно, никак не помогает что-то в этих отношениях изменить к лучшему.
- *Роль социальных исследователей: обнажить или обнаружить?* СК видит роль социальных ученых как «обнажающую»: они должны выводить на поверхность нерелексируемые социальные выборы внутри научного производства и процессов принятия решений, сделанные без общественного обсуждения. ANT представляет ее скорее как «инструментальную»: социальные ученые могут и должны помогать находить политическое в науке и технологиях и прослеживать, как формируются границы между природным и социальным (научным, моральным, экономическим и пр.), чтобы дальнейшие переговоры были более прозрачными и, следовательно, продуктивными. В то же время они должны помогать проявляться новым голосам — обеспокоенным группам, описывать динамику контроверз, картографируя акторов, их интересы и переговоры, исследовать инструменты измерения, которые помогают фиксировать переливания и производить «факты», на которых основываются решения. И там, и там речь идет о превращении неявного в явное, но в перспективе ANT это неявное заключается не только в скрытых «социальных» выборах, как в СК (ANT говорит о политическом), но в скрытой от глаз акторов общей динамике всего происходящего: видимыми становятся акторы, их интересы, трансформации

идентичностей, условия и итоги переговоров, в результате которых это происходит, и т.д. Это позволяет не просто учесть в чем-то тех, кто стоит за решениями, и обеспечить непрофессионалов возможностью это нечто обсудить, но и дать представление о тех, кто хочет участвовать в обсуждении коллективной жизни и на каких условиях, кто с кем согласен и не согласен. Такая картография должна помогать актерам обсуждать и договариваться. Перспектива СК подобный путь не предлагает.

- *Социальное есть и определяет природное — или социальное и природное со-производятся?* Этот пункт связан с предыдущим и уже нам знаком. Несмотря на реляционистское представление об идентичностях, социальное, которое определяет научные выборы (в науке) и оказывает им сопротивление (в идентичностях непрофессионалов), в СК, несмотря на заявленный реляционизм, оказывается предсуществующим и объясняет результат применения научного знания и технологий. Само научное знание и технологии «прозрачны», они становятся проводниками интенций акторов, редуцируются к обстоятельствам своего создания [Кузнецов 2020], что и определяет фокус на объяснении через обнажение социальных предпосылок. При этом социальные предпосылки актерам атрибутируют исследователи. ANT же настаивает на том, что природное и социальное — это результат, а не исходная точка, которую можно найти и с помощью которой можно объяснить, почему тот или иной научный результат или технология, включившись в коллективную жизнь, повели себя так или иначе. В процессе создания, распространения, обсуждения на гибридных форумах научные результаты и технологии переопределяются, как и все гетерогенные участники переговоров, и никакими «вложенными» социальными предпосылками объяснить происходящее с научным результатом или технологией нельзя: почему мы уверены, что в ситуации конфликта «сработали» именно они, и почему мы уверены, что акторы в процессе переговоров не изменили свои идентичности и не скорректировали стратегии действия сообразно обстоятельствам?¹ С перспективы ANT, мы не можем рассуждать подобным образом. Отсюда ориентация ANT на обнаружение и описание, а не на обнажение. Здесь фокус на том, как идентичности друг другу атрибутируют сами акторы, как они устанавливают границы между

1 Это снова созвучно критике конструктивизма со стороны С. Вулгара [Woolgar 1981; Woolgar, Pawluch 1985].

природным и социальным, оспаривают и переопределяют их в ситуации контroversы, и только такое нередукционистское описание может служить объяснением сложившегося положения вещей.

Заключение. Преимущества подхода ANT

СК со своим вниманием к локальным экспертизам непрофессионалов во многом определил вектор развития исследований и практики научной коммуникации, обосновав необходимость перехода к диалогу между наукой и обществом. Он заявил, что проблемы в отношениях между наукой и обществом вызваны конфликтом культур и связаны с нерелексируемыми социальными выборами внутри самой науки. СК указал на необходимость обсуждать эти выборы с публиками: чтобы не было недоверия и отторжения научных сообщений и результатов, а также принимаемых на их основе решений, чтобы наука, технологии и решения, с ними связанные, были демократичными, справедливыми. Это также должно сделать результаты науки более подконтрольными, ведь если учитывать локальную экспертизу публик, то часть внутринаучных выборов придется открыть и переопределить — и в результате вне лаборатории наука лучше состыкуется с социальной реальностью, где призвана функционировать.

49

Я постаралась показать, что у доминирующего социально-конструктивистского объяснения динамики отношений между наукой и обществом есть достойная, хоть и мало представленная в академической литературе альтернатива — объяснение с перспективы ANT, которое определено заслуживает внимания. Эта перспектива, как можно было заметить, во многих аспектах созвучна СК, но в то же время обладает рядом важных отличий. Эти отличия как раз и позволят мне завершить рассказ кратким описанием преимуществ, которые предлагает взгляд ANT.

1. ANT выдвигает и обосновывает очень важный тезис: контroversы никуда не денутся, так как переливания, возникающие в связи с результатами науки и техники, будут продолжать происходить, вызывая к жизни или побуждая к действию обеспокоенные группы. Это естественно: рынки трансформируются, обретая форму сетей, а общества усложняются, благодаря многочисленным и во многом непредсказуемым сущностям, которые производят технауки. Переливания будут образовывать все новые проблемы, подлежащие обсуждению. И это значит, что переливания и, следовательно, контroversы стоит воспринимать как норму и учиться их использовать. Для чего? Для того чтобы учиться обсуждать коллективную жизнь, узнавать, кто хочет в ней

участвовать и на каких условиях, и в процессе переговоров постепенно обретать контроль над неопределенностями. Поможет ли вмешательство в институты науки, обсуждения с непрофессионалами, о которых говорит СК? Помогут. Но, как показывает ANT, контроверзы они не ликвидируют. И все же исходной проблемы не станет, потому что контроверзы перестанут быть проблемой. Ее заменит другая: как способствовать продуктивным переговорам и коллективному обучению?

2. Переформулирование проблемы приводит ANT к фокусу не столько на подсвечивании скрытого и проблематичного в науке и принимаемых решениях, сколько на том, чтобы через обнаружение политического в производстве науки и картографию контроверз способствовать более продуктивному коллективному обучению, постепенной разработке процедур обнаружения обеспокоенных групп и процедур переговоров, а также инструментов отслеживания и измерения переливаний и механизмов поддержки гибридных форумов. Представляется, что это, с одной стороны, перефокусирует социальных ученых на решение более продуктивной и благодарной задачи (учитывая, что контроверзы неизбежны), а с другой — может снизить сопротивление по отношению к их собственным научным результатам. Так, в случае СК возникает из-за социального редукционизма, переводящего внимание на условия возможности научного или технологического результата — и его создателей [Кузнецов 2020].

50

3. Подход ANT в целом менее радикален, чем СК: да, социальные институты, включая институты науки, должны измениться — решения будут приниматься иначе. Уже принимаются, даже если это часто незаметно. Но трансформации могут совершаться постепенно, не нужно ломать все сразу, думая, что в противном случае ригидные культуры науки и полиси не позволят актерам измениться. Изменения могут происходить через обучение на гибридных форумах и постепенную разработку процедур переговоров разных участников, которые способны меняться в процессе взаимодействия. ANT предлагает следить за ростками новых институциональных форм и учиться на них, чтобы внедряемые институциональные изменения (процедуры переговоров и принятия решений) были обоснованы практикой.

4. Если в СК научное знание все равно, по сути, производят только ученые, а непрофессионалы могут разве что проблематизировать, направить или дополнить это производство, то ANT показывает, что неспециалисты могут становиться настоящими исследователями, делая все то же, что делают ученые. При этом ANT объясняет, как именно неспециалисты могут включаться в процесс производства знания и сотрудничать со специалистами, что происходит с самими актерами в этом взаимодействии, что поставлено на карту в про-

цессе переговоров на разных этапах развертывания контроверзы. СК подобного объяснения не предлагает.

5. ANT может работать «в горячих» ситуациях [Callon 1998a: 265] — картографировать контроверзы, искать пути к переговорам для их участников — для продуктивного со-производства коллективного знания. СК же не заточен под ситуации неопределенности. Справляться с ними ему, во-первых, мешает социальный редукционизм: недостаточная проблематизация социального, которое предстает во многом уже объясненным и предварительно зафиксированным. ANT показывает, что в ситуациях контроверз стабилизированное социальное — результат, а не причина. Во-вторых, социальный редукционизм приводит к прозрачности научных результатов и технологий: действуют и определяют исход применения науки и технологий в итоге социальные предпосылки, а сами научные и технологические результаты предстают «молотком», которым социальные предпосылки вколачивают в общество и который иногда ломается о сопротивление последнего. Но даже если все мыслимые социальными учеными предпосылки в основе науки и технологий будут «обнажены», где гарантия, что именно они привели к конкретному результату? Почему мы уверены, что к наблюдаемому положению вещей не привело, например, непредсказуемое поведение какого-то элемента самой технологии¹ (который в СК не обладает самостоятельным социальным существованием), запустившего цепную реакцию, так что множество других акторов отклонились от ожидаемой траектории? Согласно ANT, мы не можем быть в этом уверены. ANT не редуцирует научные и технологические результаты до условий их возможности [Кузнецов 2020], описывает гетерогенные сети акторов вокруг дискуссионных реалий, их стабилизацию и дестабилизацию, что позволяет ей увидеть, как именно сформировалось текущее положение вещей, и способствовать тем самым поиску обоснованных стратегий по его изменению со стороны заинтересованных акторов.

Библиография / References

Каллон М., Меадель С., Рабехарисоа В. (2008) Экономика качеств. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 11(4): 59-87.

— Callon M., Méadel C., Rabeharisoa V. (2008) The economy of qualities. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 11(4): 59-87. — in Russ.

1 Технологии с точки зрения обыденного понимания. В ANT технология — это ассоциация гетерогенных элементов, не ограниченная интуитивно воспринимаемым «технологическим содержанием» (подробнее — см., например, в: [Кузнецов 2020]).

Кузнецов А. Г. (2020) Туманности нейросетей: «черные ящики» технологий и наглядные уроки непрозрачности алгоритмов. *Социология власти*, 32(2): 157-182.

— Kuznetsov A. G. (2020) Neural Network Nebulae: “Black Boxes” of Technologies and Object-Lessons From Opacities of Algorithms. *Sociology of Power*, 32(2): 157-182. — in Russ.

Кузнецов А. Г., Руденко Н. И. (2021) Как объяснить технологические аварии? «Человеческий фактор», социальный конструктивизм и онтологический поворот в изучении неопределенностей беспилотных автомобилей. *Социология власти*, 33(4): 119-146.

— Kuznetsov A. G., Rudenko N. I. (2021) How to explain technological accidents? The «Human Factor», Social Constructivism and the Ontological Turn in Exploring the Uncertainties of Autonomous Vehicles. *Sociology of Power*, 33 (4): 97-146. — in Russ.

Bauer M. W., Falade B. A. (2014) Public understanding of science: survey research around the world. M. Bucchi, B. Trench (eds.) *Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology*. Second Edition, London and New York: Routledge: 140-159.

52

Bonvillian W. B., Weiss C. (2009) Taking covered wagons east: A new innovation theory for energy and other established technology sectors. *Innovations: Technology, Governance, Globalization*, 4(4): 289-300.

Borchelt R. E., Nielsen K. H. (2014) Public relations in science: managing the trust portfolio. M. Bucchi, B. Trench (eds.) *Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology*. Second Edition, London and New York: Routledge: 58-69.

Bucchi M., Trench B. (2014) *Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology*. Second Edition, London and New York: Routledge.

Bucchi M., Trench B. (2014) Science communication research: themes and challenges. M. Bucchi, B. Trench (eds.) *Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology*. Second Edition, London and New York: Routledge: 1-14.

Bucchi M. (2004) *Science in Society. An introduction to social studies of science*, London & New York: Routledge.

Callon M., Lascoumes P., Barthe Y. (2011) *Acting in an uncertain world: An essay on technical democracy*, Cambridge and London: MIT press.

Callon M. (1998) An essay on framing and overflowing: economic externalities revisited by sociology. *The sociological review*, 46(1): 244-269.

Callon M. (1997) Four models for the dynamics of science. A. I. Tauber (eds.). *Science and the Quest for Reality. Main Trends of the Modern World*, London: Palgrave Macmillan: 249-292.

Callon M., Rabeharisoa V. (2004) Gino's lesson on humanity: Genetics, mutual entanglements and the sociologist's role. *Economy and society*, 33(1): 1-27.

Callon M., Law J., Rip A. (1986) How to study the force of science. M. Callon, J. Law,

A. Rip (eds.) Mapping the dynamics of science and technology: Sociology of science in the real world, Houndmills, Basingstoke, Hampshire and London: The Macmillan Press LTD: 3-15.

Callon M. (1998) Introduction: the embeddedness of economic markets in economics. *The sociological review*, 46(1): 1-57.

Callon M. (1994) Is science a public good? fifth mullins lecture, virginia polytechnic institute, 23 march 1993. *Science, Technology, & Human Values*, 19(4): 395-424.

Callon M., Rabeharisoa V. (2003) Research “in the wild” and the shaping of new social identities. *Technology in society*, 25(2): 193-204.

Callon M. (1987) Society in the making: the study of technology as a tool for sociological analysis. W. E. Bijker, T. P. Hughes, T. Pinch (eds.) *The social construction of technological systems: New directions in the sociology and history of technology*. Cambridge, Mass.: MIT Press: 83-103.

Callon M. (1984) Some elements of a sociology of translation: domestication of the scallops and the fishermen of St Brieuc Bay. *The sociological review*, 32(1): 196-233.

Callon M., Rabeharisoa V. (2008) The growing engagement of emergent concerned groups in political and economic life: Lessons from the French association of neuromuscular disease patients. *Science, Technology, & Human Values*, 33(2): 230-261.

Callon M. (2003) The increasing involvement of concerned groups in R&D policies: what lessons for public powers? A. Geuna, A. J. Salter, W. E. Steinmueller (eds.) *Science and Innovation. Rethinking the Rationales for Funding and Governance*. New Horizons in the Economics of Innovation series, Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing: 30-68.

Callon M. (2004) The role of hybrid communities and socio-technical arrangements in the participatory design. *Journal of the center for information studies*, 5(3): 3-10.

Callon M. (1999) The role of lay people in the production and dissemination of scientific knowledge. *Science, Technology and Society*, 4(1): 81-94.

Carrion M. L. (2018) “You need to do your research”: Vaccines, contestable science, and maternal epistemology. *Public Understanding of Science*, 27(3): 310-324.

Davies S. (2016) Participation as pleasure: citizenship and science communication. J. Chilvers, M. Kearnes (eds.) *Remaking Participation*. Science, Environment and Emergent Publics, London and New York: Routledge: 162-177.

Einsiedel E. (2014) Publics and their participation in science and technology: changing roles, blurring boundaries. M. Bucchi, B. Trench (eds.) *Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology*. Second Edition, London and New York: Routledge: 125-139.

Engdahl E., Lidskog R. (2014) Risk, communication and trust: Towards an emotional understanding of trust. *Public Understanding of Science*, 23(6): 703-717.

Fage-Butler A., Ledderer L., Nielsen K. H. (2022) Public trust and mistrust of climate science: A meta-narrative review. *Public Understanding of Science*, 31(7): 832-846.

Gregory J. (2015) Science Communication. J. D. Wright (eds.) *International*

encyclopedia of the social & behavioral sciences, Vol. 21, Elsevier: 219-224.

Gregory J., Miller S. (1998) *Science in public: Communication, culture, and credibility*, New York: Basic Books.

Hess D.J., Coley J.S. (2014) Wireless smart meters and public acceptance: The environment, limited choices, and precautionary politics. *Public Understanding of Science*, 23(6): 688-702.

Horst M., Davies S.R., Irwin A. (2017) Chapter 30. Reframing Science Communication. U. Felt, R. Fouché, C. A. Miller, L. Smith-Doerr (eds.) *Handbook of Science and Technology Studies*, 4th edition, Cambridge, London: The MIT Press: 881-907.

Irwin A., Wynne B. (1996) Conclusions. A. Irwin, B. Wynne (eds.) *Misunderstanding science? The public reconstruction of science and technology*, Cambridge: Cambridge University Press.

Irwin A. (2001) Constructing the scientific citizen: science and democracy in the biosciences. *Public understanding of science*, 10(1): 1-18.

Irwin A. (2014) Risk, science and public communication: third-order thinking about scientific culture. M. Bucchi, B. Trench (eds.) *Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology*. Second Edition, London and New York: Routledge: 160-172.

54

Irwin A. (2015) Science, public engagement with. J. D. Wright (eds.) *International encyclopedia of the social & behavioral sciences*, Vol. 21, Elsevier: 255-260.

Jasanoff S. (2004) Ordering knowledge, ordering society. S. Jasanoff (ed.) *States of Knowledge. The co-production of science and social order*, London and New York: Routledge: 13-45.

Kirby D. A. (2014) Science and technology in film: themes and representations. M. Bucchi, B. Trench (eds.) *Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology*. Second Edition, London and New York: Routledge: 97-112.

Latour B. (1983) Give me a laboratory and I will raise the world. K. D. Knorr-Cetina, M. Mulkay (eds.) *Science Observed. Perspectives on the Social Study of Science*. London, Beverly Hills, New Delhi: SAGE Publications: 141-170.

Meyer G. (2016) In science communication, why does the idea of a public deficit always return? *Public Understanding of Science*, 25(4): 433-446.

Miller S. (2001) Public understanding of science at the crossroads. *Public Understanding of Science*, 10(1): 115-120.

Moore A., Stilgoe J. (2009) Experts and anecdotes: The role of “anecdotal evidence” in public scientific controversies. *Science, Technology, & Human Values*, 34(5): 654-677.

Myers T. A., Kotcher J., Anderson A. A., Maibach E., Beall L., Leiserowitz A. (2017) Predictors of trust in the general science and climate science research of US federal agencies. *Public Understanding of Science*, 26(7): 843-860.

Neresini F., Pellegrini G. (2014) Assessing the impact of science communication: approaches to evaluation. M. Bucchi, B. Trench (eds.) *Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology*. Second Edition, London and New York: Routledge: 231-245.

Nisbet M. C. (2014) Engaging in science policy controversies: insights from the US climate change debate. M. Bucchi, B. Trench (eds.) Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology. Second Edition, London and New York: Routledge: 173-185.

Oreskes N. (2021(2019)) *Why trust science?* Princeton, Woodstock: Princeton University Press.

Peters H. P. (2014) Scientists as public experts: expectations and responsibilities. M. Bucchi, B. Trench (eds.) Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology. Second Edition, London and New York: Routledge: 70-82.

Price C. (2023) Greenpeace and the online genetically modified food debate in the UK: The role of science and scientific evidence in “environmental representation”. *Public Understanding of Science*, 32(4): 489-503.

Public Understanding of Science Journal Homepage. SAGE Journals. Available at: <https://journals.sagepub.com/home/PUS>.

Rabeharisoa V., Callon M. (2004) Patients and scientists in French muscular dystrophy research. S. Jasanoff (eds.) States of Knowledge. The Co-production of Science and Social Order, London and New York: Routledge: 142-160.

Rabeharisoa V., Callon M., Filipe A. M., Nunes J. A., Paterson F., Vergnaud F. (2012) The dynamics of causes and conditions: the rareness of diseases in French and Portuguese patients’ organizations’ engagement in research. *Papiers de Recherche du CSI CSI Working Papers Series (26)*, Paris: Centre de Sociologie de l’Innovation Mines ParisTech.

Rabeharisoa V., Callon M. (2002) The involvement of patients’ associations in research. *International Social Science Journal*, 54(171): 57-63.

Rutjens B. T., Zarzeczna N., van der Lee R. (2022) Science rejection in Greece: Spirituality predicts vaccine scepticism and low faith in science in a Greek sample. *Public Understanding of Science*, 31(4): 428-436.

Shackley S., Wynne B. (1995) Global climate change: the mutual construction of an emergent science-policy domain. *Science and Public Policy*, 22(4): 218-230.

Silva E. O., Dick B., Flynn M. B. (2023) The evil corporation master frame: The cases of vaccines and genetic modification. *Public Understanding of Science*, 32(3): 340-356.

Trench B. (2006) Science Communication and Citizen Science: How Dead is the Deficit Model? 9th International Conference on Public Communication of Science and Technology (PCST) Seoul, South Korea, 17-19 May, 2006.

Woolgar S., Pawluch D. (1985) How Shall We Move beyond Constructivism? *Social Problems*, 33 (2): 159-162.

Woolgar S. (1981) Interests and Explanation in the Social Study of Science. *Social Studies of Science*, 11(3): 365-94.

Wynne B. (2001) Creating public alienation: expert cultures of risk and ethics on GMOs. *Science as culture*, 10(4): 445-481.

Wynne B. (2014) Further disorientation in the hall of mirrors. *Public Understanding of Science*, 23(1): 60-70.

Wynne B. (2015) Ghosts of the machine: publics, meanings and social science in a time of expert dogma and denial. J. Chilvers, M. Kearnes (eds.) *Remaking Participation. Science, Environment and Emergent Publics*, London and New York: Routledge: 99-120.

Wynne B. (1991) Knowledges in context. *Science, Technology, & Human Values*, 16(1): 111-121.

Wynne B. (1996) May the sheep safely graze? A reflexive view of the expert-lay knowledge divide. S. Lash, B. Szerszynski, B. Wynne (eds.) *Risk, Environment & Modernity. Towards a New Ecology*, London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications: 44-83.

Wynne B. (1992) Misunderstood misunderstanding: social identities and public uptake of science. *Public understanding of science*, 1(3): 281-304.

Wynne B. (2006) Public engagement as a means of restoring public trust in science-hitting the notes, but missing the music? *Public Health Genomics*, 9(3): 211-220.

Wynne B. (2007) Public participation in science and technology: Performing and obscuring a political-conceptual category mistake. *East Asian Science, Technology and Society: An International Journal*, 1: 99-110.

Wynne B. (1992) Public understanding of science research: new horizons or hall of mirrors? *Public Understanding of Science*, 1(1): 37-43.

Wynne B. (1993) Public uptake of science: a case for institutional reflexivity. *Public Understanding of Science*, 2(4): 321-337.

Wynne B. (2013) Scientific knowledge and the global environment. M. Redclift, T. Benton (eds.) *Social Theory and the Global Environment*, London and New York: Routledge: 169-189.

Wynne B. (1989) Sheepfarming after Chernobyl: A case study in communicating scientific information. *Environment: Science and Policy for Sustainable Development*, 31(2): 10-39.

Wynne B. (1992) Uncertainty and environmental learning: reconceiving science and policy in the preventive paradigm. *Global environmental change*, 2(2): 111-127

Yearley S. (2014) Environmentalists as communicators of science: advocates and critics. M. Bucchi, B. Trench (eds.) *Routledge Handbook of Public Communication of Science and Technology. Second Edition*, London and New York: Routledge: 113-124.

Рекомендация для цитирования:

Ляпугина Н. А. (2023) Контроверзы — искоренимое зло или неизбежное благо? Динамика отношений науки и общества в перспективе социального конструктивизма и акторно-сетевой теории. *Социология власти*, 35 (3): 8-56.

For citations:

Lyapugina N. A. (2023) Are Public Controversies an Eradicable Evil or an Inevitable Good? Exploring the Dynamics of the Science-society Relationship from a Social Constructivist and Actor-network Perspective. *Sociology of Power*, 35 (3): 8-56.

Поступила в редакцию: 16.06.2023; принята в печать: 20.10.2023

Received: 16.06.2023; Accepted for publication: 20.10.2023

ДЖАМИЛЯ М. МУСИЕВА¹

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID 0000-0001-5947-6570

ВАДИМ В. УСТЮЖАНИН²

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID 0000-0003-3800-1108

ЛЕОНИД Е. ГРИНИН³

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID 0000-0003-0278-2619

АНДРЕЙ В. КОРОТАЕВ⁴

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID 0000-0003-3014-2037

Субъективное благополучие и революционная дестабилизация. Опыт количественного анализа⁵

57

-
- 1 Мусиева Джамиля Маллаевна — стажер-исследователь, Центр изучения рисков и стабильности, НИУ «Высшая школа экономики»; научный сотрудник ФГП МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: musdjam@mail.ru
  - 2 Устюжанин Вадим Витальевич — стажер-исследователь, Центр изучения стабильности и рисков, НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: vvustiuhanin@hse.ru
  - 3 Гринин Леонид Ефимович — доктор философских наук, главный научный сотрудник, Центр изучения стабильности и рисков, НИУ «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН. E-mail: leonid.grinin@gmail.com
  - 4 Коротаев Андрей Витальевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий, Центр изучения стабильности и рисков, НИУ «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН; профессор ФГП МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: akorotayev@gmail.com
  - 5 Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00535).

Acknowledgements: This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the HSE University in 2023 with support by the Russian Science Foundation (Project Number 23-18-00535).

doi: 10.22394/2074-0492-2003-3-57-94

Резюме:

Субъективное благополучие населения, или уровень счастья, является популярной темой для научных исследований и общественно-политических обсуждений как в рамках отдельных стран, так и на глобальном уровне. В этой связи интерес также приобретает направление исследований, в которых уровень счастья рассматривается как предиктор социально-политической стабильности на данный момент. Анализ литературы выявил, что, несмотря на обилие работ по теме субъективного благополучия, его взаимосвязи с доходами, а также с политической активностью населения, работ, посвященных анализу влияния данного показателя на социально-политическую нестабильность, достаточно мало. В данной статье предпринимается попытка провести кросс-страновый анализ влияния отклонения субъективного благополучия ниже того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития. Количественный анализ, проведенный в ходе статьи, позволил выявить наличие статистически значимого влияния данного отклонения на революционную активность как вооруженного, так и невооруженного характера. Примечательно, что выявленные закономерности касаются не всех групп стран, а только среднеразвитых, причем для каждой подгруппы также выявлены собственные закономерности. Так, средние показатели субъективной удовлетворенности жизнью более низкие, чем этого можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития, являются существенными предикторами рисков вооруженных революционных выступлений в государствах нижнего эшелона среднеразвитых стран (*lower middle-income countries*). Вместе с тем в государствах верхнего эшелона среднеразвитых стран (*upper middle-income countries*) они уже являются предикторами невооруженных революционных выступлений.

Ключевые слова: субъективное благополучие, вооруженные революции, невооруженные революционные выступления, ВВП на душу населения, относительная депривация

Jameelah M. Musieva¹

HSE University, Moscow, Russia

Vadim V. Ustyuzhanin²

HSE University, Moscow, Russia

---

1 Jameelah Musieva — Trainee Researcher, Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University; Research Fellow, Lomonosov Moscow State University. E-mail: musdjam@mail.ru

2 Vadim Ustyuzhanin — Trainee Researcher, Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University. E-mail: vvustiuzhanin@hse.ru

Leonid E. Grinin¹

HSE University, Moscow, Russia

Andrey V. Korotayev²

HSE University, Moscow, Russia

Subjective Wellbeing and Revolutionary Destabilization. A Quantitative Analysis

Abstract:

The subjective well-being of the population — or the ‘level of happiness’ — is a popular topic for scientific research and socio-political discussions both domestically and internationally. In this regard, a direction of research is gaining traction; its proponents consider the level of happiness to be a predictor of the current socio-political stability. An analysis of the literature revealed that, despite the abundance of works on the topic of subjective well-being, its relationship with income — as well as with the political activity of the population — there are only a few articles devoted to the analysis of the impact of this indicator on socio-political instability. This article attempts to carry out a cross-country analysis of the impact of deviations in subjective well-being below the value that would be expected at the given level of economic development. The proposed quantitative analysis has made it possible to reveal the presence of a statistically significant influence of this deviation on the revolutionary activity of both an armed and unarmed nature. It is noteworthy that the identified patterns do not apply to all groups of countries — only to middle-income economies — and that each subgroup also has its own patterns. Thus, the mean values of subjective life satisfaction, which are lower than what could be expected with the given level of economic development, are significant predictors of the risks of armed revolutionary insurgencies in lower middle-income countries. At the same time, in upper middle-income countries, they are already predictors of unarmed revolutionary uprisings.

Key words: subjective well-being, armed revolutions, unarmed revolutionary actions, per capita GDP, relative deprivation

Введение

На сегодняшний день возрастает интерес к исследованию счастья как социального показателя среди ученых и практиков государственного управления. Данные исследования развиваются уже не-

1 Leonid Grinin — Doctor of Philosophy, Chief Researcher, Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University; Leading Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: leonid.grinin@gmail.com

2 Korotayev Andrey — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University; Leading Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Professor, Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: akorotayev@gmail.com

сколько десятков лет и привели к появлению различных подходов к измерению благополучия как на индивидуальном, так и на национальном уровне [Diener 1985]. 19 июля 2011 года Генеральная Ассамблея ООН призвала государства-члены придавать большее значение счастью и субъективному благополучию при определении способов достижения и измерения социального и экономического развития¹. В том числе страны призывали разрабатывать собственные методологии измерения субъективной удовлетворенности жизнью и представлять результаты в ООН. Через год, 28 июня 2012 года, принята резолюция 66/281, в рамках которой 20 марта объявлено международным днем счастья². Начали появляться министерства счастья (Венесуэла³, ОАЭ⁴, штат Имо в Нигерии⁵, штат Мадья Прадеш в Индии⁶, Камчатский край⁷), в которых разрабатываются конкретные планы действий по повышению субъективного благополучия граждан. Пять стран также образовали Правительственный альянс экономики благосостояния: Новая Зеландия, Исландия, Финляндия, Шотландия и Уэльс⁸. На данный момент имеется множество различных рейтингов и индексов, посвященных измерению субъективного благополучия. Наиболее известными являются базы данных Всемирного опроса ценностей, а также Института Гэллага. Данные последнего публикуются в рамках Всемирного доклада о счастье (World Happiness Report).

60

Счастье отражает качество жизни населения и является важным показателем успеха для любой страны, отражающего степень удовлетворения населением страны своей жизнью независимо от уровня экономического развития. Политики и правительства различных стран используют индикаторы прогресса для оценки

1 Happiness should have greater role in development policy — UN Member States. URL: <https://news.un.org/en/story/2011/07/382052>

2 66/281. International Day of Happiness. URL: <https://happinessday.org/wp-content/uploads/2015/11/UN66281.pdf>

3 Despacho de Viceministro de la Suprema Felicidad Social del Pueblo. URL: http://www.presidencia.gob.ve/Site/Web/Principal/paginas/classVice_Suprema_Felicidad_Social_Pueblo.php

4 Happiness. URL: <https://u.ae/en/about-the-uae/the-uae-government/government-of-future/happiness>

5 Nigeria's Imo state now has a commissioner in charge of happiness. URL: <https://africa.cgtn.com/nigerias-imo-state-now-has-a-commissioner-in-charge-of-happiness/>

6 Happiness department. URL: <https://www.anandsansthanmp.in/hi/anandsansthan-workshop>

7 Министерство социального благополучия и семейной политики Камчатского края. URL: <https://mintrud.kamgov.ru/>

8 Wellbeing Economy Alliance. URL: <https://weall.org/>

и разработки социально-экономической политики. Стандартные показатели экономического прогресса теперь можно дополнить показателями благосостояния, способными лучше отражать изменения в качестве жизни [Helliwell, Wang 2012; Helliwell et al. 2012]. Эти данные также могут помочь согласовать традиционный анализ затрат и выгод с мерами, которые более точно отражают потребности населения [Diener 2009].

Сочетанием показателей субъективного благополучия и экономического роста правительства могут оценить всеобъемлющий национальный прогресс, выходящий за рамки материального уровня жизни, и, таким образом, получить больше информации для обеспечения всестороннего социального процветания [Adler 2016]. Политическим кругам любого государства данный индикатор позволяет определяться с формированием соответствующих целей и мер по их реализации, отвечающих реальным потребностям граждан.

Известно, что счастье является понятием, подходы к определению которого значительно разнятся, но сегодня мы наблюдаем попытки научного осмысления данного феномена посредством количественных инструментов. В частности, имеются в виду различные индексы счастья, а также результаты опросов ведущих российских и зарубежных опросных центров. Сложилось также новое направление в экономической науке «экономика счастья», которое делает акцент на субъективном благополучии (счастье) как показателе условий жизни людей и развития страны в целом. Наряду с этим популярным направлением также является «позитивная психология» и т.п. В целом исследование феномена счастья привлекает представителей различных научных дисциплин от социогуманитарных до естественнонаучных (медицина), что определяет его комплексный характер.

Измерение уровня счастья является показателем эффективности государственного управления, т.к. отражает уровень удовлетворенности граждан своей жизнью и обуславливает поиск более эффективной методологии измерения данного показателя [Шматова, Морев 2015]. Действующие макроэкономические показатели измерения общественного развития недостаточны для современной эпохи [Helliwell et al. 2012; Jayawickreme et al. 2012; Stiglitz et al. 2010]. Несмотря на то что еще сам создатель концепции ВВП С. Кузнец заявлял, что «благосостояние нации вряд ли можно вывести из меры национального дохода»¹, институциональная архитектура и государственная политика во всем мире

1 Выступление перед Конгрессом США в 1934 г.

в основном опирались и все еще продолжают опираться на ВВП. Традиционные экономисты и политики исходили из того, что большинство видов деятельности можно измерить с точки зрения денежных затрат и выгод, но также и того, что показатели результатов, особенно ВВП, отражают желаемые социальные цели. Вместе с тем Дж. Стиглиц и А. Сен указывали на преувеличение роли ВВП в измерении социального прогресса, что тем более существенно, если рассматривать это на фоне мирового финансового кризиса 2008 года [Гринин, Коротаев 2010; Шматова, Морев 2015]. В дополнение к таким важным и проверенным показателям, как ВВП, оценка удовлетворенности жизнью может играть важную роль в оценке влияния модернизации на социальную ткань общества и его настроение во многих странах с развивающейся экономикой¹. Оценка удовлетворенности жизнью важна в выборе способов решения насущных проблем как в развитых, так и развивающихся странах, в том числе для учета рисков социально-политической дестабилизации².

62

Таким образом, постоянный учет показателей субъективного благополучия граждан в сочетании с рациональной экономической политикой и другими гуманистическими целями является очень важной частью государственной и международной политики в условиях возрастающих социально-экономических проблем, где счастье становится основным фактором достижения многих самых важных социальных целей.

Наряду с этим споры о том, является ли субъективное благополучие следствием роста ВВП, ведутся уже более четырех десятилетий. Ричард Истерлин впервые опубликовал данные, ставящие под сомнение утверждение о том, что рост ВВП ведет к росту благополучия [Easterlin 1974]. Его анализ показал, что ВВП и удовлетворенность жизнью тесно связаны между собой в странах с низким доходом. Однако в случае преодоления определенного порога существует минимальная или даже нулевая корреляция между ВВП и субъективным ощущением счастья [Easterlin 1995; Easterlin 2001]. Сопоставимые результаты, но на более широкой

---

1 Наши исследования показывают, что модернизация часто вызывает усиление напряжения в обществе, рост неудовлетворенности жизнью, властью и перспективами, рост неравенства и много других негативных последствий. В итоге период модернизации становится особенно опасным с точки зрения возможных дестабилизаций, включая революции (см. об этом ниже).

2 Мы согласны, что «опросы о счастье могут служить важным вспомогательным инструментом для формирования общественной политики» [Степашин 2008: 137].

выборке были получены А. В. Коротаевым и Д. А. Халтуриной [Коротаев, Халтурина 2008; 2009: 142-159; 2010: 162-175]. Истерлин отмечает, что в рамках парадокса действует принцип «гедонического колеса», где рост доходов сверх данного периода насыщения приводит к росту потребностей [Inglehart 2005; Jayawickreme 2012], неудовлетворенность которых приводит к относительной депривации [Easterlin 1974]. Первая попытка опровержения парадокса Истерлина была предпринята в 2003 году Р. Винховеном и М. Хэджерти, на которое в 2005 году ответил сам Истерлин, обратив внимание на ошибки в интерпретации результатов. Развивая данную точку зрения, Р. Лэйард обозначает ВВП на душу населения на уровне 20 000 долларов как пороговое значение для упомянутого уровня насыщения [Лэйард 2011]. В 2013 году Истерлин пересматривает свое первоначальное утверждение о том, что за пределами определенного уровня дохода нет никакой связи между доходом и удовлетворенностью жизнью [Easterlin 2013]. Вместо этого он заключает, что только относительный доход (как внутри стран, так и между странами) связан с удовлетворенностью жизнью. Поскольку люди сравнивают себя с людьми в своей стране и с людьми в других странах (путешествуя или через телевидение и прочие средства массовой информации), абсолютный доход не влияет на счастье. Именно относительный доход, или проблема разрыва между более обеспеченными и менее обеспеченными, воспринимаемая как необоснованное неравенство или даже несправедливость, является тем фактором, который приводит к относительной депривации.

63

Таким образом, им выявлено, что для удовлетворения жизнью для людей имеет значение рост их дохода не в абсолютном, а в относительном выражении. В последующем начали появляться многочисленные работы по теме зависимости между экономическим ростом и субъективным благополучием [Stevenson, Wolfers 2008; Diener 2013; Di Tella, McCulloch 2008; Madden 2011; Li, Shi 2019; и др.]. Используя различные точки зрения и теоретические основы, исследователи детально рассматривают факторы, влияющие на ощущение счастья, или субъективного благополучия, однако мнения до сих пор разнятся.

Субъективная оценка жизни непосредственно сказывается на поведении человека в обществе, его предпочтениях и ценностях, которые в том числе являются политическими, что обуславливает рассмотрение данного показателя как индикатора социально-политической стабильности в стране [Carpenter 2023; Diener 1993; Veenhoven 2008]. С учетом того, что различные модернизационные факторы современными исследователями выделяются в качестве значимых факторов нестабильности

[Гринин 2017; Коротаев, Шишкина, Балтач 2019; Розов 2019; Розов и др. 2019; Устюжанин, Степанищева и др. 2023; Шульц 2016; Dahl 2017; Goldstone et al. 2010; Grinin 2013; Huntington 1968; Korotayev, Shishkina 2020], можно предположить, что пониженный уровень счастья/удовлетворенности жизнью также является фактором, во многом способствующим революционным настроениям и выступлениям в стране. Достаточно большой объем литературы на русском и иностранных языках можно найти по теме влияния удовлетворенности жизнью как на политическую активность граждан, так и на социально-политическую ситуацию в стране в целом [Дейнека, Вартанова 2012; Коротаев 2014; Смолева, Морев 2016; Степашин 2008; Golovina 1995; Golovina, Savchenko 1994; Diener 1993; Lindholm 2020; Okulicz-Kozagyn, Avery 2014; Prati 2022; Savchenko 2000]. Результаты разнятся, т.к. одни исследователи отмечают отсутствие значимой взаимосвязи [Pirralha 2017], в то время как другие, наоборот, заявляют о ее наличии [Buhlmann 2016; Clark 2014; Lindholm 2020; Weitz-Shapiro et al. 2011; Witter et al. 1984].

64

Субъективное благополучие можно рассматривать как психологический ресурс для участия в политической жизни своей страны [Sahu 2003; Samman 2007], который в случае удовлетворенностью жизнью мотивирует граждан более активно проявлять свою гражданскую позицию, и наоборот, неудовлетворенность жизнью имеет тенденцию ее снижать [Ojeda 2015]. Это можно связать с мотивационной теорией А. Маслоу [Maslow 1954], где при удовлетворении базовых уровней потребностей достигается потребность более высокого уровня — в самоактуализации, которая в том числе проявляется стремлением к участию в политической деятельности [Koltko-Rivera 2006; Inglehart, Welzel 2005; Tay, Diener 2011; Veenhoven 2008]. Большинство современных данных о взаимосвязи между СБ и политической деятельностью свидетельствуют о положительном влиянии именно на формальное политическое участие [Lyubomirsky et al. 2005; Flavin, Keane 2011].

Между тем совершенно иным образом обстоит ситуация в случае низкого уровня счастья, которое, помимо отсутствия формального интереса к политической жизни страны в рамках действующего политического режима, может стать фактором развития протестной активности, способной привести к социально-политической дестабилизации [Bodenhausen et al. 1994; Clark 2014; Cornwall 2004; Dalton 2006; Hooghe, Marien 2013; Kaase 1999; Lind 1988; Ng et al. 2022; Van Stekelenburg, Klandermans 2013; Van Troost et al. 2013; Van Zomeren et al. 2008]. Именно данный вопрос является наименее изученным в научной литературе и будет рассматриваться в данной статье. В частности, предпринята попытка внести ясность в вопрос о влия-

нии субъективного благополучия на вероятность революционной дестабилизации.

В рамках обширного объема литературы по теориям революции имеется достаточно работ по анализу социально-психологического фактора. В частности, в них рассматриваются отношения подчиненных и угнетенных социальных групп. Так, Дж. Дэйвисом [Davies 1962] была разработана теория возрастающих ожиданий, согласно которой протесты наиболее вероятны не среди самых бедных и угнетенных, а среди тех, кто наблюдал позитивную динамику в пользу улучшения условий. Это давало основание многим формировать определенные ожидания на будущее. Однако когда реальность в результате переставала соответствовать их ожиданиям, люди становились более склонными к революционной активности¹. В развитие этой теории Т. Р. Гурром [Gurr 2015] было предложено, что вместо абсолютных значений относительный уровень бедности и нищеты является фактором социально-политической нестабильности, что также послужило основой теории относительной депривации.

Данная теория неоднократно подвергалась критике. Так, Р. Айя [Aya 1979] аргументирует, что в рамках указанных теорий нет возможности определить, в каком случае или на каком уровне разрыва между ожиданиями населения и реальным удовлетворением потребностей возрастают риски революционных выступлений, т.е. «нет проработанного систематического анализа более широких экономических и политических обстоятельств, в рамках которых происходят революционные выступления» [Sanderson 2010: 63]. Анализируя критику теории возрастающих ожиданий, а также теории относительной депривации, С. Сандерсон приходит к выводу о том, что их недостатки заключаются в слабой проработанности дополнительных условий и обстоятельств, которые возникают в рамках развития революционных выступлений [Sanderson 2010: 64].

Вместе с тем анализ влияния уровня субъективного благополучия на революционный анализ ранее проводился Коротаевым и Шишкиной, где авторы в качестве причин революционных событий в рамках «арабской весны» рассматривали именно уровень счастья, что успешно было ими доказано с помощью количественных методов [Korotayev, Shishkina 2020].

В рамках данной статьи предпринимается попытка рассмотреть объективный показатель благосостояния (ВВП на душу населения),

¹ Анализ психологических аспектов в обществе, в том числе социальной фрустрации и депривации, в работах Дж. Дэйвиса см.: [Урнов 2008: 184–188].

влияние которого на социально-политическую стабильность уже неоднократно доказывалось в многочисленных работах [Коротаев, Васькин 2017; Коротаев и др. 2017, Коротаев 2020; Устюжанин и др. 2023; и др.] в совокупности с показателем субъективного благополучия. В связи с этим первая гипотеза будет сформулирована следующим образом:

Н1. Отклонение в данном государстве средней субъективной оценки его гражданами своего благополучия ниже того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития/подушевого ВВП, является значимым предиктором как вооруженной, так и невооруженной революционной дестабилизации.

Также в развитие теории относительной депривации и теории возрастающих ожиданий закономерно ожидать наибольший эффект в среднеразвитых странах, где благодаря модернизационным процессам и экономическому развитию происходят значимые изменения условий жизни, качество которых находит отражение в реакции населения. Согласно принятому Всемирным банком разделению среднеразвитых стран на страны нижнего (с подушевым ВВП от 2000 до 7000 международных долларов по ППС/*lower middle-income economies*) и верхнего (с подушевым ВВП от 7000 до 25 000 международных долларов по ППС/*lower middle-income economies*)¹ эшелонов, ввиду существенного различия уровня развития и условий жизни в них для каждой из групп стран можно выдвинуть собственные гипотезы.

В странах нижнего эшелона наблюдаются существенно более низкие, чем в странах верхнего эшелона среднеразвитых стран, значения подушевого ВВП, охвата населения формальным образованием и урбанизации [Коротаев, Билюга, Шишкина 2017а; Коротаев, Сойер, Гладышев и др. 2021; Коротаев, Сойер, Гринин и др. 2020; Korotayev, Sawyer et al. 2021]. При этом более низкие значения подушевого ВВП, охвата населения формальным образованием и урбанизации существенно повышают вероятность того, что революционные выступления примут вооруженный характер [Коротаев, Жданов 2023; Устюжанин, Гринин и др. 2022а; Устюжанин, Сумерников и др. 2022; Besançon 2005; Dahl et al. 2021; Gleditsch, Rivera 2017; Ustyuzhanin, Korotayev 2023a]. Кроме того, государства нижнего эшелона среднеразвитых стран характеризуются заметно более высокой долей молодежи в общей численности взрослого населения, чем страны верхнего эшелона (см., например: [Романов и др. 2021]), а ведь повышенная доля молодого населения (т.н. «молодежный бугор») является важным предиктором того, что революционная дестаби-

1 Подробнее об этом см.: [Коротаев, Васькин, Билюга 2017].

лизация будет принимать вооруженные насильственные формы [Устюжанин, Зинькина, Коротаев 2023; Choukri 1974; Cincotta, Weber 2021; Mesquida, Wiener 1996; Staveteig 2005; Weber 2019]. Наконец, среди государств нижнего эшелона среднеразвитых стран заметно выше, чем в странах верхнего эшелона, доля полных автократий, а, соответственно, ниже доля частичных автократий и особенно частичных демократий [Коротаев, Билюга, Шишкина 2016; Коротаев, Соьер и др. 2020; Korotayev, Bilyuga et al. 2018; Korotayev, Sawyer et al. 2021], в то время как в полных автократиях революционные выступления принимают вооруженный характер значительно чаще, чем в частичных автократиях и особенно частичных демократиях [Жданов, Коротаев 2022; Устюжанин, Коротаев 2022; Ustyuzhanin, Korotayev 2023b]. Все это позволяет нам выдвинуть для государств нижнего эшелона среднеразвитых стран (*lower-middle income countries*) следующую гипотезу:

Н2а. В государствах нижнего эшелона среднеразвитых стран (lower-middle income countries) отклонение средней субъективной оценки гражданами своего благополучия ниже того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития/подушевого ВВП, является значимым предиктором вооруженной революционной дестабилизации.

67

В странах верхнего эшелона экономически среднеразвитых стран (*upper-middle income countries*) наблюдаются существенно более высокие, чем в странах нижнего эшелона среднеразвитых стран, значения подушевого ВВП, охвата населения формальным образованием и урбанизации [Коротаев, Соьер, Гладышев и др. 2021; Коротаев, Соьер, Гринин и др. 2020; Korotayev, Vaskin et al. 2018]. При этом более высокие значения подушевого ВВП, охвата населения формальным образованием и урбанизации существенно повышают вероятность того, что революционные выступления примут невооруженный характер [Гринин и др. 2017; Коротаев, Билюга, Шишкина 2017а; Устюжанин, Гринин и др. 2022а; Устюжанин, Михеева и др. 2022а; Устюжанин, Степанищева и др. 2023b; Beissinger 2022; Butcher, Svensson 2016; Chenoweth, Lewis 2013; Dahlum 2019; Gleditsch, Rivera 2017; Sawyer, Korotayev 2022; Ustyuzhanin, Korotayev 2023a]. Кроме того, государства верхнего эшелона среднеразвитых стран характеризуются заметно более низкой долей молодежи в общей численности взрослого населения, чем страны нижнего эшелона (см., например: [Романов и др. 2021]), что заметно снижает в странах верхнего эшелона вероятность того, что революционные выступления там будут принимать вооруженные насильственные формы [Устюжанин, Зиньки-

на, Коротаев 2023; Устюжанин, Жодзишская и др. 2022b; Cincotta, Weber 2021; Goldstone 2002; Mesquida, Wiener 1999; Staveteig 2005; Urdal 2006; Weber 2019]. Наконец, среди стран верхнего эшелона среднеразвитых стран заметно выше, чем в странах нижнего эшелона, доля частичных автократий и частичных демократий и, соответственно, ниже доля полных автократий [Коротаев, Билюга, Шишкина 2016; Коротаев, Сойер и др. 2020; Korotayev, Bilyuga et al. 2018; Korotayev, Sawyer et al. 2021], что также увеличивает в странах верхнего эшелона вероятность того, что революционная дестабилизация там примет относительно более мирные невооруженные формы [Жданов, Коротаев 2022; Коротаев, Билюга, Шишкина 2016; Устюжанин, Коротаев 2022; Ustyuzhanin, Korotayev 2023b]. Все это позволяет нам для государств верхнего эшелона среднеразвитых стран (*upper-middle income countries*) сформулировать следующую гипотезу:

Н2б. В государствах верхнего эшелона среднеразвитых стран (upper-middle income countries) отклонение средней субъективной оценки гражданами своего благополучия ниже того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития/подушевого ВВП, является значимым предиктором невооруженной революционной дестабилизации.

68

Данные и методы

В качестве зависимой переменной мы используем бинарный индикатор, отражающий начало [=1] или отсутствие начала [=0] в стране невооруженного революционного выступления. При этом вслед за Дж. Лоусоном и Дж. Голдстоуном, мы используем следующие определения революции: «революция — это коллективная мобилизация, направленная на быстрое и насильственное свержение действующего режима с целью трансформации политических, экономических и символических отношений» [Lawson 2019: 5]; «революция — антиправительственные (очень часто противозаконные) массовые акции (массовая мобилизация) с целью: (1) свержения или замены в течение определенного времени существующего правительства; (2) захвата власти или обеспечения условий для прихода к власти определенных сил; (3) существенного изменения режима, социальных или политических институтов» [Голдстоун и др. 2022: 109]; или революция — это «попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституцио-

нализированными действиями, которые подрывают существующую власть» [Голдстоун 2006: 61].

Для анализа мы используем информацию, предоставляемую базой данных Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes (NAVCO) 1.3 [Chenoweth, Christopher 2020], которая идентифицирует революционные выступления/«кампании», происходившие с 1900 по 2019 год¹. Она описывает революционные выступления по целям, продолжительности, успеху или неудаче и, что важно для нас, по методам — вооруженным и невооруженным. Именно последняя классификация — было ли революционное выступление/«кампания» вооруженной или нет — будет взята нами в качестве основы для создания зависимых переменных. Так, первой зависимой переменной будет наличие вооруженного революционного выступления за определенный год в конкретной стране, когда «1» — произошло вооруженное революционное выступление, а «0» — или отсутствие любого события, или невооруженное выступление. Вторая зависимая переменная — наличие невооруженного революционного выступления, которое получено тем же образом, однако «1» свидетельствует о невооруженном характере события.

69

В качестве главной независимой переменной мы используем показатели счастья, или удовлетворенности жизнью, Института Гэллапа — набор общенациональных репрезентативных опросов, проведенных в более чем 160 странах на более чем 140 языках². Главный вопрос об оценке жизни, заданный в опросе, звучит так: «Как бы вы оценили вашу жизнь на данный момент по шкале от 0 до 10, где “10” представляет для вас наилучшую возможную жизнь, а “0” лестницы представляет для вас наихудшую возможную жизнь (шкала также известна как “Лестница Кантрила”)»? Данные по странам широко варьируются: так, согласно последним данным, европейские страны возглавляют рейтинг: Финляндия, Дания, Исландия, Швейцария и Нидерланды имеют самые высокие баллы (все со средним значением выше 7). Самые низкие баллы у Афганистана, Ливана, Зимбабве, Руанды и Ботсваны (все со средними баллами ниже 3,5).

Однако, как ранее указывалось, нас интересует не влияние счастья как такового, а эффект отклонения среднего уровня субъектив-

1 О том, что так называемые «максималистские кампании» (Э. Ченовет) представляют собой в большинстве своем не что иное, как революции/революционные эпизоды, см., например: [Устюжанин и др. 2022а: 52; Grinin, Korotayev 2022: 86–87].

2 Global Happiness Center. Official statistics for global wellbeing — Gallup World Poll. URL: <https://www.gallup.com/analytics/349487/gallup-global-happiness-center.aspx>

ной оценки удовлетворенности жизнью ниже того, что следовало бы ждать при соответствующем уровне экономического развития, на повышение рисков вооруженных/невооруженных революционных выступлений. Этот фактор можно операционализировать как регрессионные остатки из модели, где зависимой переменной является уровень счастья, а независимой — уровень экономического развития. Другими словами, это та компонента счастья населения, которую нельзя объяснить уровнем экономического развития. В качестве операционализации уровня экономического развития нами взят ВВП на душу по ППС в международных долларах 2017 года¹. При этом мы используем его десятичный логарифм для нормализации и сравнимости.

70

В качестве основного метода анализа нами выбран регрессионный анализ. Для моделирования отклонения уровня счастья от уровня благосостояния мы используем линейную модель по описанному выше принципу². При этом наши данные являются панельными, когда в выборке одни и те же объекты (страны) повторяются несколько раз (за определенные годы) в определенной последовательности. Это требует от нас использования панельных моделей, которые учитывают разнородность данных как между странами, так и внутри них самих в рамках перехода от года к году. Кроме того, такой тип данных предполагает неслучайность ошибок и гетероскедастичность, что требует от нас учесть это путем кластеризации ошибок на объекты исследования (страны). Для исследования революций мы используем логистическую регрессию (потому что зависимая переменная — бинарная) для редких событий. Число единиц в данных (произошла революция) в разы меньше нулей (отсутствие революционных событий в определенный год в определенной стране), что требует от нас учета такого распределения зависимой переменной, иначе мы неминуемо недооценим значимость и эффект отдельных факторов. Для этого мы используем специальный метод оценивания, который вносит средний и медианный «штраф» к максимизации правдоподобия (которое является обычным методом оценки, подробнее см.: [Kosmodis et. al 2020]). Более того, мы также оцениваем пулированную модель с кластеризованными на страну стандартными ошибками. Также в модели включается счастье и его отклонение от уровня ВВП на душу с лагом в один год, потому

1 GDP per capita, PPP (constant 2017 international \$) — World Bank Database. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD>

2 Хотя уровень счастья является порядковой переменной, мы анализируем ее в качестве непрерывной в силу ее упорядоченности и относительно большого числа категорий (10), что делает оценки достоверными.

что революционное событие может значительно повлиять на его уровень.

В итоге мы рассмотрим временной интервал с 2005 по 2019 год для 148 стран. К сожалению, нам приходится сильно сужать временной интервал в силу отсутствия данных для уровня счастья за предшествующие года, хотя зависимая переменная есть с 1900 года.

Результаты

В данном разделе с помощью описанных методов мы анализируем влияние отклонения субъективного благополучия от того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития, на риски как вооруженной, так и невооруженной революционной дестабилизации.

Таблица 1 представляет собой результаты регрессионного анализа между отклонением субъективного благополучия от того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития, на вероятность революционных выступлений вооруженного и невооруженного характера. В МНК модели показан расчет самого отклонения. Видно, что благосостояние в целом хорошо объясняет вариацию субъективного счастья населения (на 62%), когда рост ВВП на душу сопровождается значимым ростом уровня счастья. В последующих моделях с помощью спецификации логистической регрессии исследуются невооруженные и вооруженные революции и их зависимость от отклонения счастья от уровня благосостояния.

71

Таблица 1. Линейная регрессия на уровень счастья и логистическая регрессия (bias-reduction) на вооруженные и невооруженные выступления

	Уровень счастья (МНК pooled)	Невооруженные революции (BR logistic model pooled)	Вооруженные революции (BR logistic model pooled)
Константа	-1,75*** (0,13)	-3,01*** (0,11)	-4,91*** (0,29)
ВВП на душу населения (lg)	1,78***		

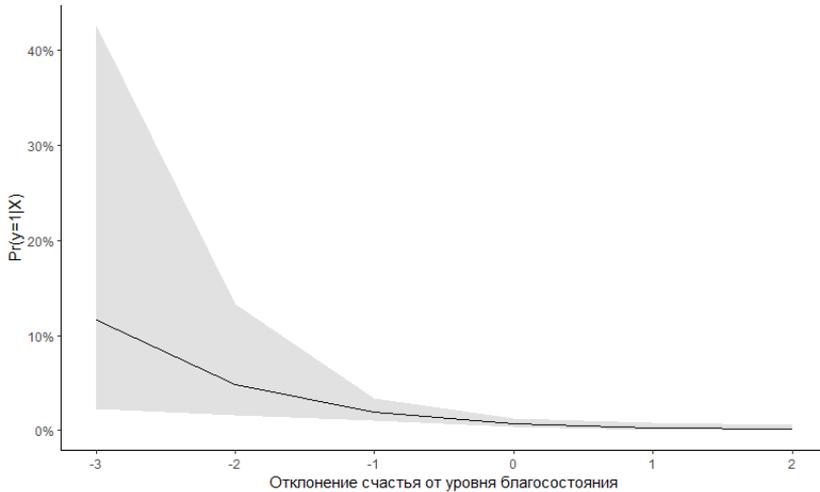
	Уровень счастья (МНК <i>pooled</i>)	Невооруженные революции (BR <i>logistic model</i> <i>pooled</i>)	Вооруженные революции (BR <i>logistic model</i> <i>pooled</i>)
	(0,03)		
Отклонение средней субъективной оценки благополучия от того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития/подушевого ВВП (остатки в МНК модели)		-0,45**	-0,96**
		(0,15)	(0,34)
72 R2	0,62		
Наблюдения	1989	1851	1851
AIC		715,22	180,53

Примечание: *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$; в скобках приведены стандартные ошибки, кластеризованные на страну; МНК *pooled* — метод наименьших квадратов с пулированным оцениванием; BR *logistic model pooled* — логистическая регрессия для «редких» событий с пулированным оцениванием.

В обеих моделях независимая переменная является значимым и негативным предиктором начала невооруженных и революционных событий соответственно. При этом уменьшение несоответствия уровня счастья уровню экономического развития на 1 пункт приводит к снижению риска начала невооруженного эпизода на 36%, а вооруженного — на 62%. Таким образом, государство, чей уровень субъективной оценки счастья ее гражданами полностью соответствует ее подушевому ВВП, по отношению к государству, где уровень счастья отстает от благосостояния на 2 деления шкалы, подвержено рискам невооруженной и вооруженной революционной нестабильности на 59% и 85% меньше соответственно.

Следует также рассмотреть графическую презентацию вероятности революционной дестабилизации в случае отклонения пока-

зателя субъективного благополучия от уровня экономического развития (рис. 4 и 5).

Рисунок 1. Предсказанные вероятности возникновения вооруженного революционного выступления в зависимости от отклонения уровня счастья от уровня экономического развития

73

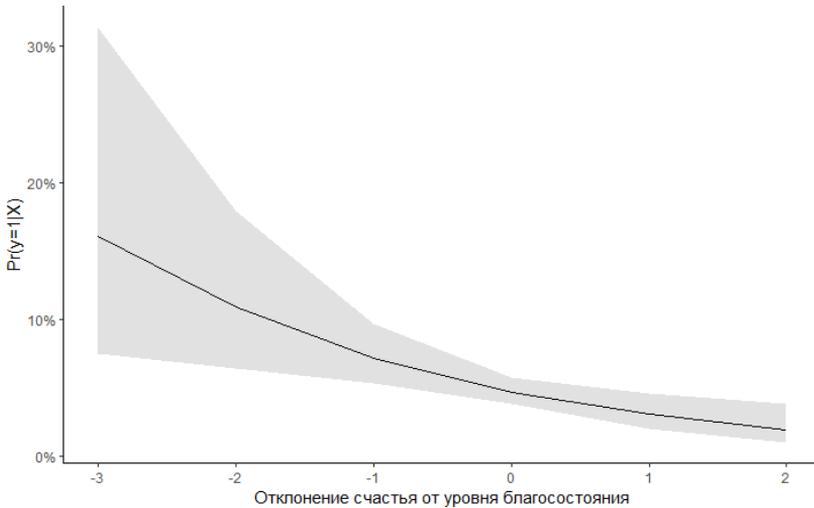
Figure 1. The predicted probabilities of an armed revolutionary uprising depending on the deviation of the level of happiness from the level of economic development

На рисунке 1 представлен график с предсказанными вероятностями того, что в стране случится вооруженный революционный эпизод в зависимости от отклонения среднего значения субъективного благополучия от того уровня, которого можно было бы ожидать в соответствующем государстве при данном уровне экономического развития, с 95% доверительным интервалом. Видно, что средний уровень субъективного ощущения счастья заметно более высокий, чем тот, что можно было бы ожидать при данном уровне экономического развития, является мощным предиктором того, что в стране не произойдет вооруженное революционное выступление, в то время как его отклонение в отрицательную сторону заметно повышает риски вооруженной революционной дестабилизации.

Применительно к невооруженной революционной дестабилизации картина выглядит следующим образом (рис. 2).

На рисунке 2 представлен график с предсказанными вероятностями того, что в стране случится невооруженный революционный эпизод в зависимости от отклонения среднего значения субъективного благополучия от того уровня, которого можно было

бы ожидать в соответствующем государстве при данном уровне экономического развития, с 95% доверительным интервалом. Так, с вероятностью 15% и более в стране возможно развитие невооруженной дестабилизации в случае, если уровень счастья не соответствует достигнутому страной уровню экономического развития в размере 3 делений шкалы. В то же время он стремится к нулю в случае, когда средние показатели субъективного ощущения счастья заметно выше.

74

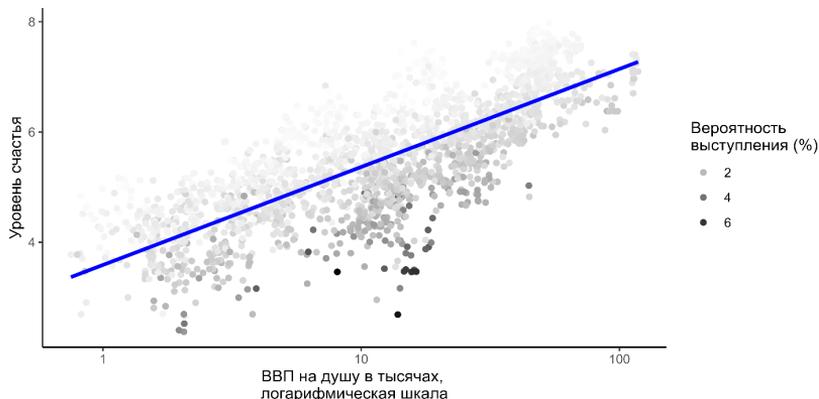
Рисунок 2. Предсказанные вероятности возникновения невооруженного революционного выступления в зависимости от отклонения уровня счастья от уровня экономического развития

Figure 2. Predicted probabilities of unarmed revolutionary action depending on the deviation of the level of happiness from the level of economic development

Таким образом, на основании данных, представленных в таблице 1 и на рисунках 1 и 2, можно констатировать, что гипотеза H1 подтверждается: утверждение о том, что «отклонение в данном государстве средней субъективной оценки его гражданами своего благополучия ниже того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития, является значимым предиктором как вооруженной, так и невооруженной революционной дестабилизации», находит свое эмпирическое подтверждение.

Далее рассмотрим особенности влияния отклонения уровня счастья от ВВП на душу населения на вооруженные и невооруженные революционные события по отдельности.

На рисунке 3 представлена диаграмма рассеивания, описывающая вероятность возникновения вооруженных выступлений.

Рисунок 3. Вероятность вооруженных выступлений. По оси абсцисс — ВВП на душу населения. По оси ординат — средние значения субъективной оценки гражданами своего благополучия для соответствующих страно-лет

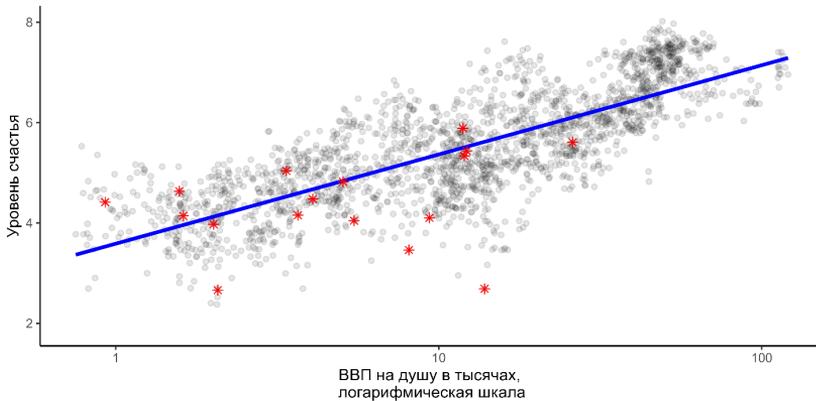
Figure 3. The likelihood of armed uprisings. The abscissa shows GDP per capita. On the y-axis — the average values of the subjective assessment by citizens of their well-being for the corresponding country-years

Страны, расположенные ниже регрессионной линии (сплошная линия на рис. 3), представляют собой случаи, где средние значения субъективной оценки гражданами своего благополучия ниже того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития. Таким образом, согласно данным рисунка 3, наблюдается более высокая вероятность вооруженных революционных выступлений у стран, расположенных ниже регрессионной линии, где фиксируется эффект относительной депривации. Наибольшая вероятность вооруженных выступлений наблюдается (6%), как ни странно, в среднеразвитых странах с низким уровнем счастья. В менее развитых странах с низким уровнем счастья вероятность составляет около 4%. Таким образом, отставание показателя удовлетворенности жизнью значительно повышает риски вооруженных выступлений. Далее рассмотрим связь между ВВП на душу населения, уровнем счастья и вооруженными выступлениями из модели МНК в таблице 1 (рис. 4). По *оси ординат* дан десятичный логарифм ВВП на душу населения (в тысячах), а по *оси абсцисс* — средние значения субъективной удовлетворенности жизнью в соответствующие страно-годы.

Анализ диаграммы рассеивания (рис. 4), в которой приведены случаи вооруженных выступлений (отмечены звездочками), позволяет заключить, что в странах, где одновременно наблюдается и высокий уровень субъективной удовлетворенности гражданами своей

жизнью, и высокий уровень экономического развития, вооруженные революционные выступления практически исключены. Это в первую очередь обусловлено тем, что, как ранее уже показывалось, высокий ВВП на душу населения является мощным статистически значимым ингибитором вооруженных революционных выступлений [Коротаев, Васькин 2017; Коротаев и др. 2017; Коротаев 2020; Устюжанин и др. 2023b; Besançon 2005; Cincotta, Weber 2021; Dahl et al. 2021; Beissinger 2022]¹. Вместе с тем несмотря на то, что страны с низким показателем ВВП на душу населения высоко подвержены рискам вооруженных революций, на представленном графике видно, что в наименее экономически развитых (*low income*) странах отклонение средней субъективной оценки гражданами своего благополучия от того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития, ни в какой степени не является предиктором вооруженной революционной дестабилизации. Это можно объяснить тем, что в данных странах наблюдается абсолютная депривация, т.е. неудовлетворенность в базовых потребностях, поэтому субъективный фактор оценки собственного благополучия у населения не имеет столь весомого значения, как в экономически среднеразвитых (*middle income*) государствах.

76

Рисунок 4. Зависимость между средними значения субъективной оценки гражданами своего благополучия, ВВП на душу населения и вооруженными революционными выступлениями

Figure 4. The relationship between the average values of the citizens' subjective assessment of their well-being, GDP per capita and armed revolutionary uprisings

1 Конечно, также существенно, что большинство таких стран являются полными демократиями.

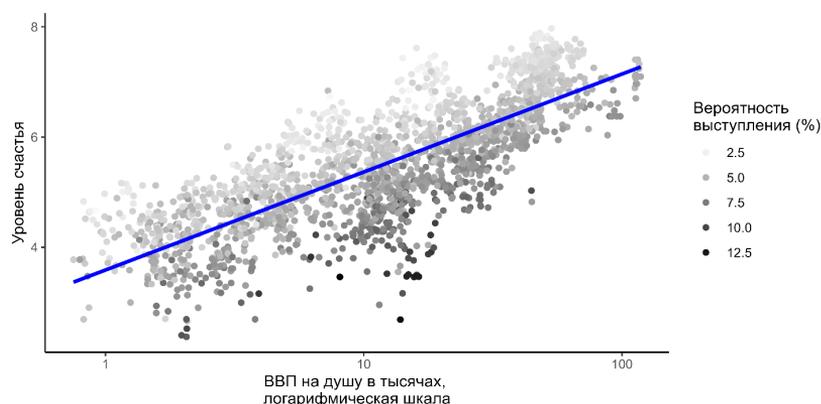
Большая часть вооруженных революционных выступлений находится ниже уровня регрессии и приходится преимущественно на нижний эшелон *среднеразвитых стран*. Это совершенно неслучайно. Так, А. В. Коротаев, С. Э. Билюга и А. Р. Шишкина в своей работе уже выявляли, что по среднему значению индекса социально-политической дестабилизации по тертилям ВВП на душу населения в долларах США по ППС за период 1960–2014 гг. наибольшая интенсивность наблюдалась в среднеразвитых странах с ВВП на душу населения от 3250 до 11 600 международных долларов по ППС [Коротаев, Билюга, Шишкина 2017b]. В этих странах также наблюдалась более высокая интенсивность политических репрессий и политических убийств [Там же: 22]. Количество вооруженных революций, приведенных на графике, как раз примерно соответствует указанному интервалу ВВП на душу населения (с учетом инфляции с 2011 г., к 2017 г. ожидаемо смещение вправо). Следует обратить внимание, что в данном случае мы рассматриваем именно события, фактором которых являются более низкие значения уровня счастья в сравнении с уровнем экономического развития (ниже регрессионной линии), что явно свидетельствует о наличии эффекта относительной депривации в них. Это говорит о том, что происходящие процессы модернизации и распределение ресурсов в стране носят несбалансированный характер, порождая большой разрыв между богатыми (меньшей части населения) и бедными (большей части населения), сопровождающиеся шоками и кризисами, замедляющими социально-экономическое развитие. Соответственно, это вызывает недовольство и подталкивает население к протестной активности, в данном случае — вооруженной.

77

Среди прочего следует также обратить внимание на то, что рост недовольственности и протестной активности может быть дополнительно связан с возрастной структурой населения многих модернизирующихся стран, где доля молодежи является очень высокой (т.н. «молодежный бугор» — см. выше). Эта молодежь ввиду нерешенности структурных проблем в стране, а также имеющего места неравенства не может найти способы самореализации и обеспечить себе достойные условия жизни, соответствующие представлениям молодых людей. Об этом также упоминалось в ряде работ, в которых приводится определение «несчастливого развития» в странах Ближнего Востока, т.е. достижения экономического развития страны не оказывают ожидаемого позитивного влияния на жизнь населения, которое вылилось в события «арабской весны» [Коротаев, Шишкина, Балтач 2019; Agampatzi et al. 2015; Korotayev, Shishkina 2020]. Таким образом, возникает эффект неоправданных ожиданий и относительной депривации, где протест вызывает не столько бедность сама по себе, сколько разрыв между ожиданиями и реальностью.

Вместе с тем в тех государствах нижнего эшелона среднеразвитых стран, в которых уровень счастья выше регрессионной линии, революционных событий не наблюдается. Таким образом, в целом гипотеза H2a «В государствах нижнего эшелона среднеразвитых стран (*lower-middle income countries*) отклонение средней субъективной оценки гражданами своего благополучия ниже того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития/подушевого ВВП, является значимым предиктором вооруженной революционной дестабилизации» находит свое эмпирическое подтверждение¹.

Далее рассмотрим невооруженные революционные выступления (см. рис. 5):

78

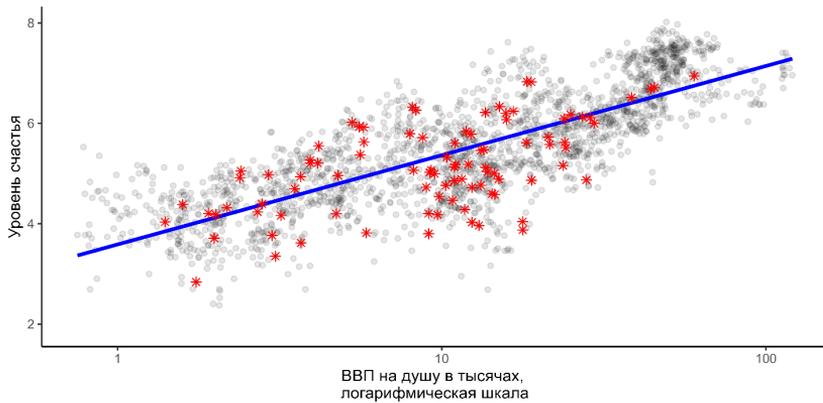
Рисунок 5. Вероятность невооруженных выступлений. По оси абсцисс — ВВП на душу населения. По оси ординат — уровень счастья
Figure 5. Probability of unarmed performances. The abscissa shows GDP per capita. On the y-axis — the level of happiness

На рисунке 5 приведена аналогичная диаграмма рассеивания для невооруженных революционных выступлений, где также можно проследить, что вероятность заметно повышается в случае стран, где наблюдается относительная депривация, т.е. удовлетворенность жизнью отстает от фактического уровня развития [Gurr 2015]. Наи-

1 В этой связи стоит отметить, что процесс глобального старения, который охватывает все большее количество стран, меняет структуру населения в этих странах в пользу пожилых когорт. Это существенно меняет и поведение населения (см.: [Grinin, Grinin, Korotayev 2020, 2023]). При этом ощущение субъективного недовольства жизнью у пожилой части населения может быть достаточно высокой, особенно в периоды экономических трудностей, однако оно не будет так ярко проявляться в протестной активности уже по причине общего снижения активности пожилых людей из-за возраста.

более высокая вероятность наблюдается в среднеразвитых странах с ВВП на душу населения примерно от 7 тыс. до 25 тыс. международных долларов, т.е. в государствах верхнего эшелона среднеразвитых стран (*upper middle-income economies*). В то же время если обратим внимание на данные корреляции реальных невооруженных революционных выступлений с отклонением уровня счастья от ВВП на душу населения (рис. 6), то можно обнаружить, что, как и в случае с вооруженными выступлениями, высокий уровень счастья является ингибитором социально-политической дестабилизации.

На рисунке 6 представлена диаграмма рассеивания, визуализирующая связь между ВВП на душу населения, средними значениями субъективной оценки гражданами своего благополучия и невооруженными выступлениями из модели МНК в таблице 1.

Рисунок 6. Зависимость между средними значениями субъективной оценки гражданами своего благополучия, ВВП на душу населения и невооруженными революционными выступлениями

Figure 6. The relationship between the average values of citizens' subjective assessment of their well-being, GDP per capita and unarmed revolutionary actions

Наибольшее количество невооруженных выступлений приходится на среднеразвитые страны высшего эшелона (примерно от 7000 до 25 000 международных долларов) с высоким эффектом относительной социальной депривации ввиду низкого уровня субъективного благополучия населения при достигнутом уровне развития. В этих странах революционная активность носит скорее невооруженный характер, т.к. в странах данной группы более высокие инвестиции в человеческий капитал, при котором граждане располагают более высокими доходами и экономическими благами, т.е. им есть что терять в случае применения вооруженной

силы в рамках протестов (Устюжанин и др. 2022а; Устюжанин и др. 2023b; Устюжанин и др. 2023c; Beissinger 2022; Butcher, Svensson 2016; Gleditsch, Rivera 2017; Ustyuzhanin, Korotayev 2023a). Модернизация в данных странах стимулирует процессы урбанизации, роста уровня образования населения, улучшение здравоохранения, а также смену ценностных приоритетов. При этом происходящее формирование среднего класса приводит к большей активности в области защиты своих гражданских прав и свобод, т.к. население при удовлетворении материальных потребностей стремится уже к удовлетворению постматериальных, заключающихся в свободе самовыражения [Inglehart, Welzel 2005]. Здесь также вступает в действие эффект относительной депривации, однако, в отличие от вооруженных революций, включение в революционную протестную активность возможно скорее в случае превышения потенциальных выгод от участия в них, что ведет к тому, что революционные выступления здесь имеют преимущественно невооруженный характер.

80

В целом можно констатировать эмпирическое подтверждение и гипотезы H2б «В государствах верхнего эшелона среднеразвитых стран (*upper-middle income countries*) отклонение средней субъективной оценки гражданами своего благополучия ниже того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития/подушевого ВВП, является значимым предиктором невооруженной революционной дестабилизации».

Заключение

Количественный анализ, проделанный в рамках данной статьи, позволяет сделать следующие выводы. Анализ данных таблицы 1 и рисунков 1 и 2 показал, что гипотеза H1 находит свое подтверждение: Отклонение в данном государстве средней субъективной оценки его гражданами своего благополучия ниже того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития/подушевого ВВП, является значимым предиктором как вооруженной, так и невооруженной революционной дестабилизации.

Вместе с тем проведенный количественный анализ позволил выяснить, что отклонение средней субъективной оценки благополучия ниже того значения, которое можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития, является предиктором революционной дестабилизации только для экономически среднеразвитых стран (*middle income countries*).

Предыдущие исследования зависимости между ВВП на душу населения и рисками революционной дестабилизации показали, что величина душевого ВВП является важным фактором, в заметной

степени определяющим форму революционного выступления, т.е. будет ли оно вооруженным или невооруженным [Коротаев, Васькин и др. 2017; Коротаев, Билюга и др. 2017а; Коротаев, Соьер, Гринин и др. 2020; Устюжанин и др. 2023b; Chenoweth, Lewis 2013; Dahlum 2019; Ustyuzhanin, Korotayev 2023b]. В странах с низким ВВП на душу населения людям нечего терять, и они с большей готовностью идут на вооруженные насильственные способы выражения собственного недовольства условиями жизни в стране. В то же время в странах даже с относительно более высокими значениями данного показателя люди значительно меньше склонны к такой форме революционной активности, т.к. есть определенный задел и блага, полная потеря которых вполне может грозить в случае использования вооруженного насилия. В таких странах преобладают невооруженные формы революционной активности. На основе данного вывода закономерно использование дополнительного показателя, применяемого в качестве предиктора революции. Так, уже рассматривалось влияние таких модернизационных факторов, как уровни урбанизации, демократизации, охвата населения формальным образованием, а также модернизационно обусловленное изменение возрастной структуры.

Тезис о дестабилизирующих эффектах процесса модернизации выдвигался еще Хантингтоном [Хантингтон 2004; Huntington 1968, 1986] и нашел развитие в многочисленных исследованиях [Гринин 2017; Коротаев, Васькин и др. 2017; Коротаев, Гринин и др. 2017; Коротаев, Соьер, Гринин и др. 2020; Розов 2019; Розов и др. 2019; Устюжанин и др. 2022а; Устюжанин и др. 2023b; Шульц 2016; Grinin 2012, 2013, 2022; Korotayev, Vaskin et al. 2018]. Причиной нестабильности являются диспропорции, которые развиваются в процессе модернизационных процессов в стране, порождая неравенство в распределении экономических ресурсов и появление у населения неоправданных ожиданий (относительной депривации) [Коротаев 2014; Коротаев, Васькин и др. 2017; Gurr 2015; Korotayev et al. 2014].

На диаграммы рассеивания были наложены регрессионные линии, которые позволяют наблюдать соотношение показателей субъективного благополучия и объективного экономического развития: если страна-год находится ниже регрессионной линии, то средний уровень удовлетворенности гражданами своей жизнью ниже того, что следовало бы ожидать при данном уровне экономического развития страны. Аналогично, если страна-год находится выше регрессионной линии, то средний уровень удовлетворенности гражданами своей жизнью в данной стране в данном году был выше того, что следовало бы ожидать при данном уровне подушевого ВВП.

При этом анализ рисунков 3 и 4 показал, что гипотеза H2а эмпирически подтверждается, т.е. отклонение средней субъективной оценки гражданами своего благополучия ниже того значения, которое можно было

бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития/подушевого ВВП, является значимым предиктором рисков вооруженных революционных выступлений в государствах нижнего эшелона среднеразвитых стран (*lower-middle income countries*). Неравномерное распределение благ среди населения страны и прочие проблемы, возникающие в процессе модернизации на ранних этапах и приводящие к недовольству населения уровнем жизни при достигнутых экономических успехах, побуждает их на протестную революционную активность с применением вооруженного насилия.

Аналогичным образом данные рисунков 5 и 6 уже по невооруженным выступлениям демонстрируют, что средние показатели субъективной удовлетворенности жизнью, более низкие, чем этого можно было бы ожидать при соответствующем уровне экономического развития, являются существенными предикторами невооруженной революционной дестабилизации в государствах верхнего эшелона среднеразвитых стран (*upper-middle income countries*), эмпирически подтверждая обоснованность гипотезы H2б. Наибольшее число невооруженных революционных выступлений свойственно именно странам данной группы, т.к. в отличие от стран нижнего эшелона (*lower middle-income countries*), в этих странах наблюдается значительно более высокий уровень инвестиций в человеческий капитал, а население менее склонно к вооруженным революционным выступлениям, потому что сформировались определенные социально-экономические блага, потеря которых может принести им убытки. Кроме того, население здесь заметно более образованно и урбанизировано. К тому же эти страны имеют заметно более старое население и заметно более демократическую политическую организацию. Все эти факторы (более высокие уровни душевного ВВП, урбанизации, демократизации, охвата населения формальным образованием, а также меньшая доля молодежи в общей численности взрослого населения) обуславливают то обстоятельство, что в государствах верхнего эшелона среднеразвитых стран (*upper middle-income economies*) отклонение средней субъективной оценки гражданами своей удовлетворенности жизнью ниже того уровня, который можно было бы ждать при соответствующем уровне экономического развития, ведет прежде всего к увеличению вероятности невооруженных относительно мирных революционных выступлений, в то время как в государствах нижнего эшелона среднеразвитых стран (*lower middle-income economies*) то же самое сочетание ведет скорее к росту рисков более кровавых вооруженных революционных событий.

В условиях трансформации глобального мирового порядка и выхода на первый план быстроразвивающихся экономик стран, которые все еще относятся к среднеразвитым (как, например, страны БРИКС), актуально исследование возможных проблем и рисков их социально-экономического и социально-политического разви-

тия, т.к. развивающееся глобальное противостояние выражается в использовании внутренних проблем страны внешнеполитическими противниками. Ввиду этого в выработке государственной политики большое значение теперь играет отслеживание уровня счастья населения, т.к. именно оно сможет стать мощным ингибитором протестных волнений в случае, если субъективная удовлетворенность выше предсказанной уровнем экономического развития, либо, наоборот, провоцировать их в противоположном случае.

Но необходимо помнить, что на ощущение счастья влияют многие факторы, которые также одновременно могут влиять и на дестабилизацию. В частности, можно рекомендовать правительствам следующие способы минимизации рисков, связанных с возможностью дестабилизации в аспекте уровня счастья. 1) Для обществ, быстро экономически развивающихся, необходимо помнить, что такое развитие ведет к образованию резких диспропорций в обществе и росту недовольства, поэтому гораздо легче уменьшать эти диспропорции с помощью принятых законов или специальных мер на начальном этапе, чем когда они закрепились. Соответственно, в планы модернизации необходимо включать и меры по уменьшению неудовлетворенности населения условиями жизни.

83

2) В странах с достаточно высокой опасностью революций должны быть правительственные органы (помимо политической полиции), которые бы занимались анализом ситуации в стране и готовили бы на регулярной основе предложения по минимизации рисков дестабилизации. Необходимо делать социологические замеры, в т.ч. оценивать ситуацию в области субъективного ощущения удовлетворенности жизнью (счастья) и реагировать на понижение этого показателя.

3) Обращать неустанное внимание на наиболее чувствительные моменты, которые могут стать источником революционного взрыва: политика в отношении языков, доступа к образованию разных групп, межнациональных и межэтнических конфликтов, религиозных трений, опасности пауперизации значимых групп населения. Эти факторы могут очень сильно и негативно влиять на оценку населением субъективного благополучия.

4) Особое внимание необходимо обратить на молодежь, поскольку, как указывалось выше, это наиболее податливая часть в отношении протестов. Необходимо систематически проводить государственную политику в отношении молодежи, в т.ч. по ее трудоустройству и созданию социальных лифтов.

5) Нельзя полностью закрывать клапан критики, то есть нужно как-то спускать пар недовольства, иначе давление разорвет котел. Соответственно, наличие оппозиции является в данном вопросе стабилизирующим фактором, позволяющим удовлетворить запрос

общества на альтернативную точку зрения. Отсутствие альтернативных источников информации и идеологии также негативно влияет на оценку населением состояния субъективного благополучия (подробнее о такого рода рекомендациях см.: [Гринин 2022]).

В целом необходимо отметить, что рассмотрение степени отклонения субъективного благополучия от ВВП на душу населения в анализе протестной активности значительно дополняет имеющийся задел в исследовании рисков социально-политической дестабилизации и представляет большой научный интерес для дальнейшего изучения.

Библиография / References

Аргайл М. (2003) *Психология счастья*. СПб.: Питер.

— Argyle M. (2003) *Psychology of happiness*. St. Petersburg: Peter. — in Russ.

Вагапова А. Р. (2016) Соотношение субъективного благополучия и социально-политических представлений этнических групп. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития* 5, 4(20): 330–334.

— Vagapova A. R. The ratio of subjective well-being and socio-political ideas of ethnic groups. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology* 5, 4(20): 330–334. — in Russ.

Голдстоун Д. (2006) К теории революции четвертого поколения. *Логос*, № 5(56): 58–103.

— Goldstone J. (2006) Toward a fourth generation of revolutionary theory. *Logos*, 5(56): 58–103. — in Russ.

Голдстоун Д., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. (2022) Волны революций XXI столетия. *Полис: Политические исследования*, 4: 108–119.

— Goldstone J., Grinin L., Korotayev A. (2022) Waves of revolutions in the 21st century. *Polis-Politicheskiye Issledovaniya*, 4: 108–119. — in Russ.

Гринин Л. Е. (2017) Революции и исторический процесс. *Философия и общество*, 3: 5–29.

— Grinin L. (2017) Revolutions and Historical Process. *Filosofija i obshchestvo*, 3: 5–29. — in Russ.

Гринин Л. Е. (2022) Революции: за и против. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*, (13): 35–64

Grinin L. E. (2022) Revolutions: pros and cons. *System monitoring of global and regional — risks*, (13): 35–64. — in Russ.

Гринин Л. Е., Билюга С. Э., Коротаев А. В., Малыженков С. В. (2017) Доля студентов в общей численности населения и социально-политическая дестабилизация: опыт количественного анализа. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, 4(87): 35–47. DOI: 10.30570/2078-5089-2017-87-4-35-47

— Grinin L., Bilyuga S., Korotayev A., Malyzhenkov S. (2017) Share of Students in Total Population and Socio-Political Destabilization. Quantitative Analysis.

Politeia-Journal of Political Theory, Political Philosophy, and Sociology of Politics, 87 (4): 35-47. DOI: 10.30570/2078-5089-2017-87-4-35-47. — in Russ.

Дейнека О. С., Вартанова И. А. (2012) Удовлетворенность жизнью как предиктор отношения к экономической и политической стабильности студенческой молодежи. *Современные проблемы науки и образования*, 6.

— Deineka O. S., Vartanova I. A. (2012) Satisfaction with life as a predictor of attitudes towards the economic and political stability of student youth. *Modern problems of science and education*, 6. — in Russ.

Жданов А. И., Коротаев А. В. (2022) Выборы, тип режима и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа. *Социология власти*, 34 (4): 102-127. DOI: 10.22394/2074-0492-2022-4-102-127. — in Russ.

— Zhdanov A. I., Korotayev A. V. (2022) Elections, Regime Type and Risks of Revolutionary Destabilization. A Quantitative Analysis. *Sociology of Power*, 34 (4): 102-127. DOI: 10.22394/2074-0492-2022-4-102-127. — in Russ.

Коротаев А. В. (2014) О возможных экономико-психологических факторах украинской революции 2014 года. *Историческая психология и социология истории*, 7 (1): 56-74.

— Korotayev A. V. (2014) On the possible economic and psychological factors of the Ukrainian revolution of 2014. *Historical psychology and sociology of history*, 7 (1). P. 56-74. — in Russ.

Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. (2016) ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа. *Сравнительная политика*, 7 (4): 72-94. DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-72-94

— Korotayev A., Bilyuga S. & Shishkina A. (2016) GDP per capita, protest intensity and regime type: a quantitative analysis. *Sravnitel'naya Politika-Comparative Politics*, 7(4): 72-94. DOI:10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-72-94. — in Russ.

Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. (2017а) ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования. Кросс-национальный анализ. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, 1 (84): 127-143. DOI: 10.30570/2078-5089-2017-84-1-127-143

— Korotayev A., Bilyuga S. & Shishkina A. (2017b) GDP Per Capita, Intensity of Anti-Government Demonstrations and Level of Education. Cross-national Analysis. *Politeia-Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*, 84(1). P. 127-143. DOI: 10.30570/2078-5089-2017-84-1-127-143. — in Russ.

Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. (2017b) Экономический рост и социально-политическая дестабилизация: опыт глобального анализа. *Полис. Политические исследования*, 2: 155-169. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.11

— Korotayev A., Bilyuga S., Shishkina A. (2017b) Correlation between GDP per capita and protest intensity: a quantitative analysis. *Polis. Politicheskiye Issledovaniya*, 2: 155-169. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.11. — in Russ.

Коротаев А. В., Васькин И. А., Билюга С. Э. (2017) Гипотеза Олсона-Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение*, 16 (1): 9-49. DOI: 10.17323/1728-192X2017-1-9-49

— Korotayev A. V., Vaskin I. A., Bilyuga S. E. (2017) Olson-Huntington Hypothesis on a Bell-Shaped Relationship Between the Level of Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Quantitative Analysis. *Sociologicheskoe Obozrenie = Russian Sociological Review*, 16 (1): 9–49. DOI: 10.17323/1728-192X2017-1-9-49. — in Russ.

Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Билюга С. Э., Васькин И. А., Слинко Е. В., Шишкина А. Р., Мещерина К. В. (2017) *Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы*. М.: Московская редакция издательства «Учитель».

— Korotayev A. V., Grinin L. E., Isaev L. M., Bilyuga S. E., Vaskin I. A., Slinko E. V., Shishkina A. R., Meshcherina K. V. (2017) *Destabilization: global, national, natural factors and mechanisms*. М.: Moscow edition of the publishing house “Uchitel”. — in Russ.

Коротаев А. В., Жданов А. И. (2023) Количественный анализ экономических факторов революционной дестабилизации: результаты и перспективы. *Социология власти*, 35 (1): 118–159. DOI: 10.22394/2074-0492-2023-1-118-159

— Korotayev A. V., Zhdanov A. I. (2023) A Quantitative Analysis of Economic Factors of Revolutionary Destabilization: Results and Prospects. *Sociology of Power*, 35 (1): 118–159. DOI: 10.22394/2074-0492-2023-1-118-159. — in Russ.

86

Коротаев А., Сойер П., Гладышев М., Романов Д., Шишкина А. (2021) О некоторых социально-демографических факторах интенсивности антиправительственных демонстраций: доля молодежи в населении, урбанизация и протесты. *Социологическое обозрение*, 20 (3): 98–128. DOI: 10.17323/1728-192x-2021-3-98-128

— Korotayev A., Sawyer P., Gladyshev M., Romanov D., Shishkina A. (2021) Some Sociodemographic Factors of the Intensity of Anti-Government Demonstrations: Youth Bulges, Urbanization, and Protests. *Russian Sociological Review*, 20(3): 98–128. DOI: 10.17323/1728-192x-2021-3-98-128. — in Russ.

Коротаев А. В., Сойер П. С., Гринин Л. Е., Романов Д. М., Шишкина А. Р. (2020) Социально-экономическое развитие и антиправительственные протесты в свете новых результатов количественного анализа глобальных баз данных. *Социологический журнал*, 26 (4): 61–78. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.4.7642

— Korotayev A. V., Sawyer P. S., Grinin L. E., Romanov D. M., Shishkina A. R. (2020) Socio-economic development and anti-government protests in light of a new quantitative analysis of global databases. *Sociological Journal*, 26 (4): 61–78. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.4.7642. — in Russ.

Коротаев А. В., Халтурина Д. А. (2008) Можно быть бедным и счастливым, но нельзя быть богатым и несчастным? К проблеме критериев социального прогресса. *Проблемы математической истории: Историческая реконструкция, прогнозирование, методология* / Ред. Г. Г. Малинецкий, А. В. Коротаев. М.: Либроком/URSS: 215–237.

— Korotayev A. V., Khaltourina D. A. (2008) Can one be poor and happy, but one cannot be rich and unhappy? On the problem of criteria for social progress. *Problems of mathematical history: Historical reconstruction, forecasting, methodology* / Ed. by G. G. Malinetsky and A. V. Korotayev. Moscow: Librokom/URSS: 215–237. — in Russ.

Коротаев А. В., Халтурина Д. А. (2009) *Современные тенденции мирового развития*. М.: Либроком/URSS.

— Korotayev A. V., Khaltourina D. A. (2009) *Modern trends in world development*. Moscow: Librokom/URSS. — in Russ.

Коротаев А. В., Халтурина Д. А. (2010) Системный мониторинг глобального и регионального развития. *Системный мониторинг: Глобальное и региональное развитие* / Ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев. М.: Либроком/URSS: 11-188.

— Korotayev A. V., Khalturina D. A. System monitoring of global and regional development. *System monitoring: Global and regional development* / Ed. by D. A. Khaltourina, A. V. Korotayev. Moscow: Librokom/URSS: 11-188. — in Russ.

Коротаев А. В., Шишкина А. Р., Балтач А. А. (2019) Относительная депривация как фактор социально-политической дестабилизации: опыт количественного анализа. *Полис. Политические исследования*, 2: 107-122. DOI: 10.17976/jpps/2019.02.08

— Korotayev A. V., Shishkina A. R., Baltach A. A. (2019) Relative Deprivation as a Factor of Socio-Political Destabilization: Towards the Quantitative Analysis of the Arab Spring. *Polis. Political Studies*, 2: 107-122. DOI: 10.17976/jpps/2019.02.08. — in Russ.

Лэйард Р. (2011) *Счастье: уроки новой науки*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.

— Layard R. (2011) *Happiness: lessons from a new science*. Moscow: Publishing house of the Institute of Gaidar. — in Russ.

Розов Н. С. (2019) *Философия и теория истории*. Кн. 2: *Причины, динамика и смысл революций*. М.: Красанд/URSS.

— Rozov N. S. (2019) *Filosofiya i teoriya istorii*. Kn. 2: *Prichiny, dinamika i smysl revolyutsii*. Moscow: Krasand/URSS. — in Russ.

Розов Н. С., Пустовойт Ю. А., Филиппов С. И., Цыганков В. В. (2019) *Революционные волны в ритмах глобальной модернизации*. М.: Красанд/URSS.

— Rozov N. S., Pustovoit Yu. A., Filippov S. I. & Tsygankov V. V. (2019). *Revolutsionnye volny v ritmakh global'noi modernizatsii*. Moscow: URSS. — in Russ.

Романов Д. М., Мещерина К. В., Коротаев А. В. (2021) Доля молодежи в общей численности взрослого населения как фактор интенсивности ненасильственных протестов: опыт количественного анализа. *Полис. Политические исследования*, 3: 166-181. DOI: 10.17976/jpps/2021.03.11

— Romanov D. M., Meshcherina K. V., Korotayev A. V. (2021) The share of youth in the total adult population as a factor in the intensity of non-violent protests: a quantitative analysis. *Policy. Political studies*, 3: 166-181. DOI: 10.17976/jpps/2021.03.11. — in Russ.

Смолева Е. О., Морев М. В. (2016) *Удовлетворенность жизнью и уровень счастья: взгляд социолога*. Вологда: ИСЭРТ РАН.

— Smoleva E. O., Morev M. V. (2016) *Satisfaction with life and the level of happiness: the view of a sociologist*. Vologda: ISEDT RAS. — in Russ.

Степашин С. В. (2008) *Государственный аудит и экономика будущего*. М.: Наука.

— Stepashin S. V. (2008) *State audit and the economy of the future*. Moscow: Nauka. — in Russ.

Устюжанин В. В., Гринин Л. Е., Медведев И. А., Коротаев А. В. (2022a) Образование и революции. Почему революционные выступления принимают вооруженную или невооруженную форму? *Полития. Журнал политической философии и социологии политики*, 1(104): 50–71. DOI: 10.30570/2078-5089-2022-104-1-50-71

— Ustyuzhanin V. V., Grinin L. E., Medvedev I. A., Korotayev A. V. (2022a) Education and revolutions. Why do some revolutions take up arms while others do not? *Politeia. Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki*, 1(104): 50–71. DOI: 10.30570/2078-5089-2022-104-1-50-71. — in Russ.

Устюжанин В. В., Жодзишская П. А., Коротаев А. В. (2022b) Демографические факторы как предикторы революционных ситуаций: опыт количественного анализа. *Социологический журнал*, 28 (4): 34–59. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.4.9314

— Ustyuzhanin V. V., Zhodzishskaya P. A., Korotayev A. V. (2022b) Demographic Factors as Predictors of Revolutionary Situations: Experience in Quantitative Analysis. *Sociological Journal*, 28 (4): 34–59. DOI: 10.19181/socjour.2022.28.4.9314. — in Russ.

Устюжанин В. В., Коротаев А. В. (2022) Революции и демократия. Почему революционные выступления принимают вооруженную или невооруженную форму? *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 66:198–210. DOI: 10.17223/1998863X/66/18

88

— Ustyuzhanin V. V., Korotayev A. V. (2022) Revolutions and democracy. Why do revolutions take armed or unarmed form? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya — Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 66: 198–210. DOI: 10.17223/1998863X/66/18. — in Russ.

Устюжанин В. В., Сумерников И. А., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. (2022) Урбанизация и революции: количественный анализ. *Социологические исследования*, 10: 85–95. DOI: 10.31857/S013216250018478-8

— Ustyuzhanin V. V., Sumernikov E. A., Grinin L. E., Korotayev A. V. (2022) Urbanization and Revolutions: a Quantitative Analysis *Sociological Studies*, 10: 85–95. DOI: 10.31857/S013216250018478-8. — in Russ.

Устюжанин В. В., Зинькина Ю. В., Коротаев А. В. (2023a) Опасная молодежь: почему революции принимают вооруженную или невооруженную форму? *Социологические исследования*, 5: 82–96. DOI: 10.31857/S013216250025805-8

— Ustyuzhanin V. V., Zinkina J. V., Korotayev A. V. (2023a) Dangerous youth: why do political uprisings take an unarmed form? *Sociological Studies*, 5: 82–96. DOI: 10.31857/S013216250025805-8. — in Russ.

Устюжанин В. В., Михеева В. А., Сумерников И. А., Коротаев А. В. (2023b) Экономические истоки революций: связь между ВВП и риском революционных выступлений. *Полития*, 1 (108): 64–87. DOI: 10.30570/2078-5089-2023-108-1-64-87

— Ustyuzhanin V., Mikheeva V., Sumernikov E., Korotayev A. (2023b) Economic Origins of Revolutions: the link between GDP and revolutionary risks. *Politeia-Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*, 1 (108): 64–87. DOI: 10.30570/2078-5089-2023-108-1-64-87. — in Russ.

Устюжанин В. В., Степанищева Я. В., Галлямова А. А., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. (2023c) Образование и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение*, 22 (1): 98-128. DOI: 10.17323/1728-192X-2023-1-98-128

— Ustyuzhanin V. V., Stepanishcheva Ya. V., Galliamova A. A., Grinin L. E., Korotayev A. V. (2023c) Education and Revolutionary Destabilization Risks: A Quantitative Analysis. *The Russian Sociological Review*, 22 (1): 98-128. DOI: 10.17323/1728-192X-2023-1-98-128. — in Russ.

Хантингтон С. (2004) *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция.

— Huntington S. (2004) *Political order in changing societies*. Moscow: Progress-Tradition. — in Russ.

Шматова Ю. Е., Морев М. В. (2015) Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 3(39): 141-162.

— Shmatova Yu. E., Morev M. V. (2015) Measuring the level of happiness: a literary review of Russian and foreign studies. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 3 (39): 141-162. — in Russ.

Шульц Э. Э. (2016) *Теория революции: Революции и современные цивилизации*. М.: Ленанд/URSS.

— Shults E. E. (2016). *Theory of revolution: revolutions and modern civilizations*. Moscow: Lenand/URSS. — in Russ.

Урнов М. Ю. (2008) *Эмоции в политическом поведении*. М.: Аспект-Пресс.

— Urnov M. Yu. (2008). *Emotions in political behavior*. Moscow: Aspect-Press. — in Russ.

Adler A., Seligman M. E. P. (2016) Using wellbeing for public policy: Theory, measurement, and recommendations. *International Journal of Wellbeing*, 6 (1): 1-35. DOI: 10.5502/ijw.v6i1.1

Arapatzis E., Burger M., Ianchovichina E., Röhrich T. & Veenhoven R. (2018) Unhappy development: Dissatisfaction with life on the eve of the Arab Spring. *Review of Income and Wealth*, 64: S80-S113.

Aya R. (1979) Theories of revolution reconsidered: Contrasting models of collective violence. *Theory and Society*, 8: 39-99.

Besançon M. L. (2005) Relative Resources: Inequality in Ethnic Wars, Revolutions, and Genocides. *Journal of Peace Research*, 42 (4): 393-415.

Bodenhausen G. V., Sheppard L. A., Kramer G. P. (1994) Negative Affect and Social Judgment: The Differential Impact of Anger and Sadness. *European Journal of Social Psychology*, 24 (1): 45-62.

Bühlmann M. (2016) Does Political Participation Make People Happy? *Swiss Social Report 2016: Wellbeing* / Ed. by Franziska Ehrler, Felix Bühlmann, Peter Farago, François Höpflinger, Dominique Joye, Pasqualina Perrig-Chiello, and Christian Suter. Zürich: Seismo-Verlag: 210-228.

Butcher C., Svensson I. (2016) Manufacturing Dissent: Modernization and the Onset

of Major Nonviolent Resistance Campaigns. *Journal of Conflict Resolution*, 60 (2): 311-1339. DOI: 10.1177/0022002714541843

Carpenter D. (2012) Is Health Politics Different? *Annual Review of Political Science*, 15: 287-311.

Chenoweth E., Lewis O. A. (2013) Unpacking nonviolent campaigns: Introducing the NAVCO 2.0 dataset. *Journal of Peace Research*, 50 (3): 415-423. DOI: 10.1177/0022343312471551

Chenoweth E., Shay C. W. (2020) *List of Campaigns in NAVCO 1.3*. Cambridge (MA): Harvard Dataverse.

Choucri N. (1974) *Population dynamics and international violence: Propositions, insights, and evidence*. London: Lexington Books.

Cincotta R., Weber H. (2021) Youthful Age Structures and the Risks of Revolutionary and Separatist Conflicts. *Global Political Demography: The Politics of Population Change, The Age-structural theory of state behavior* / A. Goerres, Vanhuyse (eds.) New York: Palgrave Macmillan: 57-92.

Clark M. S. (2014) A Role for Arousal in the Link between Feeling States, Judgments, and Behavior. *Affect and Cognition: 17th Annual Carnegie Mellon Symposium on Cognition* / Ed. by Margaret Sydnor Clark and Susan T. Fiske. New York, NY: Psychology Press: 265-289.

Cornwall A. (2004) Introduction: New Democratic Spaces? The Politics and Dynamics of Institutionalised Participation. *IDS Bulletin*, 35 (2): 1-10.

90

Dahl M., Gates S., Gleditsch K., Gonzalez B. (2021) Accounting for Numbers: Group Characteristics and the Choice of Violent and Nonviolent Tactic. *Economics of Peace and Security Journal*, 16 (1): 5-25.

Dahl R. A., Lindblom C. E. (2017) *Politics, economics, and welfare*. London: Routledge.

Dahlum S. (2019) Students in the Streets: Education and Nonviolent Protest. *Comparative Political Studies*, 52 (2): 277-309. DOI: 10.1177/0010414018758761

Dalton R. (2006) Citizen Politics. *Public Opinion and Political Parties in Advanced Industrialized Democracies*. Washington DC: CQ Press.

Davies J. C. (1962) Toward a theory of revolution. *American Sociological Review*, 27 (1): 5-18.

Di Tella R., MacCulloch R. (2008) Cross national happiness as an answer to the Easterlin paradox. *Journal of Development Economics*, 86 (1): 22-42.

Diener E. (1984) Subjective Well-Being. *Psychological Bulletin*, 95 (3): 542-575.

Diener E. (1993) Measuring quality of life: Economic, social, and subjective indicators / Ed. Diener, E. Suh. *Social Indicators Research*, 40 (1, 2).

Diener E. (2013) Rising income and the subjective well-being of nations / Ed. Diener. *Journal of Personality and Social Psychology*, 104 (2): 267-276.

Diener E., Emmons R. A., Larsen R. J., Griffin S. (1985) The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, 49 (1): 71-75. http://dx.doi.org/10.1207/s15327752jpa4901_13

Diener E., Lucas R., Schimmack U., Helliwell J. (2009) *Well-Being for public policy*. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press. <http://dx.doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195334074.001.0001>

- Easterlin R. A. (1974) Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. *Nations and households in economic growth*, 89: 89-125. <http://dx.doi.org/10.1016/b978-0-12-205050-3.50008-7>
- Easterlin R. A. (1995) Will raising the incomes of all increase the happiness of all? *Journal of Economic Behavior & Organization*, 27 (1): 35-47. [http://dx.doi.org/10.1016/0167-2681\(95\)00003-B](http://dx.doi.org/10.1016/0167-2681(95)00003-B)
- Easterlin R. A. (2001) Income and happiness: Towards a unified theory. *Economic Journal*, 111: 465-484. <http://dx.doi.org/10.1111/1468-0297.00646>
- Easterlin R. A. (2013) Happiness, Growth, and Public Policy. *Economic Inquiry*, 51 (1): 1-15. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1465-7295.2012.00505.x>
- Flavin P., Keane M. J. (2011) Life Satisfaction and Political Participation: Evidence from the United States. *Journal of Happiness Studies*, 13 (1): 63-78.
- Gleditsch K. S., Rivera M. (2017) The diffusion of nonviolent campaigns. *Journal of Conflict Resolution*, 61 (5): 1120-1145. DOI: 10.1177/0022002715603101
- Goldstone J. A., Bates R. H., Epstein D. L., Gurr T. R., Lustik M. B., Marshall M. G., Ulfelder J., Woodward M. (2010) A global model for forecasting political instability. *American Journal of Political Science*, 54 (1): 190-208.
- Goldstone J. A. (2002) Population and security: How demographic change can lead to violent conflict. *Journal of international affairs*, 56 (1): 3-21.
- Golovina G., Savchenko T. (1995) Social situation analysis in conversed object region. *IV European congress of Psychology*. Canada.
- Grinin L. (2012) *State and socio-political crises in the process of modernization*. *Cliodynamics*, 3(1): 124-157 <https://doi.org/10.21237/C7clio3112323>
- Grinin L. (2022) *Revolutions and modernization traps*. In: Goldstone JA, Grinin L., Korotayev A. (eds) *New Waves of Revolutions in the 21st Century — Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes*. Springer, Cham: 219-238. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_8
- Grinin L. (2013) State and socio-political crises in the process of modernization. *Social Evolution & History*, 12 (2): 35-76.
- Grinin L., Grinin A. & Korotayev A. (2023) Global Aging and our Futures. *World Futures*, 79 (5): 536-556, DOI:10.1080/02604027.2023.2204791
- Grinin L., Korotayev A. (2022) Revolutions, Counterrevolutions, and Democracy. Goldstone J., Grinin L., Korotayev A. (eds.) *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change*. Cham: Springer: 105-136. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_4
- Grinin L., Grinin A. & Korotayev A. (2020) A quantitative analysis of worldwide long-term technology growth: From 40,000 BCE to the early 22nd century. *Technological Forecasting and Social Change*, 155, 119955. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.119955>
- Gurr T. R. (2015) *Why Men Rebel*. Abingdon-on-Thames: Routledge.
- Helliwell J. F., Wang S. (2012) The state of world happiness. J. F. Helliwell, R. Layard & J. Sachs (Eds.) *World Happiness Report*. NY: The Earth Institute, Columbia University.
- Helliwell J. F., Layard R., Sachs J. (2012) *World Happiness Report*. NY: The Earth

Institute, Columbia University.

Hooghe M., Marien S. (2013) A Comparative Analysis of the Relation between Political Trust and Forms of Political Participation in Europe. *European Societies*, 15 (1): 131-152.

Huntington S. (1986) *Revolution and Political Order*. In: Goldstone J. A. (ed.) *Revolutions: Theoretical, Comparative, and Historical Studies*. Harcourt Brace Jovanovich, San Diego: 39-47.

Huntington S. P. (1968) *Political Order in Changing Societies*. New Haven, CT: Yale University Press.

Inglehart R., Welzel Ch. (2005) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge MA: Cambridge University Press.

Jayawickreme E., Forgeard M. J. & Seligman M. E. (2012) The engine of well-being. *Review of General Psychology*, 16 (4): 327. <http://dx.doi.org/10.1037/a0027990>;

Kaase M. (1999) Interpersonal Trust, Political Trust and Non-institutionalised Political Participation in Western Europe. *West European Politics*, 22 (3): 1-21.

Koltko-Rivera M. E. (2006) Rediscovering the Later Version of Maslow's Hierarchy of Needs: Self-Transcendence and Opportunities for Theory, Research, and Unification. *Review of General Psychology*, 10 (4): 302-317.

92

Korotayev A., Malkov S., Grinin L. (2014) A Trap at the Escape from the Trap? Some Demographic Structural Factors of Political Instability in Modernizing Social Systems. *History & Mathematics*, 4: 201-267.

Korotayev A., Sawyer P., Romanov D. (2021) Socio-Economic Development and Protests. A Quantitative Reanalysis. *Comparative Sociology*, 20 (2): 195-222. DOI: 10.1163/15691330-bja10030

Korotayev A., Shishkina A. (2020) Relative Deprivation as a Factor of Sociopolitical Destabilization: Toward a Quantitative Comparative Analysis of the Arab Spring Events. *Cross-Cultural Research*, 54 (2-3): 296-318.

Korotayev A., Vaskin I., Bilyuga S., Ilyin I. (2018) Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Re-Analysis. *Clodynamics*, 9(1): 59-118. DOI: 10.21237/c7clio9137314

Korotayev A., Bilyuga S., Shishkina A. (2018) GDP Per Capita and Protest Activity: A Quantitative Reanalysis. *Cross-Cultural Research*, 52(4): 406-440. DOI: 10.1177/1069397117732328

Kosmidis I., Kenne Pagui E. C., Sartori N. (2020) Mean and median bias reduction in generalized linear models. *Statistics and Computing*, 30: 43-59.

Lawson G. (2019) *Anatomies of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.

Li L., Shi L. (2019) Economic growth and subjective well-being: analyzing the formative mechanism of Easterlin Paradox. *J. Chin. Sociol*, 6 (1). <https://doi.org/10.1186/s40711-018-0090-9>

Lind E. A., Tyler T. R. (1988) *The Social Psychology of Procedural Justice*. New York, NY: Springer Science & Business Media.

Lindholm A. (2020) Does Subjective Well-Being Affect Political Participation? *Swiss Journal of Sociology*, 46 (3): 467-488.

Lyubomirsky S., King L., Diener E. (2005) The Benefits of Frequent Positive Affect:

- Does Happiness Lead to Success? *Psychological Bulletin*, 131 (6): 803–55.
- Madden D. (2011) The impact of an economic boom on the level and distribution of subjective well-being: Ireland, 1994–2001. *Journal of Happiness Studies*, 12 (4): 667–679.
- Maslow A. (1954) *Motivation and Personality*. New York, NY: Harper and Brothers.
- Mesquida C. G., Wiener N. I. (1996) Human collective aggression: A behavioral ecology perspective. *Ethology and sociobiology*, 17 (4): 247–262. DOI: 10.1016/0162-3095(96)00035-0
- Mesquida C. G., Wiener N. I. (1999) Male Age Composition and Severity of Conflicts. *Politics and the Life Sciences*, 18 (2): 181–189. DOI: 10.1017/S0730938400021158
- Ng J. W. J., Vaithilingam S., Lee G. H. Y. et al. (2022) Life Satisfaction and Incumbent Voting: Examining the Mediating Effect of Trust in Government. *Journal Happiness Studies*, 23: 2947–2967. <https://doi.org/10.1007/s10902-022-00536-z>
- Ojeda Ch. (2015) Depression and Political Participation. *Social Science Quarterly*, 96 (5): 1226–1243.
- Okulicz-Kozaryn A., Avery D. R. (2014) The subjective well-being political paradox: happy welfare states and unhappy liberals. *Journal of Applied Psychology*, 99. (6): 1300–1308. <https://www.apa.org/pubs/journals/releases/apl-a0037654.pdf>
- Pirralha A. (2017) Political Participation and Wellbeing in the Netherlands: Exploring the Causal Links. *Applied Research in Quality of Life*, 12 (2): 327–341.
- Prati G. (2022) The Association between Subjective Well-being and Regime Type across 78 countries: the moderating role of Political Trust. *Applied Research Quality Life*, 17: 3393–3413 <https://doi.org/10.1007/s11482-022-10070-y>
- Sahu F. M., Sangeeta R. (2003) Self-Efficacy and Wellbeing in Working and Non-Working Women: The Moderating Role of Involvement. *Psychology and Developing Societies*, 15 (2): 187–200.
- Samman E. (2007) Psychological and Subjective Well-Being: A Proposal for Internationally Comparable Indicators. *Oxford Development Studies*, 35 (4): 459–486.
- Sanderson S. K. (2010) *Revolutions: a worldwide introduction to social and political contention* / Stephen K. Sanderson. — 2nd ed. NY: Routledge. Taylor & Francis Group.
- Savchenko T. (2000) Life standart and psychological status. *Int. J. of Psychology*. Abstracts of the XXVII International Congress of Psychology. Stockholm, Sweden.
- Sawyer P. S., Korotayev A. V. (2022) Formal Education and Contentious Politics: The Case of Violent and Non-Violent Protest. *Political Studies Review*, 20 (3): 366–389. DOI: 10.1177/1478929921998210
- Staveteig S. (2005) The young and the restless: Population age structure and civil war. *Environmental Change and Security Program Report*, 11: 12–19.
- Stevenson B., Wolfers J. (2008) Economic growth and subjective well-being: Reassessing the Easterlin paradox. *Brookings Papers on Economic Activity*, 1.
- Stiglitz J. E., Sen A., Fitoussi J. (2010) *Mismeasuring our lives: Why GDP doesn't add up*. New York, NY: New Press.
- Tay L., Diener E. (2011) Needs and Subjective Well-Being around the World. *Journal of Personality and Social Psychology*, 101 (2): 354–365.

Urdal H. (2006) A clash of generations? Youth bulges and political violence. *International studies quarterly*, 50 (3): 607-629. DOI: 10.1111/j.1468-2478.2006.00416.x

Ustyuzhanin V., Korotayev A. (2023a) Education and revolutions. Why do revolutionary uprisings take violent or nonviolent forms? *Cross-Cultural Research*. DOI: 10.1177/10693971231162231

Ustyuzhanin V., Korotayev A. (2023b) Revolutions and Democracy. Can Democracies Prevent Revolutionary Armed Violence? *Comparative Sociology*, (22) 1: 95-137. DOI: 10.1163/15691330-bja10073

Ustyuzhanin V., Sawyer P., Korotayev A. (2023) Students and protests: A quantitative cross-national analysis. *International Journal of Comparative Sociology*, 64 (4): 375-401. DOI: 10.1177/00207152221136042

Van Stekelenburg J., Klandermans B. (2013) The Social Psychology of Protest. *Current Sociology*, Vol. 61 (5-6): 886-905.

Van Troost D., Van Stekelenburg J., Klandermans B. (2013) Emotions of Protest. *Emotions in politics: The Affect Dimension in Political Tension* / Ed. by Nicolas Demertzis. London: Palgrave MacMillan: 186-203.

Van Zomeren M., Postmes T., Spears R. (2008) Toward an Integrative Social Identity Model of Collective Action: A Quantitative Research Synthesis of Three Socio-Psychological Perspectives. *Psychological Bulletin*, 134 (4): 504-535.

94

Veenhoven R. (2008) Sociological Theories of Subjective Well-Being. *The Science of Subjective Well-being* / Ed. by R.J. Larsen, M. Eid. New York: The Guilford Press: 44-61.

Weber H. (2019) Age structure and political violence: A re-assessment of the “youth bulge” hypothesis. *International interactions*, 45 (1): 80-112. DOI: 10.1080/03050629.2019.1522310

Weitz-Shapiro R., Winters Matthew S. (2011) The Link Between Voting and Life Satisfaction in Latin America. *Latin American Politics and Society*, 53 (4): 101-126.

Witter R. A., Okun M. A., Stock W. A., Haring M. J. (1984) Education and Subjective Well-Being: A Meta-Analysis. *Educational Evaluation and Policy Analysis*, 6 (2): 165-173.

Рекомендация для цитирования:

Мусиева Д. М., Устюжанин В. В., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. (2023) Субъективное благополучие и революционная дестабилизация. Опыт количественного анализа. *Социология власти*, 35 (3): 57-94.

For citations:

Musieva J. M., Ustyuzhanin V. V., Grinin L. E., Korotayev A. V. (2023) Subjective Wellbeing and Revolutionary Destabilization. A Quantitative Analysis. *Sociology of Power*, 35 (3): 57-94.

Поступила в редакцию: 18.07.2023; принята в печать: 23.09.2023

Received: 18.07.2023; Accepted for publication: 23.09.2023

ДЕНИС Ю. СИВКОВ¹

РАНХиГС, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-1645-9604

Космополитика vs биополитика: тело, техноутопия и доступ в космос²

doi: 10.22394/2074-0492-2003-3-95-110

Резюме:

В статье рассматривается тело как ставка в освоении космоса на стыке технологий, материальных практик и утопических представлений. Отталкиваясь от интерпретации фильма «Гаттака» в свете проблемы доступа в космос, в статье противопоставляются два техноутопических режима — космополитика и биополитика. Космополитика предполагает равенство доступа в космос всех желающих, а биополитика связывает телесные ограничения с проблемой регравитации. Регравитация — это практики биополитической дисциплинарности, направленные на сохранение «земных» условий существования тела. Проблема доступа в космос рассматривается на примере спора о границе между земной атмосферой и космосом в движении NewSpace. Радикальный шаг здесь делают космические любители, определяя стратосферу как «почти космос». В этом смысле любительская космонавтика оказывается космополитикой — не столько в смысле космоса как политического порядка, равного для всех существ и сущностей, сколько в смысле политики равного доступа в космос как пространство за пределами Земли. В любительской техноутопии К.Э. Циолковского предлагается радикальная трансформация тела и освобождение его от земного притяжения. Люди станут «гражданами эфира» и с помощью экстремальной среды получат дополнительные возможности.

Ключевые слова: космополитика, биополитика, техноутопия, тело, освоение космоса, доступ в космос, любители, NewSpace, регравитация, трансгуманизм, космизм, «Гаттака»

- 1 Сивков Денис Юрьевич — кандидат философских наук, доцент РАНХиГС, Москва. Научные интересы: STS, антропология космоса и космонавтики, исследования мобильностей. E-mail: d.y.sivkov@gmail.com
- 2 Статья выполнена в рамках научно-исследовательской работы Научно-исследовательского Центра социологических исследований ФСФ ИОН РАНХиГС № 10.8-2023-1 «Роль любительских сообществ в развитии технологий: от практик использования к построению техноутопий».

Acknowledgments: The article was written as part of the research work of the Research Center for Sociological Research of the FSF ION RANEPА No. 10.8-2023-1 “The role of amateur communities in the development of technologies: from practices of use to the construction of techno-utopias.”

Denis Yu. Sivkov¹

RANEPA, Moscow, Russia

Cosmopolitics vs Biopolitics: Body, Technoutopia and Access to Space

Abstract:

The paper examines the body as a stake in space exploration at the intersection of technology, material practices and utopian imaginaries. Based on an interpretation of the film “Gattaca” in the light of the problem of access to space, the paper opposes two techno-utopian regimes — cosmopolitics and biopolitics. Cosmopolitics assumes an equality of access to space for all beings, while biopolitics links bodily restrictions to the problem of regravitation. Regravitation is the biopolitical practice aimed at preserving the “terrestrial” conditions of the body’s existence. The problem of access to space is exemplified by the debate over the boundary between Earth’s atmosphere and space in the NewSpace movement. A radical step here is taken by space amateurs, defining the stratosphere as “almost space”. In this sense, the amateurs’ space techno-utopia turns out to be cosmopolitan — not so much in the sense of space as a political order equal to all beings and entities, but in the sense of a politics of equal access to space beyond Earth. К. Е. Циолковский’s amateur techno-utopia proposes a radical transformation of the body and its liberation from terrestrial gravity. People will become “citizens of the ether” with the help of an extreme environment and gain additional opportunities.

Keywords: Cosmopolitics, biopolitics, technoutopia, body, space exploration, access to space, amateurs, NewSpace, regravitation, transhumanism, cosmism, Gattaca

96

Введение

В научно-фантастическом фильме режиссера Эндрю Никкола «Гаттака» (1997) главный герой Винсент в исполнении Итана Хоука вынужден идти на сложное в технологическом смысле преступление. Для того чтобы устроиться в космическую корпорацию, герой подделывает свою генетическую личность, используя биоматериал Джерома Морроу (Джуд Лоу). В итоге благодаря манипуляциям Винсент/Джером отправляется в качестве штурмана первого класса в годовую экспедицию на Титан — четырнадцатый спутник Сатурна. В антиутопии «Гаттаки» люди делятся на *valid* и *in-valid* в смысле генетического (не)совершенства. Юджин был зачат обычным образом, у него близорукость и проблема с сердцем — таких

1 Denis Yu. Sivkov — PhD in Philosophy, Associate Professor, RANEPA, Moscow. Research interests: STS, anthropology of outer space, mobilities studies. E-mail: d.y.sivkov@gmail.com

не берут в астронавты. Поэтому он находит Джерома, который генетически совершенен, но попал в автокатастрофу и не может ходить. Вместе они составляют телесный симбиоз, который в итоге обеспечивает герою попадание в космос.

Исследователь научной коммуникации Джеймс Кирби обратил внимание, что одним из ключевых образов фильма является архитектурная деталь — преграда или перегородка, отделяющая героя от его заветной цели: «Несколько сцен изображают физические барьеры, которые ярко иллюстрируют препятствия, которые общество «Гаттаки» ставит на пути неулучшенных личностей» [Kirby 2000: 201]. В одной из начальных сцен фильма Винсент глазеет через прозрачный купол на взлет космического корабля. За этим занятием его застаёт коллега Айрин (Ума Турман) и заставляет героя оправдываться: «Если хочешь притвориться, что это тебя не волнует, не смотри наверх». Даже проявление мечты о космосе запрещено в мире идеальных, но холодных людей. Так вот, прозрачный купол, как кажется, выбран не случайно. Он, возможно, символизирует призрачную доступность космоса — запуск можно наблюдать, но попасть на корабль невозможно. В космический век сотни тысяч людей мечтали о космосе, но всего там побывали чуть более 600 человек.

97

Антиутопия Никкола вызвала колоссальный резонанс среди исследователей, в том числе среди социальных ученых, но при этом никто не анализировал картину на предмет проблемы доступа в космос. В основном речь идет о теле и генетическом детерминизме и о будущем, которое предлагает такой детерминизм [Junker 1999; Kirby 2000; Banner 2011].

Однако мечта героя о полете слишком навязчива в киноповествовании, чтобы ее проигнорировать.

Кроме того, может показаться, что Кирби и другие исследователи единомышленны: «Гаттака» описывает уже почти свершившееся. Действительно, в космический век космонавты и астронавты должны были быть совершенными, в том числе совершенными космическими телами. Требования распространялись как на физиологию, так и на эстетику [Shaw 2004; Kohonen 2011; Patagin-Jossec 2020]. Сегодня в России уже существует любопытное телесное ограничение на пути в космос: татуировка ставит крест на карьере космонавта. Люди, которые наносят рисунки на свои тела, считаются психологически неустойчивыми и заикленными на своем теле [Кожемякин 2021]. Только носители нормальных и неиспорченных тел (и, соответственно, душ) могут стать космонавтами.

В этой работе я хотел бы обсудить проблему доступа в космос в связи с телесностью. Какой ставкой является тело в освоении космоса на стыке технологий, материальных практик и утопических представлений? Является ли в этом смысле тело ограни-

чением или возможностью? Как присутствие человека в космосе может изменить и/или освободить тело? Какие возможности у биополитических (в смысле подхода Мишеля Фуко) режимов контроля телесности в космосе? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно в первую очередь понять, в чем состоит проблема доступа в космос.

Доступ в космос

98

В июле 2021 года можно было наблюдать новый виток космической гонки. Участниками были два представителя движения *NewSpace* — *Virgin Galactic* Ричарда Бренсона и *Blue Origin* Джеффа Безоса. Миллиардеры соревновались в туристических запусках в космос: 11 июля космический аппарат *VSS Unity* вывел за пределы земной атмосферы космолет *SpaceShip Two* с двумя пилотами и четырьмя пассажирами, включая самого Бренсона. Через девять дней полет совершила капсула *New Shepard* с Безосом, его братом Марком и четырьмя пассажирами на борту. Оба миллиардера (как и в целом движение коммерческой космонавтики) декларируют демократизацию доступа в космос. То есть ньюспейсеры считают, что космос стал доступнее для любого желающего (за деньги). Выйти за пределы земного притяжения стоит примерно 250 тысяч долларов. Желающие провести несколько минут в невесомости и лицезреть потрясающие виды планеты есть и даже стоят в очереди. Кто-то горько пошутил: «Миллиардеры продают билеты миллионерам».

Здесь интересен другой — почти географический аспект гонки. Поскольку технологические особенности аппаратов Бренсона и Безоса разные, постольку поднимаются они на разную высоту. Еще до запуска представители *Blue Origin* заявили, что их конкурент Бренсон не окажется в космосе. Генеральный директор Боб Смит пожелал конкурентам хорошего полета, но при этом заметил, что *Virgin Galactic* не пересечет так называемую линию Кармана [Wall 2022] — рубеж, отделяющий земную атмосферу от космоса, выше которого невозможно продолжать авиационный полет. Международный (европейский) стандарт считает, что космос начинается после 100 километров (62 мили). В США другой стандарт — там безвоздушное пространство начинается ниже — после 80 км (50 миль). Так считают в НАСА, Федеральном авиационном управлении (FAA) и Вооруженных силах США. В этом споре Безос был на стороне международного стандарта, Бренсон — на стороне американского. Этот (видимо, все еще открытый) спор показывает, что один из участников, возможно, не способен предоставить доступ в космос

всем желающим (миллионерам). Как отметил один из комментаторов, «это не просто философская дискуссия. Вопрос (где начинается космос? — Д. С.) имеет реальные финансовые последствия, потому что одна компания космического туризма продает места на полеты, которые, возможно, не достигают последнего рубежа (final frontier)» [Wall 2022].

Действительно, в течение всего космического века доступ в космос и его контроль был важнейшей проблемой. В статье, посвященной краудфандингу в космической области, поднимается проблема доступа в космос [Romero et al. 2019]. В частности, отмечается следующее: «Космос был доступен для группы богатейших государств, которые хотели и могли выделить миллионы долларов на исследовательские и экспедиционные инициативы большого масштаба на десятилетия» (Ibid.: 44). По мнению авторов, краудфандинг (низовой и добровольный сбор средств на проекты изучения и освоения космоса) должен существенно облегчить доступ в космос новым независимым игрокам.

Но проблема доступа в космос связана не только с маленьким клубом космических держав, в который страны Глобального Юга пытаются (как правило, безуспешно) вступить [Mitchell 2017]. Внутри «астрокультуры» в этих странах достаточно много барьеров и ограничений. На первых этапах космической истории военные летчики и инженеры сражались друг с другом за право контролировать доступ в космос — кто может отправить на орбиту, по каким критериям отбирать, какие фильтры конструировать [Gerovitch 2015]. Теперь миллиардеры со своими ресурсами, правилами и утопическими допущениями пытаются переопределить доступ в космос. При этом все названные акторы так или иначе прикрываются благородными целями, утверждая, что освоение космоса и колонизация Марса осуществляется «ради всего человечества» [Сивков 2020; Tutton 2021]. Получается, что обычные люди имеют крайне мало шансов оказаться в космическом пространстве, особенно минуя фильтры образования и другого подтверждения профессионального статуса и пригодности.

Чтобы обойти существующие преграды на пути в космос, космические любители предлагают сделать еще более радикальный шаг. Как правило, любители — это энтузиасты, не имеющие профессионального образования, которые бесплатно в свободное от основной занятости время разрабатывают, изготавливают, тестируют и запускают артефакты изучения и освоения космоса. Есть также астрономы-любители, наблюдающие за небесными объектами и открывающие их. Есть радиолюбители, связывающиеся со спутниками, летающими на орбитах вокруг Земли, и друг с другом через спутники. Любительская техноутопия как представление

о лучшем пути в космос как раз основывается на том, что в космос непосредственно или опосредованно может попасть любой желающий, вне зависимости от возраста, пола или профессиональной принадлежности.

В частности, любители в своих проектах и инициативах показывают, что изучение и освоение космоса может быть намного проще, дешевле и интереснее чем в государственных и коммерческих структурах. Так, они покупают компоненты для сборки космических артефактов в соседнем магазине хозяйственных товаров, свои кухни и гаражи используют как лаборатории и сборочные цеха, а задний двор или огород как стартовые площадки [Сивков 2019; Сивков 2020б].

100 В контексте спора Бренсона и Безоса некоторые любители тоже пытаются переопределять границу космоса. Они запускают в стратосферу различные предметы и даже живых существ. В 2015 году, например, группа энтузиастов из Санкт-Петербурга отправила в стратосферу и вернула назад живой лабораторную мышь — мышеванта по имени Шум [Сивков 2019]. При этом стратосфера — 30–45 км от поверхности Земли находится ниже линии Кармана, но среди любителей считается «почти космосом». Латвийский любитель Паулс Ирбинс предложил своей супруге отправить в стратосферу их обручальные кольца. Обычно у любителей стратостат — это ящик, на который крепятся оборудование, датчики, источники питания и камеры GoPro для съемок видов с воздуха. Аппарат уносит ветром на 100–150 километров, и его непросто потом найти даже с помощью навигационного оборудования. Соответственно, чета Ирбинс рисковала потерять дорогую им вещь. Паулс говорил мне в интервью: «...еще полезный груз был обручальные кольца — мое и моей жены, мы положили наудачу. Мы просто с женой решили: давай пошлем наши обручальные кольца в космос. “Ну а если не найдем?” Я говорю: “Ну, не найдем, купим новые”. Но если найдем, будет хорошая история. И потом нашли. Не знаю, кто еще это делал, но вот наши обручальные кольца были уже *почти в космическом вакууме*» (курсив мой. — Д. С.) [Паулс Ирбинс, интервью 01.02.2022]. Эта «хорошая история» приносит частную жизнь в космос. «Полезной нагрузкой» здесь оказывается не прибор для научного эксперимента, а обычная вещь — пара колец, дорогая для их владельцев.

Российский любитель, лидер по стратосферным запускам в нашей стране, Денис Ефремов так аргументировал сходство стратосферы и космоса: «На высоте 30 километров 90 процентов всей атмосферы находится уже под вами и выше вас уже на 1000 километров размазан один процент. И в общем-то, с МКС вид не очень сильно отличается. То есть да, ты видишь под большим углом, но ты видишь такую же яркую, тоненькую, синенькую полосочку на гори-

зонте — это и есть вся атмосфера. И вот одно вот это осознание, когда ты видишь под собой шар... Вот в этой вот тоненькой полосочке... понимаешь, как мало тебя от губительного космоса отделяет, защищает, — вот это, конечно, воодушевляет. И ты понимаешь, насколько вот эти мирские проблемы, насколько они ничтожны по сравнению с какими-то глобальными вещами» [Денис Ефремов, интервью 28.11.2018]. Несмотря на то что видит все это любитель через камеру, ощущения похожи на эффект обзора (overview effect) — возвышенное, почти религиозное чувство, которое испытывают на орбите многие космонавты при взгляде на Землю [White 2014; Bjørnviig 2013]. Сам Денис хотел бы отправиться в стратосферу и сейчас он и его команда занимаются разработкой туристического стратосферного запуска. Стратонавта планируется поднимать в подержанном скафандре «Орлан» на шарах, наполненных гелием.

В любительской техноутопии маркирование стратосферы как «почти космос» переопределяет границу между земным и космическим, буквально приближая космос к тем, кого называют обычными людьми. В этом смысле любительская космонавтика оказывается космополитикой — не столько в смысле космоса как политического порядка, равного для всех существ и сущностей [Latour 2004], сколько в смысле политики равного доступа в космос как пространство за пределами Земли. Теперь необходимо понять, какие вызовы освоение космоса ставит перед человеческим телом.

101

Проблема регравитации

Освоение космоса не только пропускает в космос идеальные в эстетическом и физиологическом отношении тела. Экстремальная среда — радиация, невесомость или отличное от земного притяжение, отсутствие кислорода и другие факторы — радикально изменяют тело. Для многих писателей в жанре научной фантастики космос стал воплощением трансгуманистических фантазий, меняющих, казалось бы, неизблемую человеческую природу. В повести «Баллада о Бете-2» американского фантаста Сэмуэля Дилэни герой Джонини делает исследование для диплома по галактической антропологии. Он занимается расшифровкой «Баллады» — единственного поэтического источника Звездного племени. До того, как люди освоили гиперпространственные перелеты, они колонизировали космос на кораблях поколений. Чтобы достичь далеких звезд, людям важно было научиться передавать традиции от поколения к поколению. При этом появлялись новые ритуалы, которые делали Звездное племя все более и более первобытным [Дилэни 2020].

Антрополог Бен Финни, занимавшийся вопросами колонизации в космосе, предположил, что такая колонизация не обязательно дол-

жна быть централизованным мероприятием «всего человечества». Более вероятен сценарий малых групп, независимых от транснациональных компаний и государственных программ [Finney 1992: 118]. Более того, оказавшись рассеянным в межзвездном пространстве, «человечество» не сможет сохранить свое единство; появится множество вариантов человека, отличающихся друг друга от друга и культурно, и биологически. Как отмечал Финни, «среды обитания, значительно меньшие 1g, и среды, значительно превышающие одну гравитацию, буквально взывают к биологической адаптации. Кроме того, систематическое применение к популяциям достижений в области генной инженерии, которые, вероятно, останутся запрещенными на земле и, по крайней мере, во внутренней Солнечной системе, вероятно, будет более легко применяться в межзвездном пространстве. Когда ближайшие соседи находятся на расстоянии светового года, группы, отчаянно нуждающиеся в физиологической адаптации к экстремальным условиям или стремящиеся повысить свой интеллект, будут чувствовать себя гораздо свободнее, экспериментировать и развивать свою собственную желаемую версию человечества» [Ibid.: 122-123]. То есть межзвездные люди будут результатом децентрализации проекта «Гаттака».

102

В «Балладе» на одном из кораблей Звездного племени Джонни видит странное существо — мальчика, перемещающегося в вакууме без скафандра. В одной из сцен этот звездный мальчик ловко хватается ногами как руками за разные конструкции и называет ноги руками. Галактического антрополога осеняет: оказывается, он неверно толковал один из фрагментов поэмы, думая, что речь шла о ногах, но это были руки. «Там, где гравитации нет или почти нет, где все конечности у людей сделались одинаково ловкими, слова, обозначающие положение по вертикальной оси (“верх” и “низ”, “выше” и “ниже”, “над” и “под”) должны были вскоре утратить первоначальную четкость значения» [Дилэни 2020: 341].

Видение антропологии и колонизации в повести Дилэни и в исследовании Финни сегодня не такая уж и фантастика. Опыт космонавтов, описанный ими в их личных орбитальных дневниках, часто связан именно с изменениями тела в условиях невесомости. Космонавт Юрий Усачев описывает ожидания от пребывания на орбите в отношении своих ног: «Через пару месяцев сойдет плотный слой кожи на подошве за ненадобностью, и будет она тонкой и нежной, как у младенца. Жду, как появятся мозоли на тыльной части ступни — из-за необходимости фиксироваться ногами в невесомости за поручни или натянутые леера» [Усачев 2004: 14].

После приземления телу придется вновь (подчас мучительно) привыкать к земным условиям. Как отмечал в своем дневнике Уса-

чев, «будет трудно, особенно первые дни. И руки, которые вдруг потяжелеют настолько, что даже легкие вещи будут казаться неподъемными, и попа, которая перестанет быть подушкой на некоторое время, и копчик, непонятно откуда взявшийся и приносящий неудобства при сидении. И заносить будет по первости на поворотах, и будет гораздо лучше сидеть, чем стоять, и лежать, чем сидеть. И будет трудно поверить, что наступит время, когда мы будем чувствовать себя так же, как и до полета. И будет это чувство нереальности происходящего, и много людей вокруг, а ты еще живешь станционной жизнью. И навалится эта земная жизнь на нас всей своей тяжестью и придавит на какое-то время, и полет, закончившийся только два дня назад, будет казаться чем-то очень далеким» [Там же: 382-383].

При этом «Земля», или Центр управления полетом, пытается не допустить физиологических изменений, и контролирует тела космонавтов. Космонавты должны соблюдать определенную дисциплину — делать физические упражнения, а также регулярно носить нагрузочный костюм «Пингвин», а также тренировочный костюм «Чибис». Последний создает в нижней части тела нагрузку, похожую на земную. После приземления космонавты проходят длительную программу восстановления.

103

Космонавт Виктор Савиных во время полета придумал способ, который помог бы ему поддерживать «земные» ноги: «На физкультуре опять бегал босиком по дорожке. Очень здорово! Володя тоже опробовал эту методику, понравилось. Вначале очень кололо подошвы, но затем ноги привыкают. Мы тут не ходим, а летаем, и подошвы уже где-то через неделю становятся очень чувствительны к любому прикосновению. Говорят, по возвращении из космоса ступать по земле первое время больно. Так что бег босиком, наверное, окажется полезным и в этом смысле» [Савиных 2010: 54].

В то же время советские и российские космонавты не всегда охотно делали «физо» и не любили носить «пингвины». Космонавт Валентин Лебедев пишет в своем дневнике, что ему и его напарнику было неудобно в этих костюмах работать, поэтому они решили их модифицировать: «Мы с Толей (космонавт Анатолий Березовой. — Д. С.) приняли решение снять все амортизаторы и весь полет ходили почти в обычных тонких хлопчатобумажных комбинезонах...» [Лебедев 1994: 215-216]. Сегодня на МКС космонавты в «Пингвинах» появляются только во время телетрансляций, а в остальное время предпочитают брюки карго, шорты и поло.

Таким образом, космонавты могут незаметно сопротивляться или поддерживать биополитический, в смысле Мишеля Фуко, режим «Земли» [Фуко 2005: 256-257]. Эта новая форма космической дисциплинарности предполагает сохранение тел людей в неиз-

менном земном виде, замораживая эволюционные трансформации, которые обещает экстремальная среда космоса. Скафандр, кстати, служит тем же самым биополитическим и одновременно техноутопическим целям. Он сконструирован и символически маркирован определенным образом. Как говорит Дебра Шоу, «космический скафандр, белый, сверхъестественно чистый и, по-видимому, непроницаемый, функционирует, чтобы обозначить продолжающуюся внутреннюю целостность (белых, мужских) тел...» [Shaw 2004: 133].

104 Антрополог Дэвид Валентайн во время исследования движения *NewSpace* в терминале *Gateway to Space* компании *Virgin Galactic*, расположенного в космопорте *Spaceport America* в пустыне Нью-Мексико, услышал от женщины-экскурсовода по терминалу термин «регравитация». Она говорила о необходимом физиологическом восстановлении даже после нескольких минут, проведенных в невесомости. То есть «короткое освобождение от гравитации Земли 1g требует нескольких часов обучения человеческих тел, чтобы приспособиться к конкретным воплощенным привычкам, необходимым для решения возникающих проблем в отсутствие общего набора отношений, который держит вещи на месте на Земле. И так они должны регравитировать до одного g» [Valentine 2019: 186]. Валентайн предлагает поставить под вопрос универсальность земного притяжения и возможность его воспроизводства в других средах. Антропологическая перспектива предлагает считать гравитацию относительной величиной. Земной стандарт в 1g не будет работать на других планетах, астероидах, на космических станциях и поселениях с искусственной гравитацией. Например, искусственная гравитация в цилиндре (Остров-III) американского физика Джерарда О'Нила (такие кольца есть и в «Космической одиссее: 2001», и в «Интерстелларе») не будет равной земной из-за различных физических сил. Как отмечает антрополог, «понадобятся разные привычки для разных направлений ходьбы, скалолазания или поворота» [Ibid.: 200]. Другими словами, в таких искусственных средах полностью воспроизвести земное притяжение невозможно.

Эти космические экстремальные среды на поверхности других планет или астероидов, на орбите и космических поселениях будут вызовом для наших земных привычек и для возможностей регравитировать что-либо, в том числе и наши тела. Но если нет возможности воспроизвести земные тела в космосе, то можно попробовать использовать их уязвимость. Дебра Шоу справедливо указывает на связь защищенной телесности в космосе с обнаженностью: «Уязвимость идентичности астронавта отражает уязвимость самого тела, о чем всегда должен напоминать скафандр» [Shaw 2004: 129].

Здесь она опирается на иммунологическую идею философа Донны Харауэй: «Жизнь — это окно уязвимости. Было бы ошибкой закрыть его» [Haraway 1991: 224; Сивков 2018]. В случае с телом в космосе нужно не ограничивать его земным притяжением, а экспериментировать в разных средах, изменяя телесность.

Граждане эфира

В финале «Гаттаки» главный герой летит в космосе и произносит такие слова: «Для меня, которого не должно было существовать в этом мире, неожиданно оказалось тяжело покидать его. Говорят, каждый атом в наших телах когда-то был частью звезды. Может быть, я не уйду. Может, я возвращаюсь домой». Идея такого «возвращения домой» любопытным образом резонирует с идеями русских космистов, в частности с идеями Николая Федорова и Константина Циолковского. Для Федорова важным было воскресить всех предков из первоэлементов, а перед этим сохранить такие первоэлементы в музеях-обсерваториях [Федоров 1995]. Циолковский же считал атомы мыслящими существами [Циолковский 2017б]. В этом смысле идея «Гаттаки» почти гностическая — можно освободить первоэлементы от биополитического гнета генетики и воссоединить их с такими же элементами Вселенной через освоение космоса. Или, иначе говоря, полет в космос и воссоединение и есть «правильная» генетика — «регуляция природы», если использовать термин Федорова.

105

Идеи космизма нашли продолжение в современном трансгуманизме. Антрополог Аня Бернштейн исследовала различные сообщества, продвигающие техноутопические идеи бессмертия в России. Она обратила внимание на аргументацию имморталистов в отношении освоения космоса. Некоторые космисты-трансгуманисты выступают против пути в космос, другие — за: «Освоение космоса может быть оправданно только в том случае, если смерть будет преодолена, тогда как для других российских футуристов эти два проекта рассматриваются как один. Космическое завоевание для них не является целью, которую нужно откладывать на более поздний срок, напротив, ее неотложность заключается в том, что она сама по себе является путем к духовной и биологической трансформации» [Bernstein 2019: 9].

Один из девизов космического века — фраза Циолковского: «Планета есть колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели». Ее цитируют всякий раз, когда космические оптимисты говорят о судьбе человечества и безудержном движении в космос с воспроизводством там земных условий и сохранением земных тел. Как это часто бывает с девизами, фраза про колыбель вырвана из кон-

текста, и поэтому ее неправильно понимают. Колыбель появилась в книге Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами» в 1911 году. В более полном виде она выглядит так: «Нет надобности иметь дела на поверхности хотя бы и покрывшегося холодной корой Солнца. Нет даже надобности быть на тяжелых планетах, разве для изучения. Достижение их трудно; жить же на них — значит заковать себя цепями тяжести, иногда более крепкими, чем земные, воздвигнуть себе множество преград, прилепиться к ничтожному пространству, жить жалкой жизнью в утробе матери. Планета есть колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели» [Циолковский 1967: 86].

То есть речь идет не только и не столько о бегстве с Земли. Скорее, визионер Константин Эдуардович предложил более радикальную трансгуманистическую идею: вообще не стоит жить на поверхности планет. Рассуждая о будущем космической колонизации, Циолковский предлагает отказаться от планет с их притяжением, в том числе и по техническим причинам: «Дело пойдет далеко не так. О спуске на крупные небесные тела нельзя теперь и мечтать — так он труден. Даже спуск на такие небольшие тела, как наша Луна — дело отдаленного будущего...» [Циолковский 2017а: 334].

106

Циолковский считал, что на развитие организма влияет среда, а на других планетах будут совершенно другие существа: «Если бы на поверхности Земли и в атмосфере преобладали иные элементы, то и состав животных и растений был бы другой... на холодных и на жарких планетах возможны существа, составленные из тех морей, атмосфер и почв, которые существуют на планетах» [Там же: 398-399].

Эволюция на Земле и других небесных телах не завершена, и у человека всегда есть возможности меняться. Однако на земле эти возможности, по мнению Циолковского, ограничиваются притяжением. Например, в случае с размером головного мозга. «Но величина мозга может также возрастать вместе с пропорциональным увеличением всего животного. На Земле увеличению роста препятствует сила тяжести» [Там же: 402]. Сила тяжести, по сути, ограничивает рост интеллектуальных способностей человека.

Вместо «жизни на поверхностях» нужно стать «прирожденными гражданами эфира, чистых солнечных лучей и бесконечных бездн космоса» [Циолковский 1967: 98]. Тогда это освободит нас от притяжения и даст нашим телам новые возможности. Например, в разы увеличит наш мозг в невесомости. «Когда человек поселится в искусственных жилищах, в эфире, т.е. уйдет от Земли, победив ее тяжесть, то там, в эфире, между планетами не будет препятствия

для объемного развития мозга, если не считать сложности большого мозга и питающих его органов, которые, конечно, положат предел и развитию мозговой массы... Будет некрасиво, но ко всему можно привыкнуть. Красота — вещь условная и субъективная» [Циолковский 2017а: 402].

По мнению философа, граждане эфира смогут изменять свое тело в космосе вплоть до обретения бессмертия: «Лучшая часть человечества, по всей вероятности, никогда не погибнет, но будет переселяться от Солнца к Солнцу по мере их погасания... Итак, нет конца жизни, конца разуму и совершенствованию человечества. Прогресс его вечен. А если это так, то невозможно сомневаться и в достижениях бессмертия» [Циолковский 1967: 100].

В техноутопии Циолковского невесомость — это не опасность, а возможность. Она может изменить человеческий вид до неузнаваемости, вместо рук космонавты начнут хватать все ногами, а увеличенный мозг превратит их в суперсущества. В этой техноутопии отказ от регравитации — благо. Без притяжения можно менять, преобразовывать человека и его тело. Циолковский, таким образом, предлагает космополитику тела в космосе. Дело здесь не столько в равенстве доступа, сколько в возможностях, которые предоставляет космос, смелости и свободе изменения тела.

107

Заключение

Тело является одновременно ставкой и препятствием на пути в космос. Режим биополитического контроля позволяет через тело управлять доступом в космос. В этом смысле за пределы Земли могут отправить только «совершенные» тела. Противопоставляя космополитику и биополитику человеческих тел в космосе, я очерчиваю контуры двух техноутопий, в которых тело занимает разное положение. В биополитике тело должно оставаться неизменным в его физиологических параметрах, все технологические усилия должны направляться на регравитацию — поддержание земной человеческой «природы» в теле. Космополитика тела в космосе предлагает использовать «уязвимости» тела как возможности для его трансгуманистической трансформации. Один из родоначальников космической эры, первый космический любитель Константин Циолковский искал свой собственный, низовой доступ в космос [Сиддики 2005]. Он предложил освободить тело от земного притяжения и тем самым изменить его в невесомости. Любительские космополитические техноутопии уже сегодня обозначают линии и границы доступа и обещают землянам другое телесное и космическое будущее, подобное финалу фильма «Гаттака».

Библиография / References

Дилэни С. (2020) *Вавилон-17. Пересечение Эйнштейна: романы, повести*, СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус.

— Delany S. (2020) *Babel-17. The Einstein Intersection*, SPb.: Azbuka; Azbuka-Attikus. — in Russ.

Кожемякин В. (2021) Правда, что в космонавты не берут с татуировкой? *Аргументы и факты*, 18.09.2021. https://aif.ru/society/science/pravda_chto_v_kosmonavty_ne_berut_s_tatuirovkoj

— Kozhemyakin V. (2021) Is that true you can't be a cosmonaut with tatoo? *Argumenty i fakty*, 18.09.2021. https://aif.ru/society/science/pravda_chto_v_kosmonavty_ne_berut_s_tatuirovkoj — in Russ.

Лебедев В. (1994) *Мое измерение: дневник космонавта*, М.: Наука.

— Lebedev V. (1994) *My dimension: cosmonaut's diary*, М.: Nauka. — in Russ.

Савиных В. (2010) *Вятка. Байконур. Космос*, М.: Издательство «МАКД».

— Savinyh V. (2010) *Vyatka. Baikonur. Space*, М.: Izdatel'stvo "MAKD". — in Russ.

Сивков Д. (2018) Свое или чужое? Создание тела в иммунологии. *Логос*, (5): 249-286.

— Sivkov D. (2018) Self or Non-self? Constructing the body in immunology. *Logos*, (5): 249-286. — in Russ.

Сивков Д. Ю. (2019) Освоение космоса в домашних условиях: любительская космонавтика в современной России. *Этнографическое обозрение*, (6): 67-79.

— Sivkov D.Yu. (2019) Space exploration at home: Amateur cosmonautics in contemporary Russia. *Etnograficheskoe obozrenie*, (6): 67-79. — in Russ.

Сивков Д. Ю. (2020а) Доступ в космос: российские любительские технологии в изучении и освоении космоса. *Социология науки и техники*, (3): 179-197.

— Sivkov D.Yu. (2020a) Access to Space: Russian Amateur Technologies in Space Research and Exploration. *Sociologiya nauki i tekhniki*, (3): 179-197. — in Russ.

Сивков Д. Ю. (2020б) Места и масштабы: онтологии освоения космоса. *Сибирские исторические исследования*, (1): 75-96.

— Sivkov D.Yu. (2020b) Of scales and places: Ontologies of space exploration. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, (1): 75-96. — in Russ.

Сиддики А. (2005) Наука за стенами академии: К. Э. Циолковский и его альтернативная сеть неформальной научной коммуникации. *Вопросы истории естествознания и техники*, (4): 137-154.

— Siddiqi A. (2005) Science beyond the academy: Tsiolkovski's alternative network of scientific communication. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, (4): 137-154. — in Russ.

Усачев Ю. (2004) *Дневник космонавта: при жизни в космосе*, М.: Гелиос.

— Usachev Yu. (2004) *Cosmonaut's diary: three lives in space*, М.: Gelios. — in Russ.

Федоров Н. Ф. (1995) *Собрание сочинений: в 4-х тт. Том I*, М.: Прогресс.

- Fedorov N. F. (1995) *Collected papers in four volumes. Vol. I*, М.: Progress. — in Russ.
- Фуко М. (2005) «Нужно защищать общество». Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году, СПб.: Наука.
- Foucault M. (2005) “*Society Must Be Defended*”: *Lectures at the Collège de France, 1975–1976*, SPb.: Nauka. — in Russ.
- Циолковский К. Э. (1967) *Исследование мировых пространств реактивными приборами*, М.: Машиностроение.
- Tsiolkovsky K. E. (1967) *Study of outer space by reaction devices*, М.: Mashinostroenie. — in Russ.
- Циолковский К. (2017a) *Избранные произведения: в 2 т. Т. 1*, М.: Книжный Клуб Книговек.
- Tsiolkovsky K. (2017a) *Selected writings in two volumes. Vol. I*, М.: Knizhnyj Klub Knigovek. — in Russ.
- Циолковский К. (2017b) *Избранные произведения: в 2 т. Т. 2*, М.: Книжный Клуб Книговек.
- Tsiolkovsky K. (2017b) *Selected writings in two volumes. Vol. II*, М.: Knizhnyj Klub Knigovek. — in Russ.
- Banner O. (2011) The Postracial Imagination: Gattaca’s Imperfect Science. *Discourse*, 33(2): 221-241.
- Bernstein A. (2019) *The Future of Immortality: Remaking Life and Death in Contemporary Russia*, Princeton; Oxford: Princeton University Press.
- Bjørnvig Th. (2013) Outer space religion and the overview effect: a critical inquiry into a classic of the pro-space movement. *Astropolitics: The International Journal of Space Politics & Policy*, 11(1-2): 4-24.
- Finney B. (1992) *From Sea to Space*, Palmerston North: Massey University.
- Gerovitch S. (2015) *Soviet Space Mythologies: Public Images, Private Memories, and the Making of a Cultural Identity*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Haraway D. (1989) *Primate Vision: Gender, Race and Nature in the World of Modern Science*, London, New York: Routledge.
- Junker K. W. (1999) Gattaca: defacing the future. *Futures*, 31: 631-635.
- Kirby D. (2000) The New Eugenics in Cinema: Genetic Determinism and Gene Therapy in “GATTACA”. *Science Fiction Studies*, 27(2): 193-215.
- Kohonen I. (2011) The Heroic and the Ordinary: Photographic Representations of Soviet Cosmonauts in the Early 1960s. *Soviet Space Culture: Cosmic Enthusiasm in Socialist Societies*, New York: Palgrave.
- Mitchell S. T. (2017) *Constellations of inequality. Space, race, and utopia in Brazil*, Chicago; London: The University of Chicago Press.
- Patarin-Jossec J. (2020) The politics of heroes’ body: ethnographing the training of foreign astronaut in Russia. *Corpus Mundi*, 1(2): 14-36.
- Pomeroy C., Calzada-Diaz A., Bielicki D. (2019) Funding me to the Moon: Crowdfunding and the New Space economy. *Space Policy*, 47: 44-50.

Shaw D. B. (2004) Bodies out of this world: the spacesuit as cultural icon. *Science as Culture*, 13(1): 123-144.

Tutton R. (2021) Sociotechnical Imaginaries and Techno-Optimism: Examining Outer Space Utopias of Silicon Valley. *Science as Culture*, 30(3): 416-439.

Valentine D. (2017) Gravity fixes: Habituating to the human on Mars and Island Three. *HAU: Journal of Ethnographic theory*, (7): 185-209.

Wall M. (2022) Will Richard Branson actually reach space on Virgin Galactic's 1st fully crewed launch? *space.com* (<https://www.space.com/will-richard-branson-reach-space-virgin-galactic>)

White F. (2014) *The overview effect: space exploration and human evolution. Third Edition*, Reston: American Institute of Aeronautics and Astronautics.

Рекомендация для цитирования:

Сивков Д. Ю. (2023) Космополитика vs биополитика: тело, техноутопия и доступ в космос. *Социология власти*, 35 (3): 95-110.

For citations:

Sivkov D.Yu. (2023) Cosmopolitics vs Biopolitics: Body, Technoutopia and Access to Space. *Sociology of Power*, 35 (3): 95-110.

110

Поступила в редакцию: 04.09.2023; принята в печать: 29.09.2023

Received: 04.09.2023; Accepted for publication: 29.09.2023

Статьи. Медицинская антропология

АНАСТАСИЯ А. НОВКУНСКАЯ¹

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия

ORCID: 0000-0001-9729-6941

ДАРЬЯ А. ЛИТВИНА²

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия

ORCID: 0000-0003-4641-886X

ДАРЬЯ А. НИКИТИНА³

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия

ORCID: 0009-0002-7251-7239

ЕЛИЗАВЕТА В. ВЛАСОВА⁴

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия

ORCID: 0009-0005-9019-4973

111

---

1 Новкунская Анастасия Андреевна — PhD in Social Sciences, доцент факультета социологии, ассоциированный профессор по качественным исследованиям здоровья и медицины НЦ «Институт междисциплинарных медицинских исследований» Европейского университета в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург. Научные интересы: социология здоровья и медицины, социология профессий и организаций, гендерные исследования, качественная методология в социальных науках. E-mail: anovkunskaia@eu.spb.ru

2 Литвина Дарья Александровна — магистр социологии, научная сотрудница программы «Гендерные исследования» и НЦ «Институт междисциплинарных медицинских исследований» Европейского университета в Санкт-Петербурге, омбудсмен ЕУСПб. Санкт-Петербург. Научные интересы: социальные исследования здоровья и медицины, гендерные исследования, социология эмоций, молодежные исследования. E-mail: dlitvina@eu.spb.ru

3 Никитина Дарья Антоновна — магистр социологии, исследовательница НЦ «Институт междисциплинарных медицинских исследований» и НЦ «Институт проблем правоприменения» Европейского университета в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург. Научные интересы: социальные исследования здоровья и медицины, социология экспертизы, исследования труда, экономическая социология. E-mail: dnikitina@eu.spb.ru

4 Власова Елизавета Витальевна — аспирантка факультета социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург. Научные интересы: медицинская социология, социология неравенства. E-mail: evlasova@eu.spb.ru

---

Сексуальный харассмент в контексте медицинских организаций: асимметрии власти, пересечения неравенств, приватизация опыта

doi: 10.22394/2074-0492-2003-3-111-134

Резюме:

Данная работа обращается к изучению таких социальных ситуаций, которые можно обозначить как сексуальный харассмент на рабочем месте в сфере здравоохранения в России. Опираясь на интерсекционный подход и на некоторые положения социологии профессий, статья обнаруживает сразу несколько измерений асимметрии власти в контексте медицинских профессий и организаций, и анализирует их синергические эффекты. В частности, рассматривается символическое неравенство разных медицинских профессий, связанное прежде всего с их гендеризацией. Эмпирически работа опирается на данные 20 глубинных полуструктурированных интервью с сотрудниками сестринского звена и 23 интервью с медицинскими профессионалами, которые были готовы поделиться опытом сексуального харассмента, а также на данные онлайн-опроса (560 ответов), посвященного взаимодействию на рабочем месте. Фокусируясь на эмоциональных опытах участников исследования, работа демонстрирует, что некоторые сотрудники в системе здравоохранения оказываются в уязвимой позиции по множественным основаниям — гендеру, специализации, позиции в профессиональной иерархии, возрасту (поколению) и другим. Локальные особенности российского здравоохранения и конкретных организационных культур только усиливают эффекты структурных неравенств, поскольку воспроизводят дополнительные измерения власти — зачастую в неформальных правилах и практиках. В таких условиях опыт сексуального харассмента чаще всего замалчивается как в организационном контексте, так и в публичном поле, оставаясь тем не менее эмоционально чувствительным для тех, кто его пережил. Статья анализирует такие эффекты, как приватизация личного опыта, которая делает проблему сексуального харассмента в медицине методологически и эпистемологически неисследуемой, а на практике — неразрешаемой.

Ключевые слова: сексуальный харассмент, медицинские организации, медицинские профессионалы, российское здравоохранение, асимметрия власти, социальное неравенство

Anastasia A. Novkunskaia¹

European University at St. Petersburg, Russia

Daria A. Litvina²

European University at St. Petersburg, Russia

Daria A. Nikitina³

European University at St. Petersburg, Russia

Elizaveta V. Vlasova⁴

European University at St. Petersburg, Russia

Sexual Harassment in the Context of Medical Organizations: Asymmetries of Power, Intersections of Inequalities, and the Privatization of Experience

Abstract:

This paper addresses cases of social situations that can be identified as sexual harassment in Russian healthcare. Drawing on the intersectional approach and some prerequisites of the sociology of professions, the article reveals several dimensions of power asymmetry in the context of medical professions and organizations, and analyzes their synergistic effects. In particular, it examines the symbolic inequalities of different medical professions, emphasizing their gendered character. The paper draws on mixed-method data consisting of 20 in-depth semi-structured interviews with nursing staff and 23 interviews with those medical professionals who agreed to share their experiences of sexual harassment. Additionally, results of an online survey (560 responses) on workplace interactions is drawn upon in the analysis.

113

-
- 1 Novkunskaia Anastasia, PhD in Social Sciences, Associate Professor at the Faculty of Sociology, Associate Professor on Qualitative Health and Medicine Research at the Institute for Interdisciplinary Health Research at the European University at St. Petersburg. St. Petersburg. Research interests: sociology of health and medicine, sociology of professions and organizations, gender studies, qualitative methodology in social sciences. E-mail: anovkunskaia@eu.spb.ru
  - 2 Litvina Daria, Master of Sociology, Research fellow at the program “Gender Studies” and the Institute for Interdisciplinary Health Research, European University at St. Petersburg, Ombudsman of the EUSP. St. Petersburg. Research interests: social studies of health and medicine, gender studies, sociology of emotions, youth studies. E-mail: dlitvina@eu.spb.ru
  - 3 Nikitina Daria, Master of Sociology, Researcher at the Institute for Interdisciplinary Health Research” and the Institute for the Rule of Law at the European University at St. Petersburg. St. Petersburg. Research interests: social studies of health and medicine, sociology of expertise, labor studies, economic sociology. E-mail: dnikitina@eu.spb.ru
  - 4 Vlasova Elizaveta, PhD student of the Department of Sociology, European University at St. Petersburg. St. Petersburg. Research interests: social studies of health and medicine, sociology of social Inequality. E-mail: evlasova@eu.spb.ru

Focusing on the emotional experiences of the research participants, the paper demonstrates that some health professionals find themselves in a vulnerable position on multiple grounds: gender, specialization, position in the professional hierarchy, age (generation), and others. Some local features of Russian healthcare and specific organizational cultures further amplify the effects of structural inequalities, reproducing additional — and mostly informal — dimensions of power. Under such conditions, the experience of sexual harassment is most often silenced both in the organizational context and in the public, yet remains emotionally sensitive for the victims. The article analyzes effects such as the privatization of personal experience, which renders the issue of sexual harassment in medicine methodologically and epistemologically uninvestigable, and in practice — unsolvable.

Keywords: Sexual harassment, medical organizations, medical professionals, Russian healthcare, power asymmetry, social inequality

Контекст и постановка проблемы

114

Классические теории медиализации [Zola 1972; Congrad 1992; Михель 2009] и социологии профессий [Freidson 1970] рассматривают медицину и медицинские профессии как властные институты, которые обладают наибольшей экспертностью и ресурсами в области здоровья и здравоохранения. Однако власть и ресурсы в этом поле распределены неравномерно, и за право ими распоряжаться могут конкурировать разные логики регулирования. С одной стороны, профессионализм конкурирует с рыночными механизмами и бюрократической (менеджеральной) системой контроля за право определять доминирующую логику управления в медицине [Freidson 2001]. С другой стороны, само поле медицины неоднородно: в нем разные профессиональные группы обладают разными ресурсами, степенью автономии и статусом [Larson 1977; Abbott 1988; Witz 1992; Grant 2022]. Так, часто отмечается более широкая юрисдикция и автономия одних профессиональных групп относительно других и, как следствие, разница в их символических статусах [Hearn 1982; Witz 1992]. Ведутся дискуссии относительно стабильности сложившихся иерархий и возможности переговорного характера отношений в медицинских организациях [Svensson 1996; Allen 1997].

Помимо этого, исследования медицинских профессий обнаруживают, что асимметрия власти между разными профессиональными группами гендеризирована. В исторической перспективе более успешными становятся «мужские» врачебные профессии, тогда как заботящиеся и «женские» профессии (например, медицинские сестры и акушерки) теряют и свои полномочия, и свою автономию [Witz 1992; Пушкарева, Мицюк 2018; Grant 2022], а ядро их компетенций — забота — эссенциализируется как «естественная женская работа» и остается «невидимой» и недооцененной

[Davies 1995; Симонова, Ядрова 2013; Бороздина 2016]. Гендерное неравенство также проявляется в неравномерном доступе к ресурсам и символическому статусу [Williams 1992; Riska 2001], ограничениях в успешном следовании выбранной карьерной траектории [Stratton et al. 2005; Acik et al. 2008] и значительно влияет на опыт работы, психологическое, эмоциональное и социальное благополучие медицинских сотрудников [Willness et al. 2007; Houle et al. 2011; McDonald 2012].

В данной работе мы обращаемся к таким социальным ситуациям, которые можно обозначить как сексуальный харассмент на рабочем месте в сфере здравоохранения в России. Мы сосредоточимся на ситуациях, происходящих непосредственно на рабочих местах (в том числе на местах прохождения практики, в учебных аудиториях) между медицинскими профессионалами. Наш ключевой тезис состоит в том, что изучение механики возникновения подобных ситуаций позволяет обнаружить сразу несколько измерений асимметрии власти в контексте медицинских профессий и организаций. Мы исходим из положения о том, что харассмент является проявлением властных отношений, и существует не изолированно, а возникает как результат пересечения множественных неравенств. Так, часть сотрудников в системе здравоохранения оказывается в уязвимой позиции по множественным основаниям — гендер, специализация, позиция в профессиональной иерархии, возраст (поколение) и другие.

115

Мы включаем в исследование как врачей, так и медицинских сестер, чтобы проследить, как опыт харассмента затрагивает каждую из профессиональных групп, какие структурные условия ему способствуют и как женщины оказываются более уязвимыми гендерированными субъектами в профессиональном поле медицины вне зависимости от своей профессиональной позиции. Используя оптику интерсекционального подхода и социологии профессий, в данной работе мы хотим рассмотреть множественность этих измерений: от того, как они формируются на уровне институтов, до того, как они реализуются в индивидуальном опыте.

Данная статья имеет следующую структуру. Во-первых, мы обозначим ключевые положения социологической дискуссии относительно социальных механизмов (структурных оснований), лежащих в основе сексуального харассмента в медицине. Затем мы опишем те локальные особенности российского здравоохранения, которые делают эту дискуссию в изучаемом нами эмпирическом поле актуальной и аналитически, и практически. Наконец, мы обратимся к индивидуальному опыту проживания харассмента как эмоционального опыта. Таким образом мы надеемся представить

интерсекциональный срез, в котором харассмент предстает как результат пересечения множества социальных оснований, характеристик и опытов, и который укоренен в системе властных диспозиций (гендерных, телесных, возрастных, профессиональных).

Данные

Эмпирические данные собраны в рамках проекта «Особенности профессиональных взаимодействий на рабочем месте в российском здравоохранении» (ИММИ ЕУСПб 2021–2023) и состоят из:

- 20 глубинных полуструктурированных интервью с сотрудниками сестринского звена, работающими в государственных стационарах Санкт-Петербурга (2021), об их профессиональном опыте и взаимоотношениях в коллективе;
- 23 глубинных полуструктурированных интервью с медицинскими сотрудниками, имеющими опыт столкновения именно с сексуальным харассментом (2022–23);
- 560 онлайн-анкет о взаимоотношениях с коллегами и пациентами на рабочем месте в российских медицинских организациях (86,4% — жен.).

116

В качественной и количественной части исследования большинство участников — женщины. Отбор производился через разные точки входа, с использованием как профессиональных контактов, так и объявлений в социальных сетях.

Исследовательский проект прошел этическое согласование в Санкт-Петербургской Ассоциации Социологов.

Определение и структурные основания харассмента

Согласно определению CEDAW (Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, ратифицирована РФ):

«Сексуальный харассмент включает в себя такое нежелательное (unwelcome) сексуально-обусловленное поведение, как физический контакт и заигрывания, сексуально-окрашенные замечания, демонстрация порнографии и сексуальные требования, выраженные будь то словами или действиями. Такое поведение может быть унижительным и может представлять собой проблему для здоровья и безопасности; дискриминацией считается ситуация, когда у женщины есть разумные основания полагать, что ее возражение поставит ее в невыгодное положение в связи с занятостью, в том числе при приеме на работу или продвижении по службе, или когда это создает враждебную рабочую среду» [The Committee on the Elimination of Discrimination against Women 1992].

С одной стороны, термин «сексуальный харассмент» является достаточно устоявшимся, когда речь идет о международных рекоменда-

циях и конвенциях (см., например: MOT 2019). Однако в качестве аналитической категории он не является единственным — описанные в определении CEDAW практики могут получать такие названия, как *gender-based violence*, *(selective) incivility*, *unwanted sexual attention*, *sexual coercion*, *sexual misconduct* и другие. Дополнительную методологическую сложность при анализе международного опыта вносит и то, что нежелательные сексуализированные практики часто рассматриваются не изолированно, а как часть «абьюзивных», насильственных отношений на рабочих местах (*workplace violence*), наравне с вербальным абюзом (грубостью), физическим насилием, созданием препятствий для карьеры и так далее.

Современные теории рассматривают харассмент на рабочем месте не как часть сексуального опыта, а как проявление отношений иерархии и власти [McDonald 2012; Quick, McFadyen 2016; Burn 2019], невзаимный и нежелательный опыт женщин (или феминизированных мужчин) [Fitzgerald, Cortina 2018]. В медицинских коллективах сильно выражена профессиональная и административная субординация. Исследователи Фартун Сиад и Дорин Раби отмечают, что иерархические принципы и меритократические идеалы способствуют концентрации власти в руках привилегированных групп и исключению маргинализированных групп (по гендерному или этническому основанию). Однако когда речь идет о борьбе с харассментом, лидеры из числа привилегированных групп могут не обладать представлениями о проблемах маргинализированных групп и не уметь распознавать определенные формы харассмента и исключения [Siad, Rabi 2021].

117

Согласно целому ряду исследований, женщины значимо чаще, чем мужчины, подвергаются сексуальному насилию/харассменту на месте работы или учебы в целом [Cortina, Areguin 2021] и в медицинских контекстах в частности [Liu et al. 2019]. При этом многие исследования указывают на то, что женщины на менее статусных позициях (например, сотрудницы сестринского звена) сталкиваются с харассментом или жестокостью как со стороны коллег, так и со стороны пациентов и их семей чаще, чем женщины на высоких позициях [Demirci, Uğurluoğlu 2020; Liu et al. 2019]. Однако высокий статус не дает гарантий неприкосновенности, поскольку не только профессиональная, но и гендерная принадлежность определяет вероятность харассмента. Более того, гендерное измерение власти оказывается центральным и в ряде случаев тесно переплетенным с профессиональным измерением. Существуют профессии, стереотипно наделяемые феминными и маскулинными характеристиками. Так, труд многих заботящихся профессий (акушеров, медицинских сестер) рассматривается как преимущественно «женский» и оценивается как менее престижный. При этом в сферах занято-

сти, стереотипно считающихся «мужскими», сексуальный харассмент оказывается более распространенным [Cortina, Areguin 2021; McLaughlin et al. 2012].

В контексте того, что харассмент очевидным образом гендерно обусловлен, исследователи часто обращают внимание на гендерный баланс (gender ratio, соотношение мужчин и женщин) на рабочем месте [Mcdonald 2012] и гендерное разделение труда внутри организационных культур [Cortina, Areguin 2021]. Количественный перевес в сторону мужчин в некоторых исследованиях рассматривается как значимый предиктор сексуального харассмента [McLaughlin et al. 2012].

С точки зрения индивидуальных характеристик другими значимыми социальными предикторами подверженности риску харассмента оказываются возраст, этничность, доход, должность, особенности трудового контракта. С этими факторами может быть связана и форма насилия, и его источник. Так, например, в одном из метаанализов было отмечено, что более молодые медицинские сотрудники, работающие посменно большее количество часов в неделю (> 40), с большей вероятностью подвергаются любой форме жестокости на рабочем месте [Liu et al. 2019]. Медработники-мужчины чаще подвергаются физическому насилию, а женщины — сексуальным домогательствам [Ibid.]. Важно еще раз подчеркнуть, что при разнообразии форм сексуального харассмента в институционально слабой позиции может оказаться любой сотрудник, но вероятность таких эпизодов выше для женщин, а среди них наиболее уязвимыми оказываются те, кто занимает позиции медицинских сестер и студенток/ординаторов.

118

Оценки распространенности сексуального харассмента даже внутри одной профессиональной группы могут широко варьировать, что обусловлено сенситивностью темы (которую не во всех сообществах готовы открыто обсуждать), особенностями методологии (данные количественных опросов и качественных интервью сложно сопоставлять), культурными различиями и другими факторами. Так, метаанализ исследований распространенности харассмента среди медсестер, опубликованных с 1994 по 2018 год в англоязычных рецензируемых журналах, показал разброс от 10 до 87% [Kahsay et al. 2020]. Попытке найти причину — методологическую или социальную — подобных различий посвящено большое количество исследований [Ilies et al. 2003; Nielsen 2010].

В исследованиях сексуального харассмента уделяется внимание факторам, связанным в том числе с организационным измерением. Так, например, увеличению вероятности харассмента способствует общая организационная толерантность к нежелательным взаимодействиям: отсутствие в организации механизмов регуляции и ре-

шения конфликтных ситуаций, бездействие со стороны руководства и коллег [McDonald 2012; Quick, McFadyen 2016]. В определенных профессиональных областях, к которым относится и медицина, распространены организационные условия, которые способствуют проявлению харассмента.

В медицине нередко устанавливается организационный климат, в котором этике корпоративного общения уделяется мало внимания: руководство не реализует политику, направленную на предотвращение харассмента, а медицинские сотрудники понимают, что жалобы на подобное поведение не приведут к необходимому вмешательству и наказанию для преследователя [Siad, Rabi 2021]. Более того, процесс подачи такой жалобы будет связан со множеством рисков для пострадавших. В первую очередь в сфере здравоохранения карьеры подчиненных сотрудников напрямую зависят от рекомендаций и одобрения коллег, занимающих более высокие позиции. Если кто-то из более статусных коллег является автором насилия, то жалоба может не только не привести к желаемым результатам, но и помешать дальнейшему карьерному продвижению. В условиях отсутствия внешних по отношению к медицинским организациям этических комитетов или институтов, жалоба буквально может попасть на рассмотрение тому, на кого она была подана [Colenbrander, Causer, Haire 2020]. Учитывая плотность связей внутри многих медицинских сообществ и солидарность людей на позициях власти друг с другом, пострадавшие могут быть деанонимизированы. Из-за этого многие медицинские сотрудники боятся получить репутацию «чувствительных нарушителей спокойствия» и столкнуться с осуждением в профессиональном сообществе [Ibid.]. Страх последствий (социальных, профессиональных) является одним из значимых факторов, который заставляет пострадавших молчать, лишь изредка обращаясь к кому-то из руководства, поэтому количество официальных жалоб не отражает распространенности проблемы [Fitzgerald, Cortina 2018].

Представления о профессионализме регулируются уже сложившимися институтами и людьми на позициях власти, которые в меньшей степени подвергаются дискриминации и за счет этого могут быть нечувствительны к опыту жертв харассмента или не видеть структурных факторов, лежащих в его основе. В медицинской среде не принято артикулировать и обсуждать индивидуальные сложности, даже если они являются следствием системных проблем, распространенных в сфере здравоохранения. Одним из ключевых свойств, социально одобряемых в рамках профессиональной идентичности медицинских специалистов, является устойчивость (resilience) [Colenbrander, Causer, Haire 2020]. Отчасти это обуслов-

лено давлением на систему здравоохранения: в условиях большого потока пациентов, нехватки кадров и финансирования становится особенно важным быть «удобным» для коллектива. Медицинская коллегиальность предполагает, что работник сильно подстраивается под коллектив и, будучи «командным игроком», переживает личные трудности самостоятельно, стараясь не артикулировать их [Stone, Phillips, Douglas 2019].

Таким образом, сексуальный харассмент в сфере труда часто рассматривается как следствие гендерного неравенства, и за счет этого концептуализируется как проявление власти (а не особая форма «романтических отношений»). При этом оценки распространенности харассмента варьируют в зависимости как от наслаивающихся друг на друга социокультурных факторов, так и от методологических особенностей их изучения. К таким факторам относятся гендерные, поколенческие, организационные, профессиональные. Сексуальный харассмент носит интерсекциональный характер и должен быть рассмотрен с учетом максимального погружения в контекст (культурный и организационный). В следующем разделе мы обратимся именно к нему.

120

Харассмент в контексте российского здравоохранения

Российское здравоохранение характеризуется гибридным режимом, в котором бюрократические правила государственного контроля сочетаются с рыночной конкуренцией и требованиями пациентов. Медицинские профессионалы оказываются под давлением по множественным основаниям, включающим и правовую, и бюрократическую, и моральную уязвимости [Litvina et al. 2019]. В результате сочетания нескольких конкурирующих логик управления в системе здравоохранения возникают многочисленные организационные разрывы (и инфраструктурные поломки [Mokhov & Novkunskaia 2021]), которые отчасти компенсируются благодаря «ручному управлению» со стороны медицинских профессионалов [Temkina et al. 2022]. Под «ручным управлением» понимается принцип организации, основывающийся на неформальном взаимодействии между разными агентами — пациентами, врачами, документами, медицинскими сестрами, инфраструктурой, — в попытке «починить» поломки, заполнить пустоты, преодолеть препятствия на пути оказания помощи. Таким образом, неформальность становится важной характеристикой системы здравоохранения, роль личных связей (социальных капиталов) обретает важный смысл, но непрозрачность системы усиливается [Borozdina & Novkunskaia 2022]. Это добавляет дополнительное измерение неравенства в рос-

сийском здравоохранении — растет значимость «хороших отношений» с теми, кто может помочь в навигации внутри запутанной системы.

Можно предположить, что подобные условия способствуют и росту вероятности харассмента в здравоохранении, хотя исследований по данной теме в России немного. В проведенном нами опросе 8% сотрудников медицинских учреждений отметили, что сталкивались с попытками склонить их к нежелательным действиям сексуального характера (прикосновения, поцелуи, объятия, домогательства) со стороны пациентов, а 14,5% указали, что сталкивались с подобным поведением со стороны коллег. В более широком контексте — данные глобального опроса Lloyd's Register Foundation свидетельствуют о том, что, в сравнении со средним по другим странам, в России мужчины и женщины на 18% реже сообщают кому-либо о случаях жестокости и харассмента на рабочем месте [Lloyd's Register Foundation 2021].

В целом противодействие насилию и харассменту на рабочем месте в России идет очень медленно, несмотря на активное публичное обсуждение данной темы. На уровне государства в перспективе оно может стать частью повестки системы охраны и безопасности труда в России. Например, тема дискриминации присутствует в документах Международной организации труда (МОТ), ратифицированных РФ, а также в соответствии с приказом Минтруда России от 28 декабря 2021 г. № 796 сексуальные домогательства учитываются в качестве фактора при оценке профессиональных рисков и при формировании рекомендаций по их снижению [Минтруд России 2021]. Однако масштабные кампании или реформы в этой области не инициируются.

Проблема харассмента широко обсуждается в зарубежных академических публикациях и в публичных дебатах в России как часть разговоров о «новой этике» [Sugman & Rossman 2021]. Важный вопрос, который поднимается в ходе таких дебатов, заключается в том, почему эта тема стала актуализироваться и почему долгое время практики харассмента не проблематизировались (женщины «молчали»). Наши собственные многолетние наблюдения и интервью в сфере здравоохранения показывают, что сексуальный харассмент является скрытой, но распространенной практикой. Таким образом, складывается парадоксальная ситуация, в которой: 1) медицинские профессионалы оказываются в среде с высоким уровнем распространенности харассмента, 2) но при этом не происходит признания данного опыта как коллективной проблемы, поскольку в публичное поле он практически не выносится и в лучшем случае решается «в частном порядке». Возможно, всех устраивает текущее положение вещей?

Приватизация опыта, его замалчивание и нормализация не означают отсутствия проблемы. Важное уточнение в понимание харассмента вносят исследователи Дженнифер Хирш и Шамус Хан [Hirsch, Khan 2019]. Они отмечают, что изнасилование (на кампусе), как правило, концептуализируется как практика, не имеющая отношения к удовольствию, но только к власти/контролю. Однако на практике ситуация оказывается более сложной, и сексуализированные практики, на которые было получено согласие, могут переплетаться с нежелательными. Для разграничения они предлагают обращать внимание на *сексуальные проекты* («причины, по которым кто-то может искать определенных сексуальных взаимодействий или опытов» (p. xiv)) и *сексуальное гражданство*.

Если применить их к нашему эмпирическому объекту, то становится понятно, что чувства неожиданности/удивления/омерзения, возникающие во время внезапных прикосновений или неуместных разговоров с сексуальным подтекстом, не являются частью сексуальных проектов женщин (они не стремились к ним), а их право на сексуальное самоопределение игнорируется (происходит их объективация). Таким образом, применение силы или прямых угроз для принуждения к сексуализированным практикам не является единственным критерием их (не)проблематичности в конкретной культуре.

122

В процессе эмпирического исследования мы обнаружили следующие предпосылки, способные объяснить, как эмпирически проявляется сформулированный выше парадокс, когда проблема, которая носит систематический характер, оказывается замалчиваемой и нормализуемой:

— Во-первых, неуверенность участников исследования в применимости категории «харассмент» к своему опыту приводила к трудностям в развитии языка для описания ряда практик.

— Во-вторых, информанты отмечали, что в определенных корпоративных культурах происходила нормализация ряда практик, таких как комментарии о внешности, или даже прикосновения (к ягодицам, бедрам). В том числе нормализация могла происходить и со стороны тех, кто в какой-то момент оказывался «жертвой» данных практик.

— В-третьих, структурные условия медицинских организаций за редким исключением не предусматривают наличие четко сформулированных этических принципов и институтов, которые призваны решать ситуации, связанные с сексуальным харассментом. В результате репертуар стратегий возможных действий по профилактике или разрешению конфликтных ситуаций оказывался редуцирован до «избегания» обидчика/замалчивания проблемы или попыток решить проблему путем мобилизации личного социального капитала — разговоров с близкими коллегами или (реже) непосредственным руководителем.

Три особенности изучаемого социального контекста, описанные выше, являются частями механизма приватизации опыта харассмента — вытеснения в область, где он оказывается не коллективной проблемой, а «личным делом каждой». В такой ситуации осознания проблемы как структурной и солидаризации для ее решения не происходит. Даже позитивное разрешение конкретного конфликта не означает каких-либо структурных изменений — обидчик часто остается на своем месте, практики не прекращаются, публичной артикуляции проблемы в какой-либо форме чаще всего не происходит.

В задачи данного раздела входит рассмотрение онтологических различий данных опытов — того, как они: 1) становятся возможными в локальных культурах и 2) проживаются на индивидуальном уровне, от первого лица. Нежелательные прикосновения и поцелуи, ограничения движения, сексуализированные шутки и намеки — все это является предметом нашего анализа. Несмотря на явные различия в опытах, мы хотим обратить внимание на общий механизм того, как развиваются и проживаются подобные ситуации. В абсолютном большинстве случаев они остаются в сфере частного опыта — непроговоренными, непубличными, скрытыми или разрешаемыми без участия формализованных институтов.

Локальные культуры

Рассказывая о коллективах и рабочих местах, где происходили ситуации харассмента, информантки описывали неформальную систему норм, имплицитно разделяемую всеми сотрудниками. Подобная система отражала то, как сотрудники привыкли взаимодействовать друг с другом в рамках отделения или всего учреждения. Зачастую она включала в себя приемлемость «романтических отношений» между коллегами, толерантность к прикосновениям и «знакам внимания» со стороны врачей-мужчин, которые не проблематизировались ни самими врачами, ни теми, по отношению к кому они вели себя подобным образом. При этом система неформальных норм и правил играла значимую роль в регулировании повседневных рабочих взаимодействий и оказывалась довольно устойчивой даже в тех ситуациях, когда не все сотрудники были готовы их разделять.

<...> человек существует на одном отделении. И все такие, типа: ну, у нас вот так! То есть, типа, ну вот, мы такие. Со своим уставом в чужой монастырь не лезь. Вот и получается, что, эмм, это какая-то такая немножко как игра, в которую встраивается человек потому, что это какая-то социальная норма здесь. И вот это прям очень печалит, что вот эти социальные нормы, они очень бывают разные и бывают <...> идущие вразрез какой-то с, эмм, не знаю, современной здоровой адекватной моралью (Валентина, 28 лет, педиатр).

Организация пространства медицинского учреждения и характер медицинской деятельности также влияют на то, какие практики оказываются возможны и распространены. Например, во время выполнения своей работы медицинские сотрудники могут быть вынуждены оставаться друг с другом на длительные ночные дежурства, переодеваться в общих ординаторских, физически близко взаимодействовать с пациентами или отдыхать в помещениях, которые законодательно запрещается закрывать на ключ. В отсутствие формально закрепленных и признанных коллективом правил, регулирующих взаимодействие коллег между собой, подобные ситуации оцениваются как особенно «опасные» для проявления харассмента. При этом наибольшие риски ложатся на плечи наименее защищенных с правовой и символической точки зрения сотрудников сестринского звена:

У нас такая работа, что мы должны, ну, вот даже название такое — медицинская сестра, то есть мы должны как бы отождествляться вот с людьми, и у нас, мы как бы морально достаточно с ними контактируем близко, ээм, и поэтому некоторые люди могут увидеть в этом какой-то повод, ну, к нарушению личных границ (Алина, 25, медсестра).

124

Однако иная организация или присутствие «свидетелей» — будь то коллеги или пациенты — далеко не всегда снижают вероятность харассмента. Гораздо более сильным фактором является определенная корпоративная культура, складывающаяся в организации:

Когда я пришла на дежурство, <...> и там был доктор, с которым я до этого не попадала в смены <...> Ночью начал прям ко мне приставать. То есть он прям меня пытался, там, обнять, потрогать, я его отталкивала <...> А там еще люди рядом спят (Яна, 29 лет, ЛОР).

Просто держит меня за руки, как обычно. И вот, ну, их разминает <...> Это происходит на приеме, там я, пациент, медсестра и доктор. <...> Он, значит, меня держит за руки, ну, довольно нежно, то есть это, это, вот, знаете, такой вот момент, что ни силы, ничего, и этот пациент говорит: «Послушайте, а что вы делаете?» (Дана, 31 год, невролог).

Гендерные стереотипы играют не последнюю роль в том, как происходит распределение символических позиций между мужчинами и женщинами на отделениях и в учебных аудиториях. Так, частым нарративом становились истории про комментарии от преподавателей, адресованные студенткам, о «естественной непригодности» женщин к тяжелой физической и интеллектуальной работе. В ряде случаев такие гендерные стереотипы и сформированные на их основании убеждения буквально влияли на выбор женщинами профессиональной траектории. Такие эффекты преимущественно упоминались применительно к хирургической специальности.

Комментарии и шутки о гендере и теле являются в ряде профессиональных сред и сообществ настолько привычными, что почти не обсуждаются как серьезная проблема:

Из того, что я сейчас вспомню, что было, там, пара предметов, где мальчики таскали шкафы — и получили свои пятерки спокойно. Ну на хирургии, конечно, говорили, что это скорее мужское и что, там, женщинам тут делать нечего (Антонина, 31 год, пульмонолог).

На следующем этапе карьеры женщины сталкивались с гендерными предубеждениями уже в отделении, в качестве практиканток или ординаторов, где им предпочитают мужчин, объясняя выбор тем, что работа в медицине не совместима с социальными ролями жены и матери. В некоторых специальностях, по ощущению информанток, это происходит особенно часто — так, хирургия воспринимается ими как область, в которой давление на женщин особенно велико, а харассмент особенно выражен:

Учитывая то, что я работаю в хирургической отрасли, здесь это, к сожалению, сплошь и рядом. <...> потому что хирургия — это достаточно, ээм, преобладающе это мужская профессия в России, вообще в странах СНГ хирургия, хирургические специальности все, хирургическое отделение фактически укомплектовано одними мужчинами, то есть это всегда у мужчины главенствующая роль <...> Тут проблемы, начиная с университетского периода, когда ты начинаешь заикаться по поводу того, что хочешь идти в хирургию, начинаются какие-то такие вялые, а иногда не очень вялые отмашки в сторону женщины-хирурга и женщины-нехирурга: зачем тебе это надо, родишь, уйдешь в декрет, забудешь... (Галина, 32 года, хирург).

125

Перечисленные выше особенности локальных культур в учреждениях здравоохранения становятся множественными основаниями для проявления сексуального харассмента. Однако сами нежелательные практики и реакции на них могут значительно варьировать. Следующий раздел более подробно рассмотрит то, как именно в данных структурных и организационных условиях реализуется харассмент и то, через какие эмоции он становится эмпирически проявленным.

Индивидуальные опыты проживания харассмента

В интервью многими информантками отмечалось, что в рамках неформального взаимодействия сотрудники могут оказываться в более или менее уязвимой позиции в зависимости от медицинской специальности, занимаемой должности и их гендера. Практически все интервью, анализируемые в рамках данной статьи, касались ситуаций, произошедших с информантками во время их учебы в университете, практики, работы медсестрами или ординаторами. Все эти позиции

характеризуются зависимостью от профессионалов, занимающих более высокие административные или профессиональные позиции: преподавателей, врачей, кураторов или заведующих практикой.

Ощущение зависимости и страх испортить отношения с человеком, от которого зависит успешность будущего обучения и продвижения по карьерной лестнице, возможность негативных последствий — таких как отказ принять на работу после практики, ухудшение условий работы или публичное осуждение коллектива — становится важной причиной умолчания о произошедшем. Однако отсутствие прямого сопротивления и публичных жалоб не указывает на то, что совершенные действия были желательными для всех участников:

Нет, это нет, это бессмысленно, только себе хуже сделаешь. В лучшем случае они скажут: «Да, да». В худшем уволят. А в университете это вообще нельзя делать <...> Нельзя жаловаться. Если пожалуешься, потом ничего не сдашь (Марина, 25 лет, ортопед).

126

То, что делает проблему харассмента осязаемой эмпирически — это эмоции и переживания тех медицинских профессионалов, которые столкнулись с нежелательным взаимодействием. Описание пережитого опыта в категориях страха, боли, брезгливости и т.п. было отправной точкой нашего эмпирического анализа, поскольку позволило обнаружить ту проблему, которая в силу организационных и институциональных особенностей российского здравоохранения зачастую остается невидимой.

При распространенности опыта харассмента он может оставаться незамеченным — происходит его приватизация, вытеснение из публичного поля, в котором возможно было бы действовать (и требовать действия). Например, в приведенном ниже отрывке интервью информантка рассказывает о поцелуе со стороны преподавателя, который она сначала интерпретировала как единичный и связанный именно с ней случай, однако позже оказалось, что через подобный опыт прошли многие ее однокурсницы. По прошествии времени многие наши информантки стали задаваться вопросами о том, что заставило их молчать — не только страх быть наказанными, но некий ступор, недоверие собственным эмоциям и интерпретациям (вдруг он не имел в виду ничего плохого?), отсутствие языка говорения о проблеме и рамки референций (как правильно). В конечном итоге отсутствие некой нормативной рамки профессионального взаимодействия, с которой возможно было бы сопоставить свой опыт:

Был преподаватель, который, как ну потом выяснили, эм... поцеловал примерно половину группы. Это было наедине с каждой. Ну и как бы он целовал по-разному. Кого-то, там, обнял за талию, кого-то там поцеловал в щеку,

кого-то врасос, кого в шею <...> вот это было очень неприятно. Сейчас я думаю, что, конечно, а почему мне не пришло в голову, что вообще-то можно пожататься на такое. То есть, конечно, это вообще никак недопустимо... но это приходит (вздыхает) это понимание пришло только сейчас, потому что тогда это было какое-то оцепенение (Антонина, 31 год, пульмонолог).

Стоит отметить, что практики харассмента могут быть очень разнообразными, с трудом поддающимися описанию, различными по эмоциональному отклику. Наиболее распространенные — комментарии о формах тела и намеки на сексуальный контакт, прикосновения (к рукам, талии, бедрам, ягодицам), внезапные поцелуи. Сексуальные домогательства, манипуляции (обещание карьерных выгод в обмен на секс) и преследования являются более редкими. Иногда «знаки внимания» могут быть растянутыми во времени и поначалу восприниматься как участливость (массаж, приглашения в поездки на конференции), пока не обнаруживается их принудительный и прогрессирующий характер. Иногда возникают ситуации, которые сложно интерпретировать (например, одна из информанток затруднялась отличить мастурбацию через одежду от невежливой попытки снять зуд).

При всей множественности форм харассмента при анализе эмоций и восприятий информанток мы наблюдали два ключевых сценария. Первый предполагал, что ситуация сначала оценивалась как «странная/неприятная, но в целом не выходящая за рамки представлений о допустимом». Так, прикосновения к коленям или спине, шутки про формы тела или предложения секса могли вызывать неприятие и последующие превентивные меры (например, попытки избежать контакта), но не определялись, как повод для вступления в открытый конфликт — за счет многократного повторения создавался эффект их «нормальности». В таком случае оценка подобного опыта как сексуального харассмента происходит ретроспективно, по мере того как происходит дистанцирование от среды, в которой он был нормализован:

Многие вещи, которые были озвучены (в докладе про харассмент. — Прим.), они даже не воспринимались как харассмент, как какое-то нежелательное действие, потому что это входит в такое, в привычное для нас отношение и... Начинать прям надо с того, что многие люди в принципе не понимают, что человек, ну, не должен себя вести так, как тебе не нравится, да, по отношению к тебе, да, у тебя есть личные границы (Яна, 29 лет, ЛОР).

Часто встречающаяся значительная разница в возрасте (и, соответственно, в статусе) между автором харассмента и пострадавшей является дополнительным фактором того, почему произошедшее не проблематизировалось сразу. Многие информантки не предполагали, что возможен сексуализированный вариант общения

с коллегами значительно более старшего возраста, что замедляло интерпретацию ситуации и выбор соответствующей ей реакции. Нежелательные сексуализированные действия в свой адрес они могли объяснять возрастными/поколенческими особенностями и затрудняться с тем, как выражать сопротивление к стоящим выше в профессиональной и возрастной иерархии:

Ну, вы понимаете, никогда в жизни мне бы не пришло в голову воспринимать это не шуткой, в связи с тем, что мне, там, было 35 лет, а ему 65, ну, как бы. Плюс я к нему с таким уже уважением, как к опытному специалисту. Он возраста моего папы (Ирина, 36 лет, неонатолог).

Второй сценарий предполагал немедленную резкую реакцию на происходящее — грубо ответить на неуместное высказывание, уйти, оттолкнуть, убежать, замереть. Чувства в диапазоне от неприятного удивления до угрозы в том числе зависели от самого опыта, статусов и отношений с автором насилия.

[Выбежала] начала че-то реветь (вздыхает), вот, прям, истерить, плакать, прям, жутко неприятно мне было (вздыхает) (Виктория, 26 лет, гинеколог).

128

Порой ощущения страха и омерзения сохранялись на длительное время, оказывали влияние на работу и личную жизнь. В ситуациях сексуальных домогательств (которые встречаются реже, чем другие формы сексуального харассмента) это проявляется особенно явно, однако и фоновый «шум» в виде постоянной необходимости лавировать между вероятностью столкнуться с комментарием по поводу фигуры или быть зажатой в углу создает условия для продолжительного стресса и угрозы для благополучия (Sojo et al. 2016).

Каждый раз, когда я езжу, каждый раз мне плохо. Вот просто, хотя, вот, просто мне физически, прям, плохо. <...> Я не могла, чтобы ко мне, например, подошел муж и просто меня обнял, а мне начинает триггерить, типа, ко мне прикасаются, типа, не прикасайтесь ко мне, вообще никто, пожалуйста (Виктория, 26 лет, гинеколог).

Разрешение ситуаций харассмента, как правило, происходило за счет собственных ресурсов, и лишь в некоторых случаях с помощью вышестоящего руководства (максимум — заведующего отделением). В случае подобных «публичных» разборов ситуации поддержка или критика со стороны коллектива складывалась в зависимости от локальной культуры. Однако в значительном количестве случаев пострадавшая сторона не сообщала о произошедшем из страха быть осужденной или встретиться с другими негативными последствиями.

Я даже отвержение свое никак выплеснуть не могу, я не могу этому профессору врезать по морде, потому что, ну, как так, профессора побила, вот. И ну, так это было неприятно, но как-то это все переживала (Галина, 32 года, хирург).

В условиях приватизации опыта харассмента женщинам приходится формировать собственный арсенал превентивных стратегий защиты, ключевой из которых является избегание обидчика (вплоть до смены места работы). До осознания проблемы как более масштабной (чем личный опыт) часто проходит немало времени, до нескольких лет.

И вот тяжело, действительно, было кому-то рассказывать, ну, особенно вот да, первые разы <...> Кажется, что щас все от тебя отвернутся, да, там все скажут, что это ты виновата, хотя на деле потому, что многие мои подруги через это тоже проходили, всегда эта тема, наоборот, встречала понимание и каждая находила какую-то историю похожую или с ней, или с кем-то из близких людей... И это, с одной стороны, эм... Поддерживает, да, а с другой стороны, это очень грустно, потому что, ну, получается, что масштаб проблемы такой огромный, что у каждого человека есть что рассказать, чем поделиться, есть какие-то подобные истории разной степени (Яна, 29 лет, ЛОР).

Важно отметить, что информантки проводили грань между ситуациями харассмента и другими схожими практиками — не каждая из них даже по прошествии времени была интерпретирована подобным образом. Разделение между желательными (в случае романов), нежелательными и случайными формами контактов производится довольно явно. Так, случайная эрекция у пациента при постановке катетера, предложение коллеги сходить на свидание (со спокойным принятием последующего отказа) или комментарии относительно возможности выполнять те или иные манипуляции по причине недостаточной физической формы не воспринимались как нарушение границ или угрожающая ситуация:

<...> говорили, что женщинам тяжелее в плане физического, <...> где я реально согласна. Потому что мало кто по телосложению может выдержать, потому что там в некоторых моментах реально нужны, так скажем, мужчины, крупные мужчины, чтоб прям в теле (Гульнара, 28 лет, невролог).

Информантки предлагают в своих нарративах объяснения того, почему в большинстве случаев они остаются незамеченными или замалчиваемыми. Длительная нормализация харассмента на рабочем месте может начать ощущаться как характеристика не только конкретной организации, но медицины в целом:

Мне кажется, это медленно учит тебя тому, что жестокость — это нормально. <...> И мне кажется, что... вот такое общение — оно просто... сна-

чала ты привыкаешь к жестокости, потом начинаешь как бы принимать на себя, что ты тоже имеешь на это право. Если, там, медсестра здесь выше пациента настолько, что можно его материть по-всячески, значит — и мне можно (Дера, 21 год, студентка).

Предложенное нами аналитическое различие на «локальные культуры» и «индивидуальные опыты» является инструментом для решения задач исследования. Эмпирически их сложно отделить друг от друга — наши информантки отмечают, как они интериоризировали представления и нормы тех рабочих и учебных пространств, в которых харассмент оказывался распространен и нормализован, и как им требовалось время для того, чтобы отрефлексировать свой опыт. В условиях, когда харассмент приватизируется — вытесняется в сферу индивидуального и интимного, — возможность для действия, а тем более для коллективного действия и даже артикуляции своего опыта оказывается крайне редуцированной. Поэтому ключевыми стратегиями борьбы с харассментом оказываются избегание или игнорирование. Однако эмоциональные нарративы и проблематизация ситуаций, в которых оказывались наши информантки, а также последствия для их карьер указывают на то, что эпизоды, определяемые как сексуальный харассмент, не являлись их выбором, частью их сексуальных проектов, желаемыми действиями. Часть медицинского сообщества постепенно учится рефлексировать на тему этики отношений в медицине, однако полноценной солидаризации и артикуляции проблем на высоком уровне пока не происходит.

130

Заключение

Обсуждение проблем сексуального харассмента в российском здравоохранении не происходит активно и не вовлекает большого количества участников дискуссии. Это ставит под вопрос само наличие проблемы — можно ли изучить и критически проанализировать то, о чем не рассказывают и не определяют как проблему в публичном поле? Наше исследование, обращаясь к опыту сотрудников медицинских организаций, находит эпистемологические основания для определения харассмента как ситуации, обнаруживающей интерсекциональные эффекты разных асимметрий власти. Эмоционально-насыщенные нарративы тех, кто столкнулся или наблюдал такие ситуации, позволяют артикулировать харассмент как актуальную проблему для российского здравоохранения, но вместе с тем «приватизированную», то есть непроговариваемую и замалчиваемую.

Опираясь на уже имеющиеся объяснительные модели и теории неравенства, мы обнаруживаем, что за личным негативным опытом

стоят разные структурные и организационные основания: гендерная асимметрия в медицине и конкретных профессиях, профессиональные иерархии, межпоколенческие разрывы, нормализация нежелательных действий, отсутствие этических регламентов и другие. В российском контексте эффекты этих условий дополнительно усиливаются локальной культурой, в которой доминирует неформальность отношений. В поле здравоохранения харассмент остается частным опытом, для описания которого нет языка, а в случае распознавания — нет понятных институтов преодоления. В практическом смысле это означает сложности с поиском «волшебной таблетки» для искоренения харассмента в медицине — он является продуктом множественных асимметрий власти, возникающих на разных уровнях, переплетающихся и взаимодополняющих друг друга.

Библиография / References

Бороздина Е. А. (2016) Забота в родовспоможении: выгоды и издержки профессионалов. *Журнал исследований социальной политики*, 14(4): 479-492.

— Borozdina E. A. (2016) Professional Care in Maternity Hospitals: Benefits and Challenges. *The Journal of Social Policy Studies*, 14(4): 479-492. — in Russ.

131

Международная организация труда (2019) Конвенция 190 об искоренении насилия и домогательств в сфере труда. URL: (https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---gender/documents/publication/wcms_739332.pdf) (дата обращения: 20.09.2023)

— International Labour Office (2019) Convention 190 on the Elimination of Violence and Harassment at Work (https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---gender/documents/publication/wcms_739332.pdf). — in Russ.

Минтруд России (2021) Приказ Минтруда России № 926 от 28 декабря 2021 г. (<https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/2220>) (дата обращения: 20.09.2023)

— Ministry of Labour (2021) Order of the Ministry of Labor of Russia No. 926 of December 28, 2021. (<https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/2220>). — in Russ.

Михель Д. В. (2009) Социальная история медицины: становление и проблематика. *Журнал исследований социальной политики*, 7(3): 295-312.

— Mikhel D. V. (2009) Social History of Medicine: the Development and the Problematics. *The Journal of Social Policy Studies*, 7(3): 295-313. — in Russ.

Пушкарева Н. Л., Мицюк Н. А. (2018) Повивальные бабки в истории медицины России (XVIII — сер. XIX в.). *Вестник Смоленской государственной медицинской академии*, 17(1): 179-189.

— Pushkareva N. L., Mitsuk N. A. (2018) Povivalnye babkas in the history of medicine in Russia (XVIII — Ser. XIX c.). *Bulletin of the Smolensk State Medical Academy*, 17(1): 179-189. — in Russ.

Симонова О., Ядрова Е. (2013) Сообщество средних медицинских сотрудников в области кардиохирургии: социологический анализ эмоционального труда.

П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова (ред.). *Профессии социального государства*, М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ: 91-115.

— Simonova O., Yadrova E. (2013) The community of the nursery staff in cardiac surgery: a sociological analysis of emotional labor. P. V. Romanov, E. R. Yarskaya-Smirnova (eds.). *Professions of the Social State*, Moscow: Variant LLC, CSPGI: 91-115. — in Russ.

Abbott A. (1988) *The system of professions: An essay on the division of expert labor*. University of Chicago press.

Acik Y., Devenci S. E., Gunes G., Gulbayrak C., Dabak S., Saka G. et al. (2008) Experience of workplace violence during medical speciality training in Turkey. *Occupational medicine*, 58(5): 361-366.

Allen D. (1997) The nursing-medical boundary: a negotiated order? *Sociology of Health & Illness*, 19(4): 498-520.

Aristizabal P., Nigenda G., Serván-Mori E. (2019) The precarization of the Mexican nursing labor market: a repeated cross-sectional analysis for the period 2005–2018. *Hum Resour Health*, 17(1): 87.

Bilal A., Ahmed H. M. (2017) Organizational structure as a determinant of job burnout. *Workplace Health & Safety*: 118-128.

132

Borozdina E., Novkunsкая A. (2022) Patient-centered care in Russian maternity hospitals: Introducing a new approach through professionals' agency. *Health*, 26(2): 200-220.

Burn S. M. (2019) The Psychology of Sexual Harassment. *Teaching of Psychology*, 46(1): 96-103.

Colenbrander L., Causer L., Haire B. (2020) "If you can't make it, you're not tough enough to do medicine": a qualitative study of Sydney-based medical students' experiences of bullying and harassment in clinical settings. *BMC medical education*, 20: 1-12.

Conrad P. (1992) Medicalization and social control. *Annual review of Sociology*, 18(1): 209-232.

Cortina L. M., Areguin M. A. (2021) Putting people down and pushing them out: Sexual harassment in the workplace. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, 8: 285-309.

Davies C. (1995) Competence versus care? Gender and caring work revisited. *Acta sociologica*, 38(1): 17-31.

Demirci Ş., Uğurluoğlu Ö. (2020) An Evaluation of Verbal, Physical, and Sexual Violence Against Healthcare Workers in Ankara, Turkey. *Journal of Forensic Nursing*, 16(4): E33-E41.

Fitzgerald L. F., Cortina L. M. (2018) Sexual harassment in work organizations: A view from the 21st century. *APA handbook of the psychology of women: Perspectives on women's private and public lives*: 215-234.

Freidson E. (1970) *Profession of medicine: A study of the sociology of applied knowledge*. University of Chicago Press.

Freidson E. (2001) *Professionalism, the third logic: On the practice of knowledge*. University of Chicago press.

The Committee on the Elimination of Discrimination against Women (1992). *General recommendation № 19*, article 11.18. URL: <https://www.un.org/womenwatch/daw/cedaw/recommendations/recomm.htm> (дата обращения: 20.09.2023)

Grant S. (2022) *Soviet Nightingales: Care under Communism* (p. 336). Cornell University Press.

Hearn J. (1982) Notes on patriarchy, professionalization and the semi-professions. *Sociology*, 16(2): 184-202.

Hirsch J., Khan S. (2019) *Sexual Citizens: A Landmark Study of Sex, Power, and Assault on Campus*. New York: W. W. Norton & Company.

Houle J. N., Staff J., Mortimer J. T., Uggen C., Blackstone A. (2011) The impact of sexual harassment on depressive symptoms during the early occupational career. *Society and mental health*, 1(2): 89-105.

Ilies R., Hauserman N., Schwochou S., Stibal J. (2003) Reported incidence rates of work-related sexual harassment in the United States: Using meta-analysis to explain reported rate disparities. *Personnel Psychology*, 56(3): 607-631.

Kahsay W. G., Negarandeh R., Nayery N. D., Hasanpour M. (2020) Sexual harassment against female nurses: a systematic review. *BMC Nursing*, 19: 58.

Larson M. S. (1977) *The Rise of Professionalism: A Sociological Analysis*. University of California Press.

Litvina D., Novkunsкая A., Temkina A. (2019) Multiple vulnerabilities in medical settings: invisible suffering of doctors. *Societies*, 10(1): 5.

133

Liu J., Gan Y., Jiang H. et al. (2019) Prevalence of workplace violence against healthcare workers: a systematic review and meta-analysis. *Occupational and environmental medicine*, 76(12): 927-937.

Lloyd's Register Foundation (2021). A world of risk: 2021 country overviews. Report 4: Safe at work? URL: https://wrp.lrfoundation.org.uk/country-results-2021-violence-harassment/world_risk_poll_results_2021_violence_harassment_russia.pdf (дата обращения: 20.09.2023)

McDonald P. (2012) Workplace sexual harassment 30 years on: A review of the literature. *International Journal of Management Reviews*, 14(1): 1-17.

McLaughlin H., Uggen C., Blackstone A. (2012) Sexual harassment, workplace authority, and the paradox of power. *American sociological review*, 77(4): 625-647.

Mokhov S., Novkunsкая A. A. (2021) Infrastructural Breaks on the Road from Birth to Death in Contemporary Russia. *Religions*, 12(12): 1115.

Nielsen M. B., Bjørkelo B., Notelaers G., Einarsen S. (2010) Sexual Harassment: Prevalence, Outcomes, and Gender Differences Assessed by Three Different Estimation Methods. *Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma*, 19(3): 252-274.

Quick J. C., McFadyen M. (2017) Sexual harassment: Have we made any progress? *Journal of occupational health psychology*, 22(3): 286.

Riska E. (2001) *Medical careers and feminist agendas. American, Scandinavian and Russian physicians*. New York: Routledge.

Siad F. M., Rabi D. M. (2021) Harassment in Medicine: Cultural barriers to psychological safety. *CJC open*, 3(12): S174-S179.

Sojo V. E., Wood R. E., Genat A. E. (2015) Harmful Workplace Experiences and Women's Occupational Well-Being. *Psychology of Women Quarterly*, 40(1): 10-40.

Stone L., Phillips C., Douglas K. A. (2019) Sexual assault and harassment of doctors, by doctors: a qualitative study. *Medical education*, 53(8): 833-843.

Stratton T. D., McLaughlin M. A., Witte F. M., Fosson S. E., Nora L. M. (2005) Does students' exposure to gender discrimination and sexual harassment in medical school affect specialty choice and residency program selection? *Academic Medicine*, 80(4): 400-408.

Surman J., Rossman E. (2022) New dissidence in contemporary Russia: Students, feminism and new ethics. *New Perspectives*, 30(1): 27-46. <https://doi.org/10.1177/2336825X211067405>

Svensson R. (1996) The interplay between doctors and nurses — a negotiated order perspective. *Sociology of health & Illness*, 18(3): 379-398.

Temkina A., Novkunsкая A., Litvina D. (2022) *Pregnancy and Birth in Russia: The Struggle for "good Care"*. Routledge.

Williams C. L. (1992) The glass escalator: Hidden advantages for men in the "female" professions. *Social problems*, 39(3): 253-267.

Willness C. R., Steel P., Lee K. (2007) A meta-analysis of the antecedents and consequences of workplace sexual harassment. *Personnel psychology*, 60(1): 127-162.

134

Witz A. (1992) *Professions and Patriarchy*. London and New York: Routledge.

Zola I. K. (1972) Medicine as an institution of social control. *The sociological review*, 20(4): 487-504.

Рекомендация для цитирования:

Новкунская А. А., Литвина Д. А., Никитина Д. А., Власова Е. В. (2023) Сексуальный харассмент в контексте медицинских организаций: асимметрии власти, пересечения неравенств, приватизация опыта. *Социология власти*, 35 (3): 111-134.

For citations:

Novkunsкая A. A., Litvina D. A., Nikitina D. A., Vlasova E. V. (2023) Sexual Harassment in the Context of Medical Organizations: Asymmetries of Power, Intersections of Inequalities, and the Privatization of Experience. *Sociology of Power*, 35 (3): 111-134.

Поступила в редакцию: 30.08.2023; принята в печать: 29.09.2023

Received: 30.08.2023; Accepted for publication: 29.09.2023

Анна Н. Алтухова¹

Берлинский университет Гумбольдта, Германия

ORCID: 0000-0002-1822-1026

«Если вдруг что»: Почему интеллектуальную инвалидность так сложно нормализовать в России?

doi: 10.22394/2074-0492-2003-3-135-151

Резюме:

В статье анализируется попытка воплотить в жизнь концепцию «нормализации» инвалидности, и главным образом интеллектуальной инвалидности, в современной России. Появившиеся в 1990-х НКО приложили много усилий, чтобы изменить принципы оказания помощи людям с инвалидностью и реформировать государственную интернатную систему. В качестве альтернативы они предложили так называемое сопровождаемое проживание — специально созданные условия, в которых люди, не имеющие опыта жизни вне стен интернатов, могли бы освоить «нормальный» быт. Однако, как показывает автор, инициативы, которые могли повлиять на интеграцию в общество людей, проживших большую часть своей жизни в интернатах, и положить конец советской сегрегационной политике, ввиду деполитизации своей деятельности и постоянных финансовых кризисов трансформировали заимствованную у западных проектов идею «нормализации», подстроив ее под локальный контекст. Опираясь на теорию «прозрачности» (transparency), предложенную Патриком МакКерни, с одной стороны, и «реалистичного» воображения Винсенто Карпанзано, с другой, автор рассматривает эпистемологию сотрудников НКО и делает предположение о причинах, по которым даже в нормализующем по задумке проекте интеллектуальная инвалидность остается маркером радикального отличия. Фокусируясь в первую очередь на практиках воображения и фантазирования о будущем, статья претендует на то, чтобы показать, как сотрудники одной конкретной НКО вместо того, чтобы отстаивать права своих клиентов и расширять возможности для социализации, эссенциализировали психиатрические диагнозы и фетишизировали надежду на финансовую безопасность, замыкающую бывших сирот с интеллектуальной инвалидностью в статусе «инвалидов».

135

---

1 Анна Н. Алтухова — докторант Университета Гумбольдта в Берлине. Научные интересы: антропология инвалидности и интеллектуальных различий, антропология религии, медицинская антропология. E-mail: anna.altukhova@hu-berlin.de

Ключевые слова: инвалидность, НКО, нормализация, воображение, деполитизация, сопровождаемое проживание, инклюзия

Anna N. Altukhova¹

Humboldt University, Berlin, Germany

In Case of Emergency: Why it is so Hard to Normalize Intellectual Disability in Russia

Abstract:

The article analyzes attempts to “normalize” disabilities, particularly intellectual disabilities, in contemporary Russia. The NGOs that emerged in the 1990s put a lot of work into reforming the long-term state residential care system and changing the principles of care for people with disabilities. They offered so-called assisted living as an alternative — specially created conditions in which people who have no experience of living outside the state institutions can become familiar with a “normal” life. However, as the author shows, due to the depoliticization of their activities and ongoing financial crises, initiatives that could have influenced the integration of people who spent most of their lives in residential institutions — and could have put an end to Soviet segregationist policies have radically transformed the Western idea of “normalization” by adapting it to the local context. By drawing on Patrick McKearney’s theory of “transparency” on the one hand and Vincenzo Carpanzano’s “realistic” imagination on the other, the author examines the epistemology of NGO staff and investigates why, even in an intended normalizing project, intellectual disability still serves as a marker of radical alterity. Focusing primarily on practices of imagination and fantasizing about the future, the article demonstrates how the staff of one specific NGO, instead of advocating for their clients’ rights and expanding socializing opportunities, essentialized the psychiatric diagnoses and intellectual differences of its clients and fetishized the hope of financial security, locking former orphans with intellectual disabilities into the status of “disabled.”

136

Keywords: intellectual disability, imagination, NGO, depoliticization, normalization, assisted living, inclusion

После распада Советского Союза в России стали появляться НКО, которые утверждали, что интернатная система — специальные детские дома-интернаты и психоневрологические интернаты для людей с инвалидностью² — должна быть реформирована, а десятки тысяч людей, которые были практически ее заложниками, имеют

---

1 Anna Altukhova — PhD student at Humboldt-Universität zu Berlin. Scientific interests: anthropology of disability and intellectual differences, anthropology of religion, medical anthropology. E-mail: anna.altukhova@hu-berlin.de

2 О самих этих учреждениях можно прочитать в работах Анны Клепиковой [Клепикова 2018; Клепикова 2019], а также Тома Диснея [Disney 2015].

право на обычную жизнь, вне стен учреждений. В качестве альтернативы они предлагали концепцию «сопровождаемого проживания», к тому моменту уже широко применяемую в западных странах и которая, собственно, и привела к тому, что интернатов в том виде, в каком они существовали в Европе и Америке еще в середине XX века, на сегодняшний момент там практически не осталось (см., например: [Mansell, Ericsson 2013]).

На базовом уровне любой проект, направленный на реинтеграцию людей с инвалидностью в общество, сталкивается со следующими вопросами: в какой помощи нуждается человек, который провел большую часть своей жизни в интернатной системе и имеет весьма скудное представление о том, как устроена жизнь снаружи; на какие принципы нужно опираться в сопровождении и к каким результатам можно прийти, если им следовать. Однако за этими практическими соображениями, которые становятся предметом обсуждения в других дисциплинах, обнаруживают себя социальные феномены, лежащие в плоскости, интересной для антропологов. Попытка возвращения жителей интернатов в общество ставит вопрос, возможна ли «нормализация» тех, кто был исключен из общества «обычных» людей и вследствие многолетней советской сегрегационной политики был выселен за пределы городов [Шек 2005; Fieseler 2013; Phillips 2009].

137

Помимо собственно отсутствия опыта жизни в обществе, более серьезным препятствием к «нормализации» выступает отношение в обществе к неврологическим и психиатрическим диагнозам: шизофрении, психозам, а также интеллектуальным «дефицитам» вроде деменции и умственной отсталости¹. С такими диагнозами человеку значительно сложнее претендовать на статус полноценного гражданина, а иногда и на в полной мере «человеческий» статус в принципе. Это не является исключительно постсоветской проблемой: «идиотия» и «слабоумие»², примерно с середины XIX века оформившись как медицинские диагнозы, маркируют радикально «иных» и на Западе, и в России [Byford 2014, 2017; Goodey 2011; Jones 1999; Trent 1994]. И если интернаты в большинстве своем в других странах удалось закрыть, то стереть границу, разделяющую «их» (людей с диагнозами) и «нас», даже там оказалось гораздо сложнее.

- 1 Только в новой международной классификации болезней (МКБ-11), которая еще официально не переведена и не принята в России, «умственная отсталость» будет называться «нарушение интеллектуального развития».
- 2 Меня как исследователя в первую очередь интересуют интеллектуальные особенности и их социальное значение.

Рассуждая о причинах этого, многие исследователи сосредоточили свое внимание на проблеме «зависимости» и «независимости»¹: поскольку в неолиберальном мире столь высокой ценностью обладает состояние «автономной личности», а именно оно оказывается недостижимым для человека с интеллектуальной инвалидностью, то ему или ей остается довольствоваться ролью объекта патерналистской заботы и не рассчитывать на полную субъектность [Ваггон 2001; Kittay 2007; Walmsley 1993]. С резкой критикой этой идеи несколько лет назад выступил антрополог Патрик МакКерни. Он обратил внимание на то, что даже в тех культурах, где неолиберальное self не так значимо, граница все равно присутствует. Отвечая на вопрос, что же в таком случае ее создает, он обратил внимание на то, что люди с интеллектуальной инвалидностью не вписываются в круг «нормальных» не столько из-за того, что нуждаются в помощи или оказываются зависимы, но вследствие того, что они отвергают те ценности и идеалы, которые им пытаются внушить, и потому — в западном контексте, к примеру — отвергают заботу, которую им хотят оказать [McKearney 2021b: 10-11]. В каком-то смысле можно сказать, что они *бунтари*. Но такие бунтари, как пишет МакКерни в другой статье, которые не представляют никакой опасности: все их замыслы оказываются «слишком прозрачны» (transparent) для тех, кто о них заботится, — во всяком случае им так кажется [McKearney 2021a: 11]. Все их мысли, желания, потребности, способности как будто заранее известны, и доказать обратное человеку с интеллектуальной инвалидностью не удастся. МакКерни видит в этом результат определенной эпистемологии [Ibid.: 14], однако не пишет о причинах ее формирования, и именно это упущение я и собираюсь восполнить. Развернув эпистемологию российских сопровождающих, я также постараюсь ответить на вопрос, какие очертания обрела «нормализация» в российском контексте и как в результате этого осмысляется интеллектуальная инвалидность.

В качестве материала я использую данные, собранные в одном проекте сопровождаемого проживания для людей с интернатным прошлым. Этот проект я буду называть «Зерна надежды», но ввиду легкости его идентификации я вынуждена ограничить количество контекстуализирующей информации и замечу лишь то, что он был основан более чем десять лет назад в маленьком городе относительно недалеко от Москвы и Петербурга, который я называю Каменск.

1 Особенно после того как Нэнси Фрэйзер и Линда Гордон опубликовали свое эссе A Genealogy of “Dependency” [Fraser, Gordon 1994]. Кассандра Хартблей посвятила отдельную статью сложнопереводимости термина *dependency* на русский язык и тому, как в российском контексте инвалидность иначе связана с «автономностью», нежели в западных странах [Hartblay 2014].

Полевая работа проходила в несколько этапов с 2017 по 2020 год, когда я приезжала в «Зерна надежды» иногда на месяц, иногда на более короткие сроки, беседовала с сотрудниками НКО и участниками проекта, проводила включенное наблюдение. Эта статья будет сфокусирована на тех напряжениях, которые возникают между сотрудниками и тех, кого они сопровождают, когда речь заходит о том, к каким идеалам нужно стремиться и каких результатов можно достичь. Начать я хочу с разговора с одним из бывших сирот, бывшим воспитанником детского дома-интерната для детей с глубокой умственной отсталостью¹ Радиком.

Опасные мечты

Одним летним днем Радик, которому на тот момент было 26 лет, пригласил меня на местный стадион — он запланировал пробежку и позвал меня пофотографировать его. Сделав один круг по стадиону, он остановился и вдруг спросил меня, знаю ли я какие-нибудь модельные агентства в Санкт-Петербурге. «А что?» — поинтересовалась я. «Я пойду на подиум, потом у меня будут миллиарды в карманах крутиться. Куплю тачку!» — радостно поделился он со мной своими мечтами. К этому моменту я знала Радика примерно полгода, и это был далеко не первый раз, когда он удивлял меня подобными заявлениями. До этого он столь же внезапно спрашивал, есть ли у него шанс устроиться социальным работником в Москве и ухаживать за пожилыми, или говорил, что собирается работать на конюшне в Подмосковье. Он хотел как можно скорее бросить эту «глухомань», как называл Каменск, и уехать в большой город. Ради этого он часами сидел в социальных сетях и заводил полезные знакомства, разыскивая «спонсоров», которые могли бы поддержать его идеи финансово.

Другие участники проекта, выросшие, как и Радик, в специальном детском доме-интернате, относились к его мечтам как к чепухе.

---

1 Подобные интернаты появились еще в советское время, чтобы отделять от основной массы учеников тех детей, кто не справлялся со школьной программой. Однако уже тогда этот тип учреждений часто функционировал как место, где скапливались, скорее, проблемные и «трудные» дети, а не «инвалиды» [Матюшева 2010: 149]. В постсоветской России, судя по многочисленным проверкам, которые начались с приходом в страну иностранных фондов, значительное число детей, оказавшихся в подобных интернатах, также были неправомерно и ошибочно диагностированы как «олигофрены» [Сох 1997; Hunt 1998: 4-8]. По замечаниям сотрудников «Зерен надежды», это имело место и в том детском доме-интернате, откуда НКО забрала часть воспитанников после достижения совершеннолетия.

Когда заходила об этом речь, они говорили, что мир слишком несправедлив по отношению к ним, и потому подобные мечты просто неисполнимы. Впрочем, это не значит, что некоторые из них не хотели того же. Некоторые замечали, что Радик просто болтун и даже теоретически ни на что подобное не способен. Социальные работники НКО относились к его рассуждениям схожим образом. Так, одна из педагогов «Зерен надежды», Инна, как-то раз сказала мне по этому поводу следующее:

У них всех есть какие-то фантазии по поводу своего будущего. Да, работая в наших социальных мастерских, они могут напридумывать, что вот эта работа надоела, да я пойду устроюсь вот на такую крутую работу, и буду-то я получать там бешеные деньги. Один раз или два где-то на этом обожгутся и уже больше стараются такого не повторять. Хотя не факт! Опять их помянут, и они опять обманутся <...> Ну. С одной стороны, может, и хорошо — стремятся к чему-то большему, с другой стороны, конечно, иногда вот эта завышенная [планка] приводит к таким вот всплескам какой-то агрессии. (Инна, 55 лет, социальный педагог)

140

Не только Инна, но и все остальные сотрудники, обсуждая со мной сложности своей работы, сокрушались, что бывшие жители интернатов не могут смириться со своим положением и постоянно ждут чего-то большего. Но сложность еще состояла в том, что «в силу *заболевания*», как делилась со мной как-то Инна в подобном разговоре, «они потерю денег, потерю еще чего-то, даже вот, допустим, тебе квартиру дали, ты потерял, остался на улице, они и это переживут легко!». Задумавшись, она добавила, что они из-за своих *особенностей* ничего не умеют ценить.

При этом сопровождающие убеждали меня, что *ребята*¹ способны только на работу в специальных мастерских со «снисходительными» условиями труда, потому что они не очень-то и хотят работать и не способны к продолжительному труду. Они «щуплые», «утомляемые» и к тому же склонны к «всплескам агрессии», уверяли меня педагоги. Не могу не заметить, что за работу в мастерских участники проекта получают около трех-четырёх тысяч рублей в месяц, но я ни разу не слышала, чтобы сотрудник размышлял о нехватке мотивации к труду из-за малой зарплаты, к примеру, или отсутствия карьерных перспектив². Не возникали эти размышления

---

1 Так чаще всего сотрудники называют тех, кого сопровождают, и я буду использовать его в тех случаях, когда мне нужно будет отсылать к словам работников НКО.

2 Справедливости ради замечу, что такой взгляд на занятость бывших жителей интернатов и в особенности людей с интеллектуальной инвалидностью

даже тогда, когда бывшие сироты десять месяцев не получали зарплату вовсе, из-за того, что организация переживала финансовый кризис. Более того, в это трудное для НКО время я встречала мнение, что сама идея платить *ребятам* за работу в мастерских была изначально неверной, и, поддавшись на такую блажь, сотрудники только зря обрели себя на лишние жалобы и недовольство.

Сопоставляя взгляды бывших сирот и сопровождающих, нелегко заметить разницу. Сироты не вполне верили в возможность исполнения подобных желаний, но мечтать о них не переставали. Сотрудники, наоборот, ясно предугадывали, что ждет бывших сирот в случае попытки изменить свое положение — провал. Сопровождающие были «реалистами», в терминах Винсенто Крапанзано, иначе говоря, были уверены, что знают, где проходит граница доступного [Crapanzano 2004: 14-17], и хотели бы, чтобы *ребята* усвоили эту перспективу. Однако, как сокрушались многие педагоги НКО, вследствие *заболевания*¹ у бывших сирот не хватало критического отношения к себе и другим, поэтому и согласиться с реальностью они не хотели.

Риски и достижения

141

Примерно через полгода после того летнего разговора на стадионе я сидела в кабинете социального педагога Инны: она была очень взволнована. Никому не сказав, Радик внезапно уехал из Каменска в Москву. Как выяснилось, знакомые волонтеры, приезжавшие когда-то в «Зерна надежды», помогли ему устроиться на работу курьером, а один из них согласился пустить его к себе в квартиру на первое время. Инна не могла поверить, что все это произошло за ее спиной, так неожиданно и стремительно, и что он уехал, не предупредив. Казалось бы, она сама говорила, что *ребята* могут повестись на некие обещания и отправиться куда-то за лучшим будущим, но произошедшее все равно застало ее врасплох. Однако постепенно я поняла, что беспокоила ее далеко не степень опасности этой затеи, и не шансы Радика на лучшую жизнь, и даже не соб-

---

распространен на всем постсоциалистическом пространстве, где именно эта категория людей наименьшим образом встроена в свободный рынок труда и чаще всего получает «чисто символическую оплату» за работу в закрытых мастерских (см. подробный обзор: [Mladenov 2018: 31-35; Mladenov, Petri 2020]).

- 1 Разбирая слова сотрудников, строго разделить *заболевание* как медицинский диагноз, имеющий какие-то биологические основания, и нехватку социализации, как и во многих других проектах, оказывается невозможно [см.: McKearney, Zoanni 2018].

ственные размышления относительно того, на что способны бывшие сироты. Больше всего тревог у нее вызывало другое: что теперь с его сбережениями?

Потому что Радик, он, понимаете, нам хочется уйти и улететь, убежать и забрать все деньги. Вот самый главный их¹ вопрос ухода из «Зерен надежды» — забрать мои деньги. Понимаете, забрать мои деньги — вот это самый главный вопрос. Потом остаться полностью без денег, и будь как будет. (Инна, 55 лет, социальный педагог)

142

Все время, с того момента, как Радик вышел из интернатной системы — около шести лет назад, Инна как социальный педагог помогла ему откладывать понемногу с пенсии по инвалидности и зарплаты в мастерской НКО, где Радик работал до отъезда в Москву. Для того чтобы с этой не слишком значительной суммой (около 16 тысяч рублей в месяц) действительно можно было хоть что-то сэкономить и отложить на будущее, все деньги и сберегательная книжка Радика хранились в офисе НКО, как и книжки всех остальных участников проекта. Человек мог получить деньги из офиса только на очень конкретные нужды и только после согласования с педагогом. «А теперь, — взволнованно поделилась со мной своими опасениями Инна, — он же мог сделать электронную копию сберегательной книжки! А я одна, без него, не могу проверить, лежит или не лежит [сумма на счету], но я надеюсь, что [она] есть». Оставив пока в стороне напрашивающиеся размышления о том, в какой мере Радик вдруг оказался «непрозрачен» для педагогов, я хочу сфокусироваться на том, как сотрудники НКО осмыслили свою работу и почему именно такие беспокойства у них возникали.

Сопровождение взрослого человека, который провел большую часть своей жизни внутри интернатной системы, — не самая тривиальная задача. Побывав лично в нескольких проектах и наблюдая онлайн за деятельностью других, я могу обобщить основные заботы их сотрудников. С одной стороны, сопровождающие должны показать, как устроена социальная реальность за пределами интернатов, как в ней ориентироваться, какие в ней вообще есть ниши для человека, который еще в детстве получил ярлык «необучаемый», поэтому был лишен школьного образования, и едва умеет считать и писать. С другой стороны, от этих же сотрудников требуется немало усилий для того, чтобы обеспечить ресоциализацию бывших сирот: создать или найти рабочие места, озаботиться профессио-

---

1 Инна говорит во множественном числе, потому что не только Радик сбегал из Каменска, с одной стороны, а с другой — «уйти» из НКО можно было, и не уезжая из города, а просто порвав отношения с организацией.

нальным образованием или найти образовательное учреждение, которое возьмет на себя обучение особой группы людей, помочь в освоении базовых социальных компетенций вроде ориентирования во времени и чтения.

Однако наблюдая за сотрудниками «Зерен надежды», я поняла, что большинство из них занимались совсем другими вещами. Особенно явно я осознала это, когда как-то раз Жанна, одна из педагогов, с гордостью поделилась со мной результатами работы их организации:

Я вот вспоминаю, я еще в офис пришла, я тоже не понимала. Вот тогда Васильев жил у нас, на съемном жилье. И я тогда тоже не поняла, какая моя работа. И я вот так: ну хорошо, мы стараемся их забрать [из интерната], мы стараемся их обучить, ну а проживать-то где они будут? Пожизненно на съемном жилье? <...> [а сейчас] даже вот у нас такие богатые ребята! Что вот и у Стаса с Алисой две квартиры! Коля с Ниной — тоже две, причем двухкомнатные! Вот видите, какой у нас результат-то, да! Начинали-то мы с нуля! (Жанна, 65 лет, социальный педагог)

Жанна высказала в тот раз не какую-то уникальную мысль: приезжая в Каменск на протяжении нескольких лет, я не раз слышала, что сотрудников беспокоил именно жилищный вопрос. В качестве чуть ли не основной цели они ставили то, чтобы максимальное количество *ребят* получили квартиры от государства. Как сироты они могли рассчитывать на это¹, но из-за того, что в раннем детстве получили диагноз и инвалидность, органы опеки по своей инициативе им в такой возможности отказали. В результате, доказывая незаконность этих решений, НКО приходилось вести многолетние судебные процессы. Однако одной квартирой жилищный вопрос не заканчивался. Сопровождающие старались добиться, чтобы у всех бывших сирот появились (или сохранились) хотя бы минимальные накопления, чтобы сделать ремонт в той самой полученной от государства квартире. Как я сказала выше, сделать это было не так-то просто, учитывая небольшой размер пенсии и зарплаты бывших сирот. В то время как сами сироты хотели забрать все деньги и пустить все по ветру, педагогам приходилось их постоянно сдерживать, с одной стороны, убеждая, что все эти фантазии беспочвенны, а с другой, усиленно направляя воображение *ребят* к «верному» горизонту — обставленной мебелью собственной жилплощади. Педагоги не без оснований опасались, что бывшие сиро-

1 Согласно Федеральному закону № 159 «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 21.12.1996.

ты очень легко могут оказаться на улице, без крыши над головой¹, поскольку были слишком «наивны» и «доверчивы», а в мире полно людей, готовых обмануть и отобрать последнее. Этому они учили и *ребят*.

Некоторые участники проекта действительно хорошо усвоили эту перспективу. Так, девушка Альбина, которая методично, по совету педагогов, откладывала со своей пенсии деньги на новый комод, линолеум и шторы, сама мечтала хотя бы еще об одном компакт-диске с любимой музыкой: она могла позволить себе только три в год. Кроме того, как-то раз мы болтали с ней вечером, и она рассказала, что подозревала продавщицу в ларьке, что та пытается обмануть ее и продать вместо лимонада пиво. Я усомнилась в возможности такой подмены, на что Альбина со строгостью заявила «я никому вообще не доверяю!».

144 Мои рассуждения не служат цели разоблачить сотрудников или приукрасить бывших сирот, которым действительно бывает непросто в постинтернатной жизни, даже если у них нет психиатрических диагнозов [Rockhill 2004: 144-146]. Участники проекта «Зерна надежды» — не исключение. Некоторые из них оказывались втянуты в преступные схемы или попадали в передраги, которые заканчивались судами и влекли прочие неприятности, вроде принудительного лечения в психиатрической больнице. Вместе с тем этот текст — прежде всего размышление о механике социального воображения и тех способах, каким оно может направляться и ограничиваться. Жиль Делёз в работе, посвященной Юму [Делёз 2001], показывает, как субъект постепенно конституирует себя, сдерживая собственные фантазии и питая воображение верными аффектами. Однако не все субъекты сами способны усвоить «правильные» границы для воображения; для этого в обществе есть разнообразные институты, чья работа заключается в направлении воображения отдельных субъектов в «верное» русло [Sangren 2013]. НКО для бывших жителей интернатов — лишь один пример (ср. психологические сервисы для проблемных подростков: [Matza 2014]). Один из способов работы с чужим воображением — возбуждение определенных аффектов, привязанности (attachment) к страху потери или навязчивой (obsessive) надежды на победу над неопределенностью [Patel 2006, 2007]. Пробуждая эти аффекты, институты (сервисы, страховые компании, как в случае Гиты Пател) фетишизируют фигуру заботящегося, в чьи руки субъект должен вверить себя [Patel 2007:

1 Уместно вспомнить этнографию Тове Хойдестранд о бездомных в Петербурге, часть из которых в прошлом собственно была сиротами [Höjdestrand 2011].

107]. Та же девушка Альбина, которая не доверяла ни одному продавцу, несколько раз пламенно убеждала меня, что мечтает жить с педагогами «вечно»¹. Но почему, собственно, сопровождение в этом проекте обрело именно такие очертания?

Тревоги о будущем

«Нормализация» инвалидности и «деинституционализация»², начавшиеся в России почти исключительно благодаря деятельности отдельных НКО еще в 1990-х, до сих пор реализуется преимущественно ими. Они стали главной формой проявления гражданской активности на всем постсоциалистическом пространстве, что получило особый термин NGO-isation [Mladenov 2018: 83], и именно негосударственные организации стали проводниками политики инклюзии (во всем ее многообразии) в российском обществе [Borodina 2023: 3]. Однако вследствие целого ряда политических процессов, происходящих в России начиная с середины 2000-х, все НКО, которые мне известны, стали переживать волны кризисов, связанных с финансированием³ и потерей «общественного» доверия. Это поставило под вопрос их статус агентов-реформаторов и вообще возможность реформы: так, закон о распределенной опеке, ключевой для деинституционализации, который выдвинула группа НКО еще в 2013 году⁴, до сих пор заблокирован правительством. Государство в принципе, скорее, старается воспрепятствовать смене парадигмы, к примеру, меняя законы об оказании психиатрической помощи⁵, планируя постройку новых интернатов или отказываясь возбуждать уголовные дела в отношении тех директоров ПНИ, где люди умирают от истощения⁶.

145

- 1 Впрочем, далеко не все бывшие сироты так легко соглашались с предлагаемой схемой. Радик, который хотел навсегда покинуть Каменск и сбросить с себя заботу НКО, — лишь один из подобных примеров.
- 2 То есть реформирование интернатной системы, направленное на закрытие крупных учреждений и на интеграцию людей с инвалидностью в общество.
- 3 Даже самая базовая текущая деятельность временами нередко требовала огромных усилий для поддержания [Borodina 2023; Mladenov 2018: 90; ср.: Gevorgianiene, Sumskiene 2017].
- 4 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3688438> (дата обращения: 11.12.2023)
- 5 URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/07/21/986288-gosduma-prinyala-popravki-v-zakon-o-psihiatricheskoi-pomoschi> (дата обращения: 10.08.2023)
- 6 <https://www.vademec.ru/news/2023/07/12/vlasti-peterburga-ne-nashli-narusheniy-v-pni-10-posle-smerti-shesti-patsientov/> (дата обращения: 10.08.2023)

Организация «Зерна надежды», появившись в начале 2000-х, пыталась влиять на как минимум региональную политику, вступала в объединения с другими НКО, сотрудничала с крупными международными организациями, разрабатывала стандарты и устраивала публичные разбирательства в отношении директоров некоторых ПНИ. Однако к 2013 году¹ это направление деятельности угасло, и часть молодых сотрудников, его продвигавших, ушла. Параллельно нарастали сложности, связанные с самим существованием НКО. За время полевой работы я слышала или наблюдала сама несколько больших кризисов: выше я уже упоминала про невыплату зарплат *ребятам*, но многие сопровождающие временами тоже не получали денег. В такие периоды сотрудники во время обычных рутинных дел часто повторяли: «Я не знаю, что дальше-то будет... будут ли какие-то у нас деньги». «Мы ж не знаем, как долго, как наша организация [будет существовать], да, мы, конечно, постарались у них в квартирах сделать ремонты хорошие. Знаете, чтобы их деньги не протранжирились»; «главное, что, *если вдруг что*, худо-бедно они жить смогут, понимаете?» Ощущение непреодолимого кризиса, охватившего всю сферу инклюзии, риск исчезнуть и вместе с тем оставить всех опекаемых на произвол судьбы — оказался частью повседневных размышлений оставшихся работников НКО, большинство из которых — женщины старше 50–60 лет, всю жизнь прожившие в Каменске и хорошо помнящие предыдущий кризис перестройки, упадок доверия, зыбкость социальных связей и крах привычной реальности [ср.: Алымов 2011: 21–22; Рис 2005: 177–179].

146

Я полагаю, что именно это повлияло на становление той формы «нормализации», какую я встретила в этом проекте в конце 2010-х. Воображаемые горизонты, к которым двигалась НКО в начале своей деятельности, оказались мнимыми и недостижимыми. А сама идея «нормальной жизни» людей с интеллектуальной инвалидностью в современной России, где даже сотрудникам НКО, ответственной за инклюзию, не ясно, на каких устойчивых основаниях можно было бы построить стабильную модель сопровождения, вызывала все больше сомнений. Не могло это не сказаться и на том, к чему сопровождающие готовили бывших жителей интерната и какое будущее пытались обеспечить еще более прекарным, чем они сами, субъектам².

1 Ключевой поворотный момент для государственной политики, связанной с сиротством, — «закон Димы Яковлева», принятый в самом конце 2012 года.

2 О том, почему человек с инвалидностью, несмотря на пенсии и льготы, является прекарным субъектом см.: [Phillips 2010: 86, 179–180].

Антрополог Сара Филлипс, написавшая книгу о жизни людей с проблемами опорно-двигательного аппарата в Украине 2000-х, отмечала постоянное напряжение в размышлениях своих собеседников: они или боролись за статус полноценных граждан, отвергая инвалидность, или полагались на нее (и те льготы, которая она сулит), занимая позицию того, кто получает помощь [Phillips 2010: 89-92]. Человеку, имеющему психиатрический диагноз и прожившему всю жизнь в системе интернатов, в принципе сложнее реализовать первый сценарий¹, поэтому особенно важно то, в какую сторону этих условных качелей склоняют его дополнительные агенты — НКО. В моем случае — «Зерна надежды», которая в начале своей деятельности пыталась пристраивать бывших сирот на открытый рынок труда, помогала кому-то из них снимать диагноз, в середине 2010-х изменила свои принципы: человеку с интернатным прошлым и инвалидностью второй группы предлагалось забыть про преодоление инвалидности и, наоборот, сильнее полагаться на такие отношения с государством, которые можно было в терминах Кэтрин Вердери называть «социалистическим патернализмом» [Verdey 1996: 24, 63], то есть надеяться на пенсию и квартиру, которую с какой-то вероятностью можно было получить.

147

Выводы

Деполитизация НКО в принципе и НКО, прицельно занимающихся инклюзией, на всем постсоциалистическом пространстве — тема, на которую написано множество работ [см.: Borodina 2023; Fröhlich 2012; Toepfer, Fröhlich 2020]. Самое важное проявление этого процесса заключается в том, что НКО, начинавшие свою работу как агенты реформ, к началу 2010-х стали все больше ощущать те угрозы, которые несло в себе клеймо активистов, в частности финансовые, и постепенно вычистили политические акценты из своей деятельности. Теодор Младенов, исследователь этой сферы на постсоциалистическом пространстве, замечает, что это привело к тому, что главенствующей осталась «медицинская модель» инвалидности, в рамках которой инвалидность понимается как индивидуальная проблема, которую нужно компенсировать в частном порядке [Mladenov 2009: 40]. С этим сложно не согла-

1 Однако не могу не вспомнить, что, к примеру, в США люди с интеллектуальной инвалидностью в 1970-1980-х гг. сами создавали объединения и выступали в защиту своих прав [Carey 2009: 155-157], а в Советском Союзе некоторые жители ПНИ пытались бороться за свои права прямо изнутри самих учреждений [White 1999: 32, 37, 47-48].

ситься, однако авторы, поднимающие проблему деполитизации, чаще всего работают с большими массивами интервью, собранными с представителями разных НКО, поэтому не вполне ясно, как именно этот процесс сказывается на повседневной работе конкретного проекта. Я полагаю, что те материалы, которые я представила в этой статье, восполняют этот пробел и показывают, как переживание перманентного кризиса, с чем столкнулась организация «Зерна надежды», буквально повлияло на эпистемологию сопровождающих и на возможность «нормализации» тех, кого предполагалось включить в общество.

Патрик МакКерни увидел, что человек с интеллектуальной инвалидностью «прозрачен» для тех, кто о нем заботится, я же предлагаю увидеть, что в российском контексте в первую очередь сама социальная реальность оказывается заранее известной: она не обещает ничего хорошего и не поддается трансформации. Предсказуемость провала бывших жителей интернатов в таких обстоятельствах оказывается лишь закономерным следствием: сотрудники НКО, столкнувшиеся с многообразными кризисами и угрозой закрытия организации, буквально предвидели (почти *clairvoyance* «эмпирицизма» Крапанзано [Stapanzano 2004: 16-17]) неудавшуюся ресоциализацию своих клиентов. В их глазах у бывших сирот почти не было шанса без помощи НКО, но прежде всего без государства, единственного стабильного актора в этой реальности.

148

Таким образом, процесс «нормализации» инвалидности, который начался в России с приходом иностранных фондов и опоры на западные образцы инклюзии, приобрел весьма специфические формы. Так, «нормализация» вместо борьбы за права, расширения диапазона возможностей для бывших жителей интернатов стала выглядеть как фетишизированная мечта о персональной финансовой безопасности, складывающейся из квартиры с ремонтом, пенсии по инвалидности и накоплений — вещей, которые хотели иметь и сами сопровождающие, получающие за свою работу немногим больше пенсии по инвалидности своих клиентов. Поэтому, продолжая спор МакКерни с другими авторами, я также хочу заметить, что вопрос «автономии» или «зависимости» субъекта с инвалидностью является в российском контексте далеко не первостепенным. Куда важнее оказывается способность субъекта думать о будущем «реалистично», не поддаваясь на лишние фантазии или не впадая в «иллюзии» относительно своих собственных возможностей и доступных перспектив. Главная проблема бывших сирот, по мнению сотрудников, была в том, что они не могли сдерживать свое воображение, питая его ненужными аффектами, они были буквально охвачены «подделкой» [Делез 2001: 65-66], чем и подтверждали для работников НКО свое *заболевание*.

К слову сказать, через год Радик вернулся в Каменск, так и не найдя съемной квартиры, однако он продолжил мечтать о том, что когда-нибудь снова вернется в Москву. Есть ли у «нас» способ теперь иначе посмотреть на его мечты?

Библиография / References

Алымов С. С. (2011) «Перестройка» в российской глубинке. *Антропологический форум*, (15-online): 3-54.

— Alymov S. (2011). “Perestroika” in the Russian Provinces. *Antropologicheskij forum*, (15- online): 3-54. — in Russ.

Делёз Ж. (2001) *Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза*. М.: ПЭР СЭ.

— Deleuze J. (2001) *Empiricism and Subjectivity: An Essay on Hume’s Theory of Human Nature. Kant’s Critical Philosophy: The Doctrine of the Faculties. Bergsonism. Spinoza*. MOSCOW: PER SE. — in Russ.

Клепикова А. (2018) *Наверно, я дурак: антропологический роман*. Европейский университет в Санкт-Петербурге.

— Klepikova A. (2018) *Probably I’m an Idiot*. European University at Saint-Petersburg. — in Russ.

Матюшева Т. Н. (2010) Правовое регулирование образования детей-сирот, детей-инвалидов и детей с девиантным поведением в дореволюционной России и в СССР. *Современное право*, (6): 147-151.

— Matjusheva T. (2010) Legal Regulation of Formation of Children-orphans, Children-invalids and Children with Deviant Behavior in Pre-revolutionary Russia and in the USSR. *Sovremennoe Pravo*, (6): 147-151. — in Russ.

Рис Н. (2005) *Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки*/Пер. с англ. Н. Н. Кулаковой и В. Б. Гулиды. М.: Новое литературное обозрение.

— Ries N. (2005) *Russian Talk: Culture and Conversation during Perestroika*. М.: Novoe literaturnoe obozrenie. — in Russ.

Шек О. С. (2005) Механизмы воспроизводства вторичного социального статуса инвалида в СССР. *Журнал исследований социальной политики*, 3(2): 241-258.

— Shek O. (2005) Mechanisms of Reproducing the Secondary Social Status of the Disabled in the USSR. *The Journal of Social Policy Studies*, 3(2): 241-258. — in Russ.

Barron K. (2001) Autonomy in Everyday Life, for whom? *Disability & Society*, 16(3): 431-447.

Borodina S. (2023) Russia’s Domestication of Disability Inclusion. *Problems of Post-Communism*, 1-11. DOI: 10.1080/10758216.2023.2176322

Byford A. (2014) The Mental Test as a Boundary Object in Early-20th-century Russian Child Science. *History of the human sciences*, 27(4): 22-58.

- Byford A. (2017) The Imperfect Child in Early Twentieth-century Russia. *History of education*, 46(5): 595-617.
- Carey A. C. (2009) *On the Margins of Citizenship: Intellectual Disability and Civil Rights in Twentieth-century America*. Temple University Press.
- Cox C. (1997) Research, Reform and New Hope for Russian Orphans and Abandoned Children. *Crim. Behav. & Mental Health*, (7): 111-116.
- Crapanzano V. (2004) *Imaginative horizons: an essay in literary-philosophical anthropology*. University of Chicago Press.
- Disney T. (2015) *The Role of Emotion in Institutional Spaces of Russian Orphan Care: Policy and Practical Matters*. P. Kraftl, M. Blazek (eds.) Children's emotions in policy and practice: Mapping and making spaces of childhood, London: Palgrave Macmillan UK: 17-33.
- Fieseler B. (2013) *Soviet-style Welfare: The Disabled Soldiers of the "Great Patriotic War"*. M. Rasell, E. Iarskaja-Smirnova (eds.) Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union: History, policy and everyday life, Routledge: 36-59.
- Fraser N. & Gordon L. (1994) A genealogy of dependency: Tracing a keyword of the US welfare state. *Signs: Journal of women in culture and society*, 19(2): 309-336.
- Fröhlich C. (2012) "Civil society and the state intertwined: the case of disability NGOs in Russia". *East European Politics*, 28 (4): 371-389.
- 150 Gevorgianiene V. & Sumskiene E. (2017) PS for post-Soviet: A glimpse to a life of persons with intellectual disabilities. *Journal of Intellectual Disabilities*, 21(3): 235-247.
- Goodey C. F. (2011) *A history of intelligence and "intellectual disability": The shaping of psychology in early modern Europe*. Taylor & Francis.
- Hartblay C. (2014) A genealogy of (post-) Soviet dependency: disabling productivity. *Disability Studies Quarterly*, 34(1).
- Höjdestrand T. (2011) *Needed by nobody: homelessness and humanness in post-socialist Russia*. Cornell University Press.
- Hunt K. (1998) *Abandoned to the state: Cruelty and neglect in Russian orphanages* (Vol. 2156). Human Rights Watch.
- Jones K. W. (1999) *Taming the troublesome child*. Harvard University Press.
- Kittay E. F. (2007) *Beyond Autonomy and Paternalism: The Caring Transparent Self*. T. Nys, D. Yvonne, V. Toon (eds.) Autonomy and paternalism. Reflections on the theory and practice of health care, Peeters Publishers: 23-70.
- Klepikova A. (2019) Residential Care Institutions for People with Disabilities in Russia: Questioning Totality. *Журнал исследований социальной политики*, 17(3): 453-464.
- Mansell J. & Ericsson K. (2013) *Deinstitutionalization and community living: Intellectual disability services in Britain, Scandinavia and the USA*. Springer.
- Matza T. (2014) The Will to What? Class, Time, and Re-Willing in Post-Soviet Russia. *Social Text*, 32(3): 49-67.
- McKearney P. (2021) The Limits of Knowing Other Minds: Intellectual Disability and the Challenge of Opacity. *Social Analysis*, 65(1): 1-22.
- McKearney P. (2021) What Escapes Persuasion: Why Intellectual Disability Troubles

- “Dependence” in Liberal Societies. *Medical Anthropology*, 40(2): 155-168.
- McKearney P. & Zoanni T. (2018) Introduction: For an anthropology of cognitive disability. *The Cambridge Journal of Anthropology*, 36(1): 1-22.
- Mladenov T. (2009) “Institutional Woes of Participation: Bulgarian Disabled People’s Organisations and Policy-making”. *Disability & Society*, Vol. 24, No. 1: 33-45.
- Mladenov T. (2018) *Disability and postsocialism*. Routledge.
- Mladenov T. & Petri G. (2020) Critique of Deinstitutionalisation in Postsocialist Central and Eastern Europe. *Disability & Society*, 35(8): 1203-1226.
- Patel G. (2006) Risky Subjects: Insurance, Sexuality, and Capital. *Social Text*, 24(4): 25-65.
- Patel G. (2007) Imagining Risk, Care and Security: Insurance and Fantasy. *Anthropological Theory*, 7(1): 99-118.
- Phillips S. D. (2009) “There are no Invalids in the USSR!” A Missing Soviet Chapter in the New Disability History. *Disability studies quarterly*, 29(3).
- Phillips S. D. (2010) *Disability and mobile citizenship in postsocialist Ukraine*. Indiana University Press.
- Rockhill E. K. (2004) Social Orphans and the Neblagopoluchnaia Family: The Cycle of Child Displacement in the Russian North. *Sibirica*, 4(2): 132-149.
- Sangren P. S. (2013) The Chinese Family as Instituted Fantasy: Or, Rescuing Kinship Imaginaries from the “Symbolic”. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 19(2): 279-299.
- Toepler S. & Fröhlich C. (2020) Advocacy in Authoritarian Contexts: The Case of Disability NGOs in Russia. *International Journal of Sociology and Social Policy*, 40(11/12): 1473-1489.
- Trent Jr. J. W. (1994) *Inventing the feeble mind: A history of mental retardation in the United States* (Vol. 6). Univ of California Press.
- Verdery K. (1996) *What was socialism, and what comes next?* Princeton University Press.
- Walmsley J. (1993) Contradictions in Caring: Reciprocity and Interdependence. *Disability, Handicap & Society*, 8(2): 129-141.
- White A. (1999) *Democratization in Russia under Gorbachev, 1985–91: The Birth of a Voluntary Sector*. Springer.

Рекомендация для цитирования:

Алтухова А. Н. (2023) «Если вдруг что»: Почему интеллектуальную инвалидность так сложно нормализовать в России? *Социология власти*, 35 (3): 135-151.

For citations:

Altukhova A. N. (2023) In Case of Emergency: Why it is so Hard to Normalize Intellectual Disability in Russia. *Sociology of Power*, 35 (3): 135-151.

Поступила в редакцию: 11.10.2023; принята в печать: 27.10.2023

Received: 11.10.2023; Accepted for publication: 27.10.2023

ОЛЬГА К. ОХОТНИКОВА¹

Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана, Мюнхен, Германия
ORCID: 0000-0002-9455-6370

Паспорт увечного война: медицинская экспертиза и бюрократические практики обращения с инвалидной телесностью в 1917–1918 гг.

doi: 10.22394/2074-0492-2003-3-152-184

Резюме:

Статья посвящена вопросам, связанным с получением статуса военного инвалида и изменениями в политиках и правилах этого процесса в России в пореволюционный период. Внимание сфокусировано на процедуре медицинского освидетельствования, регулирующих ее бюрократических практиках и их документальных формах. Ключевая роль освидетельствования для материального состояния и устойчивости статуса военного инвалида обусловили объем требований, недовольства и призывов изменить действовавшую с начала Первой мировой войны систему. Это стало возможным с появлением в 1917 г. новых государственных институций помощи (от Министерства государственного призрения до действовавшего впоследствии Народного комиссариата социального обеспечения) и форм самоорганизации (Союз увечных воинов). Обсуждения проблемы военных инвалидов в ходе организационных изменений периода 1917–1918 гг. анализируются в докладе с точки зрения участвующих в них агентов, их институциональных позиций и мотиваций. Эти дискуссии рассматриваются как пространство производства знания об инвалидном теле и в то же время осуществления контроля над ним, что поднимает целый ряд вопросов о существовавших и предлагавшихся таксономиях болезней и увечий, методах их диагностики и экспертных сообществах, включенных в определение инвалидности. Особое внимание уделяется позиции и роли самих военных инвалидов, расширявших в условиях пореволюционного периода сферу действий через отсылки к «завоеванному» ими праву голоса. Основываясь на архивных фондах государственных институций помощи и отделений Союза увечных воинов,

152

---

1 Ольга Константиновна Охотникова — аспирантка Института истории Восточной и Юго-Восточной Европы, Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана. Научные интересы: социальная история медицины, история Первой мировой войны, исследования инвалидности. E-mail: ok.okhotnikova@mail.ru

законодательных актах и периодических изданиях, в статье будет показано, как усиливавшаяся детализация в отношении к пораженному телу обосновывалась в качестве блага для государства и для увечного воина, каким было собранное вокруг инвалидного тела экспертное сообщество и какую роль акт о результатах медицинского освидетельствования играл в коммуникации между военным инвалидом и государственными институциями помощи.

Ключевые слова: военные инвалиды, освидетельствование, медицинская экспертиза, Первая мировая война, инвалидная телесность

Olga K. Okhotnikova¹

Ludwig-Maximilian University of Munich, Germany

The Passport of the Maimed Warrior: Medical Expertise and Bureaucratic Practices in Treating the Disabled Body in 1917-1918

Abstract:

This article focuses on the issues related to obtaining the status of a military invalid and the changes in the policies and rules of this process in Russia in the post-revolutionary period. Particular attention is paid to the process of medical examination, its bureaucratic practices and forms of documentation. The key role of the examination for the material well-being and stability of the status of a military invalid led to several demands, dissatisfactions and calls for changes in the system that had been in place since the beginning of World War I. This became possible with the emergence of new state aid institutions in 1917 (from the Ministry of State Patronage to the later People's Commissariat of Social Welfare) and forms of self-organisation (the Union of Maimed Warriors). The problem of military invalids during the organisational changes of 1917-1918 is analysed from the perspective of the actors involved, their institutional positions and their motivations. These discussions are seen as a space to produce knowledge about the disabled body, as well as to control over it, and raise a number of questions about existing and proposed taxonomies of disease and injury, methods of diagnosis, and communities of experts involved in determining disability. Special attention is paid to the position and role of the military invalids themselves, who, in the conditions of the post-revolutionary period, expanded their sphere of action by referring to the "conquered" right to vote. On the basis of archival material from state relief institutions and departments of the Union of Maimed Warriors, legislative acts and periodicals, the article shows how the increasing concretization of the affected body was justified as a benefit to the state and to the disabled warrior, what community of experts was gathered around the disabled

153

1 Okhotnikova Olga Konstantinovna — PhD student, Institute of Eastern and South-Eastern European History, Ludwig-Maximilian University of Munich, Germany. Research interests: social history of medicine, history of World War I, disability studies. E-mail: ok.okhotnikova@mail.ru

body, and what role the Act on the Results of Medical Examination played in the communication between a military invalid and state relief institutions.

Keywords: military invalids, physical examination, medical expertise, World War I, disabled corporality

Введение

Увеличение с 1914 года социальной группы военных инвалидов¹ в Российской империи ставило перед государством задачи как далекого плана — восстановление трудоспособности инвалидов, так и более насущные — обеспечение их пенсиями. В этом процессе ключевую роль играло медицинское освидетельствование, проводимое специальными комиссиями.

Для современных исследований инвалидности характерно влияние культурного поворота, позволяющего анализировать классифицирующее и патологизирующее значение таксономий и статистических расчетов в отношении инвалидного тела [Snyder, Mitchell 2006: 5], и отказываться от изолированного понимания инвалидности вне социального контекста, конструирующего отдельные тела как несоответствующие «иллюзорным нормам или стандартам» [Russell, Iarskaia-Smirnova 2014: 2]. Отталкиваясь от предложенной М. Фуко концепции биополитики [Foucault and the government of disability 2005], авторы концентрируются на дискурсах о статусе и понятии инвалидности, рассматривая социальную политику как инструмент контроля и распространения власти и высвечивая стоящие за представлениями об инвалидности концепции гражданства, здоровья и разнообразия [Ярская-Смирнова, Романов 2009; Шек 2005]. Культурный поворот был воспринят и историографией военной инвалидности, акцентирующей внимание на представлениях о теле, агентности ветеранского сообщества и эмоциональной стороне проживания опыта военной инвалидности [Carden-Coyne 2009; Jackson 2019; Malone 2013].

Несмотря на существование работ про российский контекст в данном ключе [Зумпф 2014а; Зумпф 2014b; Sumpf 2015], исследования военной инвалидности в пореволюционный период чаще склоняются к институциональной перспективе, рассматривая окончательный отход от «христианско-филантропической» [Ковалев, Новосельцев, Савин 2018: 828] модели призрения калек и становление современной

---

1 Общее число увечных воинов, по разным статистическим данным, составляло от 400 до 700 тыс. человек [Катцина 2017: 111; Россия в мировой войне 1925: 4].

социальной политики в отношении пострадавших, которая ориентировалась на превалирующую роль государства — иными словами, как осуществлялся переход от благотворительной помощи к социальному обеспечению. Основными объектами исследований предстают появляющиеся и угасающие институты и общественные организации, законодательные инициативы и воплощенные меры в отдельной сфере или местности [Еремин 2006; Степочкина 2014; Семячкова 2017], а главным критерием становится степень успешности государственных и общественных усилий в зависимости от экономического и политического контекста, преемственности или разрыва политик. Исследования военной медицины заимствуют институциональную логику, рассматривая организацию медицинской деятельности на фронте или развитие медицинской науки в условиях и вследствие военного времени [Russian and Soviet health care from an international perspective 2017; Battlefield medicine 2011; Reid 2017], мало внимания уделяя роли врачей в послевоенном восстановлении инвалида.

Перечисленные направления историографии, однако, исключают из поля зрения процесс обретения статуса военного инвалида — его переход от раненого в лазарете до получателя пенсии. Кроме очевидно стоящих за этим процессом логик государственного контроля и роли медицинских экспертов, в случае российского контекста представляется интересным рассмотреть попытки изменений политик и правил получения этого статуса, того, чем они были вызваны и с каких позиций аргументировались. Центробежные силы политических и экономических изменений 1917–1918 гг. затронули и сферу помощи военным инвалидам, ставших как действующими элементами политических дискурсов, так и объектами меняющейся социальной политики — помощь увечным воинам находилась в поле зрения и созданного уже весной 1917 года Министерства государственного призрения, и существовавшего после Народного комиссариата социального обеспечения [Катцина 2005; Катцина 2018]. Сужая фокус до изменений, касавшихся пенсий и связанных с ними бюрократических и медицинских процедур, я ставлю вопрос о том, что в начатых при Временном правительстве и продолжившихся позднее изменениях, как обсуждаемых, так и осуществленных, было действительно нового и на каком уровне? Для анализа революционного контекста, в котором происходили обсуждения и изменения, продуктивным представляется использование вводимого Дж. Ло понятия «хинтерланда», понимаемого им как «практики прилаживания друг к другу разрозненных вещей», производства «более или менее рутинизированных реалий и утверждений о них» [Ло 2015: 73–75] — того, что определяет пространство «возможностей, невозможностей и вероятностей» реальности. Стремительность и многообразие трансформаций, происходивших на территории пореволюционной России, по-

звolyет говорить о периоде 1917–1918 гг. как о времени реорганизации хинтерланда социальной политики, более гибком и неустойчивом пространстве «возможностей» и «вероятностей» реальности, подвергавшейся изменениям не только на институциональном уровне, но дискурсивном и прагматическом.

Второй интересующий меня вопрос касается отношения к пораженному телу военного инвалида: каким оно было и как проявлялось в таксономии болезней и увечий, режимах и методах диагностики, логиках медицинских и бюрократических процедур? Предполагая лежащие в основе этих феноменов биополитические механизмы, важно выявить, какие силы участвовали в выработке правил освидетельствования и какой позицией обладал сам военный инвалид в этом процессе, как в теории, так и на практике. Процесс обсуждений и изменений в этом случае можно рассматривать как пространство одновременно производства знания об инвалидном теле и осуществления контроля над ним, задавая вопросы к соотношению действовавших в нем акторов и количеству занимаемых ими позиций в условиях пореволюционного хинтерланда.

156

Кроме прочего, в случае с процедурой освидетельствования на первый план выступает «бумажная» форма взаимодействия инвалида с государственным аппаратом: здесь интересно посмотреть как на центральный для этого взаимодействия документ — акт о результатах медицинского освидетельствования, так и на окружающие его — переписку государственных институций, личные прошения и жалобы. Бюрократические документы, являясь медиаторами между классификациями и классифицируемыми объектами, материализуют конструирование последних [Hull 2012], в то же время становясь пространством для борьбы значений [Каспэ 2013]. Следуя за онтологическим поворотом в социальных исследованиях медицины¹ [Торлопова 2017], я предлагаю рассматривать процедуру освидетельствования и акт о его результатах как постоянно актуализируемую в практике и материальности точку сборки военной инвалидности.

Таким образом, в этой статье я планирую рассмотреть инициативы изменений существовавшей системы и правил медицинского освидетельствования военных инвалидов, происходившие в пореволюционный период 1917–1918 гг., анализируя их мотивации, участвующих

1 Конечно, в отличие от социологических и антропологических исследований современного контекста, источники начала XX века не могут считаться достаточными основаниями для применения подхода онтологии-в-практике, продвигаемого А. Мол; тем не менее использование его в качестве исследовательской перспективы позволяет высветить гибридность и «текучесть» военной инвалидности как объекта медицинской экспертизы, государственного контроля и субъективности инвалида.

агентов и их институциональные позиции, формулировки итоговых проектов и условия реализации. Кроме того, меня интересует прагматика самих актов о медицинском освидетельствовании — как заложенная в них функция категоризации работала в условиях неустойчивости и разрозненности существовавших правил и как устанавливались бюрократические порядки обращения с ними. Рассмотрение этого кейса позволит понять, как производилось и реорганизовывалось знание об инвалидной телесности, кому, кроме медиков, присваивались экспертные статусы в этом процессе и как в конечном счете это повлияло на раннесоветскую социальную политику.

Экспозиция: перед революцией

С началом Первой мировой войны выдача пенсий осуществлялась согласно указу «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» (1912), возникшему как реакция на последствия Русско-японской войны. Объем пенсии зависел от степени утраты трудоспособности и разделялся на пять разрядов (где первый — самый тяжелый). Каждый разряд соответствовал определенному процентному промежутку утраты трудоспособности — в 100%: от 100 до 70%, от 70 до 40%, от 40 до 10%, а первый и второй разряды, одинаково соотношенные со 100% утратой трудоспособности, разделялись по потребности в постоянном постороннем уходе [Положение о призрении нижних воинских чинов и их семейств 1912]. Квантификация пораженного тела производилась с опорой на дополнение к указу — «Поразрядное расписание болезней и телесных недостатков» [Поразрядное расписание болезней и телесных недостатков 1914], разбиравшее все физические последствия участия в военных действиях на разряды и пункты в них.

Оценкой степени утраты трудоспособности занимались врачебные комиссии, формировавшиеся при эвакуационных пунктах, военных госпиталях и лазаретах, а также присутствиях по воинской повинности различного уровня: система выстраивалась по принципу постепенного удаления от фронта и времени ранения. Комиссии должны были включать двух, или минимум одного, врачей, а также офицера ротной части (в случае с освидетельствованием в военно-врачебных заведениях) или должностного лица в местном присутствии — уездного предводителя дворянства, уездного воинского начальника, земского участкового начальника. Получаемый акт о результатах освидетельствования содержал информацию не только о состоянии здоровья инвалида в соответствии с прописанными степенями, но и даваемое врачами заключение о возможности полного или частичного восстановления трудоспособности, а также необходимости последующего переосвидетельствования

[Вакар 1915]. Медицинская экспертиза, таким образом, напрямую определяла как устойчивость статуса военного инвалида, так и размеры получаемого согласно ему материального обеспечения.

Недостатки системы и пути решения

Эту ключевую роль освидетельствования косвенно подчеркивают начавшиеся в 1917 году попытки пересмотра установленных правил о градации степеней и расписания болезней, ставших возможными в условиях появления новых государственных институтов и форм самоорганизации снизу¹. Уже в 1915 году служащий Московского военного госпиталя и председатель постоянной врачебной комиссии П. В. Любомудров в своей статье для Военно-медицинского журнала сообщал о сложностях, возникающих при работе комиссий. Существовавшее «Поразрядное расписание болезней и телесных недостатков», по словам Любомудрова, было недостаточно разработано для имевшегося разнообразия случаев, что вызывало затруднения комиссии и связанный с этим «нежелательный субъективизм» [Любомудров 1915: 112]. Постулируемая проблема неточности и рамочного характера имеющихся государственных постановлений одновременно высвечивала интенцию экспертного медицинского сообщества, стремившегося для удобства работы к четкой категоризации увечных воинов с позиций естественнонаучных таксономий. Запрос на систематичность был в целом характерен для медицины кон. XIX — нач. XX века, в которой разрабатывались и пересматривались классификации болезней, как на международном, так и на российском уровне [Троицкая, Авдеев 2018].

158

Врачи были не одиноки в этом желании — со свержением монархии возможность проявить голос получили сами увечные воины, уже в июне 1917 года собравшиеся на Первом Всероссийском съезде и заявившие о необходимости составления новых таблиц, определяющих «по возможности точно» процент утраты трудоспособности [Отчет о трудах Первого Всероссийского съезда делегатов увечных воинов 1917: 35]. Среди других резолюций², пенсионная секция съезда также настаивала на уравнении пенсий для всех чинов и исчис-

---

1 Стоит отметить, что пересмотр (или стремления к нему) систем пенсионирования военных инвалидов и лежащих в их основе классификаций присутствовал и в других воюющих странах — война, с увеличением числа пострадавших, выявила недостатки действующих порядков [Jackson 2019; Salvante 2015; Perry 2014; Cohen 2001; Smith 1998].

2 Кроме очевидных требований об увеличении окладов, мотивировавшихся утопичной логикой революционных лозунгов о высвобождении средств Военного и Морского министерств, т.к. «теперешняя великая война ведется

лении их размера согласно 8 категориям, начиная с 20% (вместо 10%) утраты трудоспособности. Предлагая свою версию существовавших правил, военные инвалиды не только апеллировали к происходившей «демократизации» армии, но и творчески использовали известные им по освидетельствованию дореволюционного времени научные принципы классификации, так же как и врачи, требуя, прежде всего, детализации системы.

Если точность прописанных категорий пока оставались вопросом бюрократического регистра, то возможности революционного насилия проступали в натурализованном виде. В поле обсуждения впервые появляется проблема недовольства свидетелем, грозящего врачам не только оскорблениями в свой адрес, но и физической расправой. О серьезности угрозы свидетельствует статья врача 1-го Евгениинского госпиталя Н. Мокина в октябрьском номере «Врачебно-санитарных известий» [Мокин 1917: 60], в которой автор сообщал об убийстве доктора Орлова «от руки “товарищей” солдат» как результате его работы в медицинской комиссии и сетовал на «ненормальное положение» в госпиталях революционного периода. В красках автор описывал разгул поступающих на лечение и для освидетельствования солдат, чьи «требования <...> к врачам растут неудержимо» — это приводило, по его мнению, к расшатыванию власти медицинского персонала внутри госпиталя и ухудшению условий для лечения больных, «требующих действительной помощи» [Там же].

159

Для воинских чинов, увольнявшихся вовсе от службы по результатам осмотра в медицинских комиссиях, остро стояла и проблема частых переосвидетельствований. Как заявлял профессор А. Л. Поленов, с 1916 года бывший директором одного из медицинских институтов по долечиванию военно-увечных в Петрограде, переосвидетельствования были вызваны прохождением комиссий до полноценного долечивания, способного повысить трудоспособность, а соответственно, и понизить разряд и размер пенсионного обеспечения — последнее ожидаемо вызывало негодование инвалидов [ЦГИА СПб. Ф. 638. Оп. 1. Д. 127. Л. 5-6]. Угроза потерять часть пенсии вела и к уклонениям инвалидов от долечивания и обучения в период между освидетельствованиями, а имперских чиновников, заседавших в 1916 году в Особой комиссии Верховного Совета [РГИА. Ф. 1253. Оп. 1. Д. 86. Л. 140-146], даже к обсуждению вопроса об отмене временных пенсий (назначаемых как раз в случае необходимости повторного освидетельствования). В качестве решения проблемы последние призывали не ставить размер пенсии в зависимость

за вечный мир, который должен привести к разоружению всего мира» [Отчет о трудах Первого Всероссийского съезда делегатов увечных воинов 1917: 30].

от результатов лечения, ведь она «цена крови и здоровья [а потому] ни при каких условиях не может быть изменяема». Инвалидность, таким образом, выводилась из пространства четких таксономий в пространство символического, где ценность утраченного здоровья абсолютизировалась, а тело инвалида становилось местом проявления опыта перенесенных страданий.

Апеллирование подобными представлениями было распространено среди имперской общественности до революции 1917 года, и было заимствовано инвалидами Союза увечных воинов после [Охотникова 2022; ГАРФ. Ф. А-3931. Оп. 1]; что же касается обсуждаемой инициативы, то она так и не получила своего законодательного подтверждения, и спустя год уже Всероссийский съезд увечных предложил свой вариант: впредь проводить повторные осмотры лишь по желанию самого увечного воина, и при условии увеличения или сохранения (но не уменьшения) размера пенсии по их результатам [Отчет о трудах Первого Всероссийского съезда делегатов увечных воинов 1917: 32] — так реализовывалось стремление инвалидов к расширению сферы и инструментов контроля над собственной инвалидностью.

160

Новое расписание: как реализовывался запрос на точность

Первым официальным сдвигом стало постановление Временного правительства, вносившее изменение в Поразрядное расписание болезней и телесных недостатков, ссылаясь на «выяснившиеся на практике недостатки» [Распоряжение, объявленное правительствующему сенату министром внутренних дел 1917: 1] действующего списка. В представленном в сенат 4 июля и опубликованном в «Вестнике Временного правительства» 2 августа новом расписании были сохранены процентные показатели и количество разрядов утраты трудоспособности изначальной версии, внесенные изменения же можно объединить в несколько процедур. Первая из них — исправление очевидных ошибок прошлого расписания: выделение и разделение форм/степеней тяжести для болезней или телесных недостатков, присутствовавших в нескольких разрядах сразу («Базедова болезнь менее тяжелой формы чем для 1-го разряда», вместо «тяжелые формы Базедовой болезни» в 1-м и 2-м р.). Самой распространенной стала процедура добавления новых, неучтенных в прошлой версии, категорий: внутри пунктов или целыми пунктами, с последующим разбитием их также на несколько форм и степеней: болезни могли быть «значительно препятствующие» или «затрудняющие движение», грыжи классифицировались как «невправимые», «неудержимые бандажом», «с тяжелыми явлениями», «обычные».

Выполняя запрос на уточнение расписания, авторы новой версии, среди прочего, вносили детали — «за потерю пальцев признается для большого пальца отсутствие ногтевой фаланги его, а для других пальцев — отсутствие двух фаланг их» — расширяя области обследования пораженных тел, специфицируя условия осмотра или способы категоризации. Так, если раньше диагноз «тупость слуха» относился к 5-му разряду, а условием его определения служило «если исследуемый не слышит ясный тихий голос сзади на три метра и очень громко говорящего на десять метров», то в новой версии специфицирована была не только сама болезнь, ставшая «стойкой и значительной тупостью слуха» для 4-го разряда и «стойкой тупостью слуха» для 5-го, но и порядок диагностирования: «если исследуемый не слышит ясно шепотную речь сзади на 1 метр (1,5 аршина) и разговорную на 3,5 метра (около 5 аршин)» (4-й разряд) и «если исследуемый не слышит ясный тихий голос на расстоянии, большем, чем указано в четвертом разряде, но не превышающем 3 метров и не более 10 метров для очень громко говорящего» (5-й разряд) [Поразрядное расписание болезней и телесных недостатков 1917: 13-14]. Кроме того, несколько пунктов были перенесены между разрядами: за некоторыми был признан более высокий процент утраты, а один пункт (пример с тупостью слуха) разделен между двумя разрядами. Производя детализацию на всех уровнях, от выделения степеней до описания условий осмотра, авторы изменений помещали инвалидное тело на шкалы, ранжировали его повреждение, стремясь охватить и типологизировать всю массу телесных последствий войны, перенося их в формализованное пространство бумажного акта о результатах освидетельствования.

161

В уже упоминавшейся статье об убийстве доктора из «Врачебно-санитарных известий» октября 1917 года можно найти подтверждение использованию нового расписания на практике — жалуюсь на давление со стороны солдат, автор описывает требования пенсии от их лица как «пошел, дескать, я на службу здоровым, а теперь у меня грыжа белой линии» [Мокин 1917: 60]: так осведомленность о новых пунктах расписания становилась не только инструментом в руках медицинского эксперта, но и способом заявить о своих правах для «объектов» экспертизы.

Изменение позиции увечного воина в вопросе освидетельствования заметно и в других, хотя и неосуществленных, проектах эпохи. Так, существовавший при Временном правительстве Общегосударственный комитет помощи военно-увечным, сам наполовину состоявший из военных инвалидов, летом-осенью 1917 года намеревался создать комиссию «для детального пересмотра ныне действующих законоположений о пенсиях военно-увечных» [ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 269. Д. 350. Л. 1]. К этой работе предлагалось привлечь не только вра-

чей, юристов и представителей ведомств, но и членов Союза увечных воинов — формы самоорганизации военных инвалидов [Там же: 2-3].

До октября 1917 года собрать комиссию не успели, однако о планировавшихся направлениях ее работы свидетельствует доклад Д. Л. Козловского [Там же: 4-16], в тот момент члена Комитета и Союза одновременно. Среди затрагиваемых им вопросов — недостаточное количество разрядов и неточность таблиц, проблемы переосвидетельствований и уклонения увечных от должностей, обучения и лечения, а также желательность учета профессиональной трудоспособности при определении пенсии. Обсуждение пунктов выстраивалось с оглядкой на инвалида, подразумевая расширение его прав и льгот: автор предлагал ввести временные прибавки к пенсии в зависимости от профессиональной трудоспособности (т.е. в случае, если прежним занятием инвалид заниматься не может — на время его переобучения), сохранять полный объем пенсии при поступлении инвалида на службу и при долечивании, а переосвидетельствование производить только по ходатайству инвалида, а не через предписанный медиками срок [Там же: 8-11]. Критикуя существующий порядок как «чрезмерно сложный», длительный и избыточный «ненужными часто формальностями», Козловский настаивал на создании более понятной структуры учреждений со строгим распределением функций и общей системой регистрации военных инвалидов. Интересы государства по контролю и управлению здесь соотносятся с учетом интересов самих инвалидов, желанием создать «более упрощенный и удобный для увечных порядок» [Там же: 12], а необходимость государственных расходов аргументируется через их сопоставление с потенциальными растратами на недолеченных и необученных инвалидов.

162

Медицинские комиссии: новые правила и условия воплощения

Другая сторона вопроса освидетельствований — порядок работы и состав медицинских комиссий, проводящих осмотр и назначающих пенсии. В январе 1918 года новая советская власть упраздняет воинские присутствия, передавая функцию назначения пенсий в отделы при уездных и губернских совдепах и создавая центральный отдел по назначению пенсий при Народном комиссариате социального обеспечения [Постановление НКГП об учреждении при Советах Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов Отделов по назначению пенсии военно-увечным от 23 января 1918 г. 1942: 389]. Уточнение, каким образом следует формировать комиссии (а точнее, отличаются ли они от принципов формирования прошлых

комиссий), последовало только спустя полгода, в августе 1918 года, в циркулярном распоряжении губернским совдепам: создавать комиссии следовало на уездном и губернском уровнях, включая в них представителей Государственного контроля, местных Союзов увечных воинов и врачей — от медико-санитарного отдела местного совдепа и желательного от местной больничной кассы¹ [ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 1. Л. 50]. В распоряжении оставались непрописанными роли и компетенции представителей самого отдела КСО (в чьем ведении было назначение пенсий), не уточнялось и количество или специализации врачей, скорее, акцент был сделан на финансовой стороне, а именно из чьих средств и по каким нормам каждая категория участников должна была получать вознаграждение за свою работу². В то же время уже здесь заметен сдвиг, ставший возможным в революционном хинтерланде — как в удовлетворении требования увечных в собственном представительстве (не только политическом, но и локальном — на уровне принятия решений в комиссиях), так и во включении представителей финансовых ведомств, что оказывалось необходимым в кризисных экономических условиях.

Обе эти тенденции отразились и в Декрете о пенсионном обеспечении солдат РККА, изданном неделей раньше распоряжения [Декрет о пенсионном обеспечении солдат Красной Армии...1964] — выделение красноармейцев из массы военно-увечных имело как политические, так и экономические обоснования³, но в данном случае важно, как он предлагал определять увечность и обращаться с нею. Новый декрет предполагал 4 разряда утраты трудоспособности (объединяя первый и второй разряды закона 1912 года и больше не принимая в расчет необходимость ухода за военным инвалидом), а также связывал выдачу пенсий не только с медицинским, но и с материальным обследованием свидетельствуемого. Теперь нетрудоспособность должна была подкрепляться необеспеченностью⁴, что не только сокращало количество

-
- 1 «Желательность» участия представителей больничной кассы можно объяснить существовавшей до ноября 1918 года системой социального страхования, где больничные кассы были основным местом сосредоточения медицинских ресурсов.
  - 2 Так, врачи совдепа и представители Госконтроля «не получают вознаграждения как представители советских учреждений, командируемые по делам службы», представители союзов — получают «из средств Союза», а врач больничной кассы — «сообразно нормам местных Профессиональных союзов».
  - 3 Пенсии красноармейцев, по этому декрету, были выше пенсий инвалидов прошлых войн: ввиду нехватки средств, поощрения заслуживала лишь лояльная новому строю группа.
  - 4 «5. В местностях, где прожиточный минимум (средняя заработная плата неквалифицированного рабочего, установленная местными профессио-

претендентов на пенсию, но и изменяло определение инвалидности, первостепенным для которого становился экономический показатель.

Для организации процесса работы комиссий примечательна инструкция, опубликованная в декабрьском номере журнала НКСО под авторством самого наркома А. Н. Винокурова [Винокуров 1918]: по структуре совпадая, а в некоторых пунктах копируя (но переименовывая названия исчезнувших ведомств и должностей) дореволюционный закон 1912 года, инструкция давала точную характеристику состава и распределения полномочий внутри медицинских комиссий. Согласно ей, они должны были включать: представителя местного отдела СО (в роли председателя), представителя местного совдепа, местного комиссариата по военным делам, местного народного суда, местного союза увечных воинов, местного комиссариата финансов и трех врачей (хирурга, терапевта, невропатолога, а в случае надобности «психиатра, окулиста и проч.»¹), одного — по назначению совдепа, одного по назначению местного отдела СО и одного (военного врача) по назначению местного комиссариата по военным делам [Там же: 61]. Необходимость учитывать не только степени утраты трудоспособности, но и материальные аспекты, такие как доходы свидетельствуемого и прожиточный минимум в месте его жительства, предполагала расширение состава экспертов и их компетенций, делая производство инвалидности более комплексным процессом, а самого инвалида — предметом обследования гетерогенного экспертного сообщества. В случае с экспертизой медицинской указание на конкретные специальности выявляло специфичность поражений военно-инвалидного тела и распределяло его лечение между тремя областями медицинского знания; в свою очередь, разделение ответственности за привлечение кадров косвенно подтверждало принцип экономии средств самого отдела социального обеспече-

164

нальными союзами) окажется ниже указанных максимальных размеров пенсий, пенсии понижаются до уровня прожиточного минимума по распоряжениям местных Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов. 6. При наличии других, кроме пенсии, доходов, достигающих прожиточного минимума, пенсия вовсе не выдается; при наличии же доходов, не достигающих такого минимума, пенсия выдается в размере разницы между доходами и прожиточным минимумом» [Декрет о пенсионном обеспечении солдат Красной Армии...1964].

- 1 Кроме того, «по постановлению Комиссии, в заседание ее могут быть приглашены врачи-специалисты (психиатр, окулист и проч.) из числа практикующих в данном городе или местности, для нового исследования военно-увечного и совместного обсуждения его болезни» [Там же].

ния, бравшего на себя минимум обязательств по финансовому вознаграждению.

С января 1919 года действие декрета распространили на все категории солдат прежней армии [Декрет СНК «О распространении действия декретов от 7 августа и 10 октября...1920», что в декабрьском номере журнала НКСО представлялось актом «элементарной справедливости» [Пенсионное дело 1918: 31]. Однако в полугодовой промежуток правила и практики освидетельствования смешивались — разъясняя в ответных письмах действующие порядки, служащие Центрального комиссариата ссылались на скорые изменения, разработку нового поразрядного расписания и общего пенсионного закона [ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 1540]. А до этого освидетельствование красноармейцев и военно-увечных происходило в одних комиссиях и согласно одному поразрядному расписанию (еще по закону 1912 года), сохраняя различия в пенсионных окладах, но делая всеобщим принцип выдачи пенсий только тем, кто не имел дохода.

Пробелы все равно оставались, и с мест приходили сигналы о появившихся или исчезнувших проблемах. Острым становился вопрос документальной подтвержденности связи инвалидности с прохождением военной службы [ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 216. Л. 54]: там, где организации увечных с сочувствием говорили о сложностях сохранения документов в условиях оккупаций, эвакуаций госпиталей и «народной темноты» [ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 168. Л. 120], органы власти акцентировались на фактах предоставления «подложных документов» [ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 1. Л. 53]. В итоге во всех неподтвержденных случаях циркулярным порядком предписывалось назначать повторное освидетельствование, удостоверяясь по месту жительства о факте прохождения военной службы, желательно с показаниями свидетелей — документальность, ее полнота и «заверенность» становилась решающей для распознавания инвалидности в пространстве органов власти.

Повсеместные инфраструктурные сложности, связанные с освидетельствованием инвалидов в отдаленных местностях районов [Там же: 25], предлагалось решать оплатой «кормовых и прогонных» расходов как увечным, вызываемым на освидетельствование, так и членам комиссии, выезжающим на места (ограничивая их круг не служащими в самом совдепе [Там же: 31-32]). Кроме того, бюрократические сложности возникали в зонах военных действий и оккупаций [ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 24. Л. 1], вопросы вызвала и степень легитимности старых, проведенных еще воинскими присутствиями, освидетельствований [ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 193. Л. 4], и перечень претендующих на пенсию, будь то включение в него новых

категорий в зависимости от войн, армий, чина или степени родства инвалиду¹. Стремление упорядочить, согласовать и централизовать систему наталкивалось на инфраструктурные пробоины, нарушения коммуникации и экономические ограничения революционного хинтерланда.

Асимметрия власти: случай Союза коммун Северной области

Описанная выше история об изменениях, вводимых из центра и вызывавших реакцию на местах, однако, исключает сюжет о Петроградском комиссариате и его действиях в тот же период. Параллельно действиям центрального НКСО в Москве, в течение второй половины 1918 года в Петрограде действует собственный Комиссариат, распространяющий свои полномочия на Союз коммун Северной области — объединение, включавшее в себя 8 губерний региона (Петроградскую, Архангельскую, Олонецкую, Вологодскую, Северодвинскую, Череповецкую, Новгородскую и Псковскую).

166

Создание Союза коммун, спровоцированное переносом политического центра из Петрограда в Москву, повлекло и бюрократические сложности в деле помощи увечным. В частности, с февраля 1918 года в Петрограде существовал Центральный отдел по назначению пенсии от казны военно-увечным, который должен был консультировать местные отделы, сосредотачивать сведения об их работе и распространять единые формы свидетельств [Извещение о порядке освидетельствования 1918: 4]. Перенос столицы и переезд центральных учреждений должен был вызвать и переезд ЦО, чего не происходило как минимум до августа 1918 года, а запросы Центрального комиссариата «в спешном порядке привезти в Москву <...> все дела Центрального отдела» оставались без ответа [ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 216. Л. 88, 93].

Историография политической истории СКСО создает нарратив о Союзе коммун как об относительно автономном объединении Советов, чьи отношения с центром колебались между «трением» и «сопротивлением» [Петроград на переломе эпох 2000; Потехин 1980]. Это частично объясняет бюрократическую неразбериху, позволяя

1 «7. Имеют ли право на таковую же пенсию матери. 8. Распространяется ли закон 25 июня 1912 года в одинаковой мере и на бывших офицерских чинов и их семейств. <...> 10. Получающие 3 рубля пособие за Русско-турецкую войну, имеют ли право на пенсию на общих основаниях. <...> 12. Могут ли быть подведены под этот закон и пострадавшие во время революции, и какие они должны предъявлять документы. <...> 17. Как поступать с инвалидами Красной Армии» [ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 216. Л. 54].

рассматривать год существования Союза как еще одну из «вероятностей» революционной реальности. В этих условиях, при местном комиссариате социального обеспечения, а именно при его отделе помощи жертвам войны и революции, в июле 1918 года организуется два Сопещания: одно — по вопросам работы медицинских комиссий, их иерархии и составу; второе — для пересмотра существующего поразрядного расписания болезней и телесных недостатков.

Журналы первого Сопещания, собранного из представителей самого отдела комиссариата, указывают на общий с центром круг вопросов и предусматриваемых проблем, а следовательно, их повсеместность¹. Так, работники северного отдела обсуждали недостаток специалистов на местах (которые будут тратить больше времени из-за слабого знакомства с инструкциями) и сложности в финансировании поездок в удаленные районы. Актуальной оставалась и проблема недовольства: участники сопещания задумывались об уменьшении «беспокойства» [ЦГИА СПб. Ф. 638. Оп. 2. Д. 26. Л. 5-6] инвалида при перевозке и предполагали вероятность «угроз, брани и насилий» [Там же: 9 об.] в случае неудовлетворительных результатов освидетельствования. Подготовленный к концу июля приказ вводил на территории Союза коммун систему из уездных (чередующиеся заседания в нескольких уездах района), губернских и областной комиссий, не меняя привычную до и применяемую после структуру и иерархию [Там же: 15].

Состав комиссий, по сравнению с распоряжением центрального НКСО, которое выйдет спустя две недели, несколько отличался: так, на уездном уровне на месте представителя от Комиссариата по военным делам предполагался представитель от Красной Армии, а на губернском круг экспертов пополнялся представителем Комиссариата труда; медицинская же часть возлагалась на специалистов по внутренним, хирургическим и нервным болезням, как самым распространенным среди свидетельствуемых (что совпадает с инструкцией к Декрету о красноармейцах). Врачей отбирали через Бюро труда Петроградского союза врачей и врачебную службу Петроградского союза увечных воинов [ЦГИА СПб. Ф. 638. Оп. 2. Д. 28. Л. 26, 31]; а для оплаты врачебного труда вводились особые тарифные ставки, для приглашения наиболее «компетентных» в местные комиссии и «выдающихся» — в центральную областную [ЦГИА СПб. Ф. 638. Оп.

1 Это же подтверждает и приказ по Союзу коммун, ставший ответом на проблему отсутствия у военных инвалидов подтверждающих документов, обязывающий таковых вместо Наркомата социального обеспечения «направляться в Петроградскую Рабочую Кассу Социального Страхования для определения прав и помощи за полученное увечь» [ЦГА СПб. Ф. 8503. Оп. 1. Д. 49. Л. 31].

2. Д. 26. Л. 14]. Иерархия комиссий выстраивалась по принципу как увеличения территории, так и зоны ответственности — губернские и областная комиссии работали в качестве кассационных инстанций, имея право в случае жалоб от инвалидов назначать переосвидетельствования, отменять или сохранять решения уездных комиссий. Это заставляло и повышать уровень «учености» медицинских экспертов, и расширять сферу полномочий бюрократических лиц, и приглашать к работе дополнительные силы.

Вводимая система действовала до конца 1918 года — в своем ноябрьском отчете заведующий Врачебным подотделом НКСО В. И. Орнатский (и по совместительству глава Областной петроградской комиссии) сообщал о достигнутой планомерности в работе комиссий и снижении количества протестующих [ЦГИА СПб. Ф. 638. Оп. 2. Д. 28. Л. 41-42]: запрос того же Орнатского к заведующему отделом про порядок действий в связи с выходом распоряжения центрального НКСО [ЦГИА СПб. Ф. 638. Оп. 2. Д. 26. Л. 77] (вышедшего спустя две недели после приказа по Союзу коммун), судя по всему, не повлиял на ситуацию.

Вторым проектом «северного» НКСО стала разработка нового закона о пенсионировании увечных и нового поразрядного расписания, для чего была организована комиссия из представителей НКСО, а также 20 профессоров и докторов медицины¹, а во главе был поставлен профессор В. М. Бехтерев, в тот момент — глава Психиатрического института по долечиванию военно-увечных г. Петрограда [ЦГИА СПб. Ф. 638. Оп. 2. Д. 33. Л. 1].

Журналы комиссии не сохранились, однако любопытен сделанный еще в мае 1918 года доклад В. И. Орнатского, представляющий критические замечания о существующем пенсионном законе и поразрядном расписании [ЦГИА СПб. Ф. 2265. Оп. 1. Д. 1065. Л. 143-144]. Его автор указывает на необходимость учитывать тип труда, которым занимался инвалид до увечья, — «интеллигентный, физический, механический»², и возможности повышения трудоспособности (и, соответственно, уменьшения разряда) с помощью протезных аппаратов и различных видов долечивания, хирургического и физического, аргументируя сохранение системы переосвидетельствований и обучения инвалидов как интересами «государственной экономии», так и моральной пользой для самих увечных:

1 Д-р медицины Г. А. Альбрехт, проф. Н. И. Андогский, д-р медицины М. И. Аринкин, проф. В. М. Бехтерев, проф. Н. А. Вельяминов, проф. В. И. Воячек, проф. Р. Р. Вреден, д-р П. А. Истомин, д-р А. И. Карпинский, д-р медицины В. И. Кружков, д-р З. А. Малиновский, д-р медицины Г. К. Окладных, проф. В. А. Оппель, д-р медицины В. И. Орнатский, проф. Т. П. Павлов, проф. А. Л. Поленов, проф. Л. М. Пуссеп, д-р медицины В. С. Сергиев, проф. Г. Г. Турнер и д-р медицины П. П. Шевелев.

2 Цитата приведена согласно источнику.

«трудящиеся калеки будут благотворно влиять своим примером трудоспособности и трудолюбия на окружающую среду; им самим будет легче переживать лишения в жизни, связанные с потерей или повреждением того или другого органа». Внимание инициаторов сосредотачивалось на теле военного инвалида, для восстановления трудовых ресурсов которого требовались и клинические, и механические, и образовательные средства, а экономические логики требовали задумываться об агитационных методах для вовлечения в этот процесс максимального числа увечных воинов. Вместе с тем оценка, даваемая Орнатским расписанию болезней и увечий, схожа с мнениями других медицинских экспертов — предлагая собрать комиссию для его пересмотра из государственных и медицинских специалистов (как теоретиков, так и практиков, «которые изо дня в день поставлены в условия тяжелых переживаний из-за недочетов в упомянутом законе»), он настаивает на «более точном и широком определении» и переоценке отдельных пунктов расписания, попутно задавая вопросы к существующим в нем лакунам¹.

Тот факт, что этот доклад оказался сохранен в фонде В. М. Бехтерева — главы Комиссии по пересмотру поразрядного расписания, среди других документов о помощи увечным воинам, может считаться косвенным доказательством, самое меньшее, его рассмотрения во время работы комиссии, а судя по итоговому документу — и использования в качестве основного источника вдохновения. Ее итоговый проект предлагал во многом новый подход к вопросу о пенсионировании и классификации увечности [ЦГИА СПб. Ф. 638. Оп. 2. Д. 33. Л. 27-40]: вводилась взаимосвязь степени утраты трудоспособности со степенью утраты работоспособности и возможностями долечивания, а также зависимость «от профессии, пола и возраста» инвалида — состав комиссии в этой связи должен был пополняться экспертами по профессиям потерпевших [Там же: 27]. Обязательность переосвидетельствования сохранялась для всех разрядов, кроме самого тяжелого, а уклонение от долечивания уменьшало размер пенсии на треть [Там же: 28]. Категоризация болезней разбивалась на группы — хирургическую, нервно-душевную, внутреннюю, глазную, отоларингологическую, значительно расширился список пунктов в разрядах (130 пунктов вместо 57 в версии 1914 года и 58 в версии 1917 года), уточнялись стадии и степени, приводились примеры.

1 «Следует ли игнорировать потерю среднего или даже одного из прочих (кроме указательного и большого) пальцев, не только правой, но и левой руки: лишение и одного пальца, в особенности среднего, все-таки ограничивает трудоспособность» [ЦГИА СПб. Ф. 2265. Оп. 1. Д. 1065. Л. 144].

Детализация шла как на качественном уровне (в описаниях повреждений и болезней), так и на количественном: в частности, для третьего (от 100 до 50%) и четвертого (меньше 50%) разрядов процентные промежутки указывались для каждого пункта¹. По сравнению с версиями расписания по закону 1912 года, система представляла более гибкой и более точной: сказалось привлечение к ее разработке медицинских экспертов, имеющих «уже определенный облик, авторитет» [Там же: 22]. Нововведения касались и системы освидетельствования — комиссия предлагала разделить работу между «врачебным совещанием» и «административно-финансовой пенсионной комиссией» [Там же: 37] — так разграничивалась ответственность в рамках компетенций каждой из сторон.

Прагматика актов и значение процедуры

170

За пределами определения прав на пенсию и ее размеров, медицинское освидетельствование как процедура и акт о его результатах как документ использовались во множестве практик, неотъемлемо присутствуя в жизни увечного воина. Так, документы об освидетельствовании прикладывались к личным прошениям, пересылались между ведомствами, и из ведомств в лечебные заведения [ЦГИА СПб. Ф. 638. Оп. 2. Д. 21, 48-49]; использовались для обоснования права на долечивание, получение протезов и материальных средств, поездку в санатории; давали право на проживание в общежитии [ЦГИА СПб. Ф. 638. Оп. 1. Д. 266. Л. 46 об.]. Сама процедура освидетельствования становилась поводом для прошений — инвалиды ходатайствовали о проведении медицинского осмотра для получения пенсии или повторного его назначения после операций [ЦГИА СПб. Ф. 399. Оп. 1. Д. 8. Л. 301], жаловались на недостаточность присвоенного разряда [ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 216. Л. 96-101; Там же. Д. 168. Л. 61]. Единый формуляр отсутствовал, однако все акты о медицинском освидетельствовании, независимо от действующей в тот момент власти, придерживались общей внутренней структуры, введенной еще законом 1912 года: в шапке помещалась личная информация о свидетелеваемом, затем шли данные осмотра, в заключение делался вывод о связи болезни или увечья с военной службой, необходимости переосвидетельствования, разряде и степени утраты трудоспособности. Несмотря на изменения, вносимые параллельно в расписание болезней или состав комиссий по назначению

1 «52. Отсутствие кисти руки или предплечья в средней и нижней трети ее правой 65%; левой — 55% <...> 54. Потеря или совершенное невладение шести пальцев на обеих руках при целости больших и указательных от 70-80%; то же при целости больших и пятых — 75-85%» [Там же: 31 об.].

пенсий, цель процедуры освидетельствования оставалась той же, что способствовало устойчивости бюрократической формы результирующего осмотра документа. В условиях разрушения паспортной системы после Декрета об уничтожении сословий и гражданских чинов в ноябре 1917 года и «развала и неразберихи в учете перемещений огромных масс населения» [Байбурин 2017: 71], акт об освидетельствовании сохранял свое значение, фиксируя статус военного инвалида.

Вместе с тем процедура освидетельствования становилась частью общих проектов по регистрации и статистике увечных воинов, по районам, местностям и учреждениям [ЦГИА СПб. Ф. 638. Оп. 2. Д. 7]. Проблема учета военных инвалидов находилась в поле зрения еще имперских чиновников: с 1916 года в соседствующих и сменяющих друг друга ведомствах создавались статистические отделы и совещания [Там же: 2-3; РГИА. Ф. 1253. Оп. 1. Д. 86. Л. 22-25; ГАРФ. Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 7. Л. 7], принимались планы и инструкции, однако цель — сбор данных для упорядочения проводимых мер помощи в государственном масштабе — так и не была достигнута ни имперским, ни революционным, ни раннесоветским правительством. Не концентрируясь на причинах неудач, важно отметить центральность процедуры освидетельствования для всех проектов регистрационных форм — в зависимости от степени детализации, в выработывавшиеся карточки предлагалось вносить сведения об обстоятельствах ранения, результатах диагностирования и разряде инвалидности, необходимости лечения, протезирования или ухода, возможности восстановления трудоспособности [ГАРФ. Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 54; ЦГИА СПб. Ф. 638. Оп. 2. Д. 7-8; ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 223, 373].

Кроме прочего, в Петрограде осени 1918 года процедура освидетельствования использовалась как инструмент упорядочения списков и отсеивания лишних увечных (такими признавались не желающие долечиваться или не нуждающиеся в признании) из общежитий [ЦГИА СПб. Ф. 638. Оп. 2. Д. 40. Л. 1]; а для инвалидов, прибывающих из губерний в Петроград для долечивания, было создано отдельное «распределительное» убежище [Там же. Д. 10. Л. 3], ставшее своеобразным пространством освидетельствования. Работа по «поголовному» освидетельствованию увечных в убежищах, как общих, так и «распределительном», велась в течение октября-декабря 1918 года силами терапевтов и хирургов петроградских Физиохирургического и Нервнохирургического институтов по долечиванию военно-увечных [ЦГИА СПб. Ф. 638. Оп. 2. Д. 40. Л. 6-7] — в результате составлялись таблицы нуждающихся и не нуждающихся в долечивании и признании [Там же: 26-93, 103-123]. В отдельный список были выделены не желающие долечиваться в общих убежищах: в одной из таких таблиц перечислялось 7 фамилий, четверо из которых причины отказа не объяснили, один

ответил врачам, что «торопится домой», а для двоих, определенных на операцию, в соответствующей графе указывалась причина «боится» [Там же: 94-102]. Так внутри процедуры освидетельствования, задуманной властью для упорядочивания количества и отсеивания лишних увечных из убежищ, тем не менее оставалось пространство для проявления позиции, хоть и сулившей инвалидам лишением места в общежитии.

Выводы

Медицинское освидетельствование играло ключевую роль в жизни увечного война, определяя не только его материальное состояние или устойчивость статуса, но и обеспечивая доступ к ресурсам, способным улучшить его физическое состояние. Такое внимание к процедуре обусловило объем требований, недовольств и призывов изменить существовавшие порядки как со стороны самих увечных, так и медицинского сообщества, выполнявшего экспертные функции и несшего ответственность за результаты процедуры.

172

Реализация изменений, ставшая возможной в пространстве революционного хинтерланда, исходила как из логики государственных интересов экономии, так и из интенции учитывать интересы увечного война, что приобрело значение с появлением у военных инвалидов возможностей прямого лоббирования. Детализирование в оценке пораженного тела продвигалось в этой связи как благо и для государства, расширявшего пространство учета, и для увечного, ранее страдавшего от неточной, а потому несправедливой, экспертизы приобретенных последствий ранений. Вследствие этого инвалидность производилась с опорой на естественнонаучные таксономии и идеал тотальной квантификации, подвергаясь типологизации и ранжировке со стороны специалистов конкретных медицинских областей, стремившихся облегчить вынесение решений и ограничить собственную ответственность в рамках комиссий по освидетельствованию.

Как на уровне выработки правил, так и их применения тело военного инвалида становилось фокусом внимания гетерогенного экспертного сообщества, в котором роль медиков оказывалась подвижной и многосторонней: в комиссиях различных задач и полномочий им приходилось кооперироваться не только с представителями власти, каждый из которых имел собственные ведомственные интересы, но и с представителями от форм самоорганизации самих увечных. Стремление обладать инструментами контроля над собственной инвалидностью увечный воин реализовывал как через политическое представительство, так и используя бюрократические

механизмы защиты своих прав. Вдобавок к практике пассивного протеста системе, выразившегося в уклонении от долечивания и обучения, завоеванное право голоса позволило увечным не только реагировать на решения комиссий по освидетельствованию, но и частично влиять на порядок их работы.

В ситуации сосуществования и смешения юридических оснований, выделения и объединения социальных групп военных инвалидов, и даже параллельного существования центральных органов власти внутри одного политического образования, границы возможности действий на местах варьировались, задаваясь пореволюционным пространством реорганизуемого хинтерланда и становясь его проявлением. Осуществление контроля и упорядочение работы накладывалось на специфические для каждого случая инфраструктурные условия, видоизменяя заложенные в центре логики обращения с военной инвалидностью. Провозглашенные раннесоветской властью идеи социального государства, оказывающего обязательную помощь всем нетрудоспособным членам общества [Игольникова 2010: 172], наталкивались на необходимость как использования в экономических целях всех сохранившихся и потенциально восстанавливаемых трудовых ресурсов населения, так и обладания достаточным знанием об инвалидности для эффективного управления.

173

Акт о результатах медицинского освидетельствования становился главным документом в коммуникации инвалида и институций помощи, а процедура освидетельствования — центральной как для инвалида, так и для государственных органов, заинтересованных в более упорядоченном управлении. Создаваемый медицинскими экспертами и удостоверявшийся органами власти акт, таким образом, определял статус и права военного инвалида в отношении обеспечивавшего его государства, становясь одновременно документальным воплощением физического состояния его пораженного тела. Изменения в институциональной принадлежности органов назначения пенсий соседствовали с устойчивыми бюрократическими формами обращения с инвалидностью, что вытекало из неизменности заложенных принципов классификации и преследуемой процедурой освидетельствования цели — производства инвалидности на бумаге для ее последующего распознавания в пространстве социальных отношений.

Эпилог

О дальнейшей судьбе вопроса пенсионирования военных инвалидов свидетельствует справочник для сотрудников органов социального обеспечения 1920 года. Согласно ему, инвалиды «красной

и старой армии» соединялись законодательно с инвалидами труда, чья полная или частичная утрата трудоспособности характеризовалась как постоянная. Оставалась прежней пятичастная система разрядов (а для первого разряда возвращен учет необходимости постороннего ухода), присвоение которых должно было производиться в зависимости от степени утраты трудоспособности, «прежней профессии и рода посильной [для инвалида] работы». Размер пенсий соотносился с тарифными ставками и имущественным положением инвалида, а процедура освидетельствования ложилась на органы здравоохранения, выдававшие свидетельство «с указанием группы инвалидности, возможности и срока восстановления трудоспособности, срока переосвидетельствования и рода и характера работ, которые может выполнять заявитель» [Сводка правил по выдаче пособий и пенсий 1920: 19-23].

Впоследствии равное обращение с инвалидами войны и труда было сохранено, однако система измерения изменилась уже в 1921 году [Пузин, Дмитриева, Шевченко, Осадчук, Суворов 2017: 53] — процентная уступила место «рациональной». По сравнению с прошлой, которая описывалась как лишенная «всякого научного обоснования» и приводящая к «механическому применению готовых тарифов», рациональная классификация, включавшая в первой редакции 1921 года шесть групп инвалидности, соотносила необходимость посторонней помощи со степенью сохранившейся профессиональной трудоспособности, иными словами, определялась «в зависимости от вероятной судьбы [инвалидов] на рынке труда»¹ [Вигдорчик 1930: 339-340]. Освидетельствование производилось органами здравоохранения — врачебно-экспертными комиссиями², количество групп позднее сократили до трех, а переосвидетельствования назначались каждый год или два года, вследствие утверждения о динамичности инвалидности «в зависимости от изменений биологических и социальных факторов» [Третьяков 1959: 377]. Можно заключить, что дореволюционная система определения военной инвалидности потеряла свою актуальность уже к 1921 году, однако курсировавшие с 1917 году предложения и замечания стали пред-

174

1 Следующие издания БМЭ продолжали критику присущей «капиталистическим странам» процентной системы за то, что она «не отражает всю совокупность многообразных влияний на трудоспособность отдельного человека» и не учитывает «клинический и социально-трудовой прогноз», приводя «к упрощению, к биологизации критериев» [Третьяков 1959: 379; Белов, Ефимов 1978: 560].

2 Впоследствии переименованы во врачебно-трудовые экспертные комиссии (ВТЭК) [Петров, Единевский 1959: 385]. ВТЭК, в свою очередь, предшествуют современным институциям медико-социальной экспертизы (МСЭ) [Торлопова 2017: 109-110].

посылками для введенного позднее подхода к медицинскому освидетельствованию как минимум в вопросе учета профессиональной трудоспособности и возможностей долечивания инвалида.

Библиография / References

Байбурин А. (2017) *Советский паспорт: история — структура — практики*, СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

— Baiburin A. (2017) *Soviet passport: history — structure — practices*, St. Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg. — in Russ.

Белов В. П., Ефимов И. Н. (1978) Инвалидность. Б. В. Петровский (гл. ред.). *Большая медицинская энциклопедия*, М.: Советская энциклопедия. Т. 9: 556–564.

— Belov V. P., Efimov I. N. (1978) *Disability*. B. V. Petrovsky (ed.). *Big medical encyclopedia*, M.: Soviet encyclopedia. Vol. 9: 556–564. — in Russ.

Вакар Я. Я. (1915) *Раненым больным воинам. Сб. законоположений и правил о денеж. довольствии, пособиях и пенсиях раненым и больным воинам, чинам и семействам убитых, умерших от ран, без вести пропавших и умерших от болезней, получ. на войне*, Петроград: б.и.

— Vakar Y. Y. (1915) *To wounded sick soldiers. Collection of laws and regulations on monetary allowances, allowances and pensions for wounded and sick soldiers and families of those killed, died of wounds, missing in action and died of diseases, received in the war*, Petrograd. — in Russ.

175

Вигдорчик Н. (1930) Инвалидность. Н. А. Семашко (гл. ред.). *Большая медицинская энциклопедия*, М.: Советская энциклопедия. Т. 11: 338–343.

— Vigdorchik N. (1930) *Disability*. N. A. Semashko (ed.). *Big medical encyclopedia*, M.: Soviet encyclopedia. Vol. 11: 338–343. — in Russ.

Винокуров А. (1918) Инструкция о порядке применения декрета Совета Народных Комиссаров от 7 августа 1918 г. об обеспечении солдат Рабоче-Крестьянской Красной Армии и их семейств. *Журнал Народного Комиссариата Социального Обеспечения*, (2): 57–64.

— Vinokurov A. (1918) *Instruction on the order of application of the decree of the Council of People's Commissars of August 7, 1918 on the provision of soldiers of the Workers' and Peasants' Red Army and their families. Journal of the People's Commissariat of Social Welfare*, (2): 57–64. — in Russ.

Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. А-3931. Центральный исполнительный комитет Всероссийского союза увечных воинов. Оп. 1. Д. 7. Доклад о работе бюро общегосударственного комитета помощи военноувечным за время с 15 сентября по 6 декабря 1917 г.

— State Archive of the Russian Federation (hereinafter — GARF). F. A-3931. Central Executive Committee of the All-Russian Union of Maimed Warriors. Op. 1. D. 7. Report on the work of the bureau of the All-Russian Committee for Assistance to the War Maimed. — in Russ.

ГАРФ. Ф. А-3931. Оп. 1. Д. 54. Инструкции, доклады по учету и мерах оказания

помощи военно-увечным.

— GARF. F. A-3931. Op. 1. D. 54. Instructions, reports on accounting and measures to assist the war martyrs. — in Russ.

ГАРФ. Ф. А-413. Министерство социального обеспечения РСФСР. Оп. 2. Д. 1. Декреты и постановления Народного комиссариата социального обеспечения.

— GARF. F. A-413. Ministry of Social Welfare of the RSFSR. Op. 2. D. 1. Decrees and resolutions of the People's Commissariat for Social Welfare. — in Russ.

ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 24. Переписка с Чечерской волостной Земской управой Рогачевского уезда, Оршанским исполнительным комитетом и Сененским пенсионным отделом Могилевской губернии о назначении пенсии, выдаче суточных денег и пайка инвалидам империалистической войны и беженцам временно оккупированных и освобожденных от немцев местностей.

— GARF. F. A-413. Op. 2. D. 24. Correspondence with regional departments. — in Russ.

ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 168. Переписка с Центральным комитетом Всероссийского союза увечных воинов об организации помощи инвалидам войны. Распоряжения Наркомсобеса.

— GARF. F. A-413. Op. 2. D. 168. Correspondence with the Central Committee of the All-Russian Union of Maimed Warriors. — in Russ.

176

ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 193. Переписка с Калужским отделом социального обеспечения о назначении пенсий и прохождении лечения инвалидов войны.

— GARF. F. A-413. Op. 2. D. 193. Correspondence with the Kaluga department. — in Russ.

ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 216. Переписка с Петроградским союзом увечных воинов о назначении пенсий, оказании помощи семьям красноармейцев и работе союзов увечных воинов. Распоряжения и приказы Наркомсобеса.

— GARF. F. A-413. Op. 2. D. 216. Correspondence with the Petrograd Union of maimed warriors. — in Russ.

ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 223. Переписка с Рязанским отделом социального обеспечения и союзом увечных воинов о финансировании союза, регистрации инвалидов и назначении пенсий.

— GARF. F. A-413. Op. 2. D. 223. Correspondence with the Ryazan department. — in Russ.

ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 373. Журналы № 22-40 заседаний комиссии при отделе помощи увечным воинам Народного комиссариата социального обеспечения.

— GARF. F. A-413. Op. 2. D. 373. Journals No. 22-40 of the meetings of the commission at the department of assistance to maimed soldiers. — in Russ.

ГАРФ. Ф. А-413. Оп. 2. Д. 1540. Распоряжения и инструкция Наркомсобеса, переписка с Московским совдепом, с Центральным комитетом по снабжению увечных протезами и др. учрежд. о выдаче пособий и пенсий увечным и их семьям и жертвам контрреволюции, удостоверения сотр. Наркомсобеса.

— GARF. F. A-413. Op. 2. D. 1540. Orders and instructions of the People's

Commissariat for Social Welfare, correspondence with the Moscow sovdep, with the central committee for the supply of maimed with prostheses. — in Russ.

Декрет о пенсионном обеспечении солдат Красной Армии и их семейств от 7 августа 1918 г. (1964). Декреты Советской власти. Т. III. 11 июля — 9 ноября 1918 г. М.: Политиздат: 180-182.

— Decree on pension provision for Red Army soldiers and their families of August 7, 1918 (1964). Decrees of Soviet power. Vol. III. July 11 — November 9, 1918. M.: Politizdat: 180-182. — in Russ.

Декрет СНК «О распространении действия декретов от 7 августа и 10 октября 1918 г. о пенсионном обеспечении солдат Красной Армии и их семейств на другие категории военнослужащих» (1920). Собрание узаконений и распоряжений по Народному комиссариату социального обеспечения. Октябрь 1918 г. — июнь 1919 г. М.: 47-48.

— Decree of the Council of People's Commissars "On extending the action of the decrees of August 7 and October 10, 1918 on pension provision for Red Army soldiers and their families to other categories of servicemen" (1920). Collection of decrees and orders on the People's Commissariat for Social Welfare. October 1918-June 1919. M.: 47-48. — in Russ.

Еремин И. А. (2006) Забота о больных и раненых воинах в Западной Сибири в годы Первой мировой войны (1914-1918 гг.). *Известия Томского политехнического университета*, 6 (309): 202-205.

— Eremin I. A. (2006) Care of sick and wounded soldiers in Western Siberia during the First World War (1914-1918). *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 6 (309): 202-205. — in Russ.

Зумпф А. (2014а) *Российские инвалиды Первой мировой войны: Жертвы прошлого или современная социальная группа? Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX — середина XX в.*, СПб.: Нестор-История: 467-484.

— Sumpf A. (2014a) *Russian invalids of the First World War: Victims of the past or a modern social group? Little man and big war in Russian history: mid-19th — mid-20th century*, St. Petersburg: Nestor-Istoria: 467-484. — in Russ.

Зумпф А. (2014b) Инвалидность и экспертиза во время Первой мировой войны в России. К. Бруиш, Н. Катцер (ред.). *Большая война России: социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох*, М.: Новое литературное обозрение: 12-17.

— Sumpf A. (2014b) Disability and expertise during the First World War in Russia. K. Bruish, N. Katzer (eds.). *Russia's Great War: social order, public communication and violence at the turn of the tsarist and Soviet eras*, M.: New Literary Review: 12-17. — in Russ.

Игольникова В. А. (2010) Элементы социального государства в Советской России 1917-1920 гг. *Социология власти*, (6): 166-173.

— Igolnikova V. A. (2010) Elements of the social state in Soviet Russia 1917-1920. *Sociology of Power*, (6): 166-173. — in Russ.

Извещение о порядке освидетельствования инвалидов для определения их прав

на пенсию (1918). *Izvestia* (33): 4.

— Notice on the procedure for examining invalids to determine their rights to a pension (1918). *Izvestia* (33): 4. — in Russ.

Каспэ И. (2013) От редактора. И. М. Каспэ (ред.). Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? М.: Новое литературное обозрение: 5-14.

— Kaspé I. (2013) From the editor. I. M. Kaspé (ed.). Status of the document: Final paper or alienated certificate? M.: New Literary Review: 5-14. — in Russ.

Катцина Т. А. (2017) Социальная помощь инвалидам войны в годы «великих потрясений» (1914-1921): региональный аспект. Революция 1917 года: 100 лет спустя. Взгляд из Сибири: материалы Сибирского исторического форума, Красноярск: ООО «Лаборатория развития»: 111-116.

— Kattsina T. A. (2017) Social assistance to disabled warriors in the years of “great upheavals” (1914-1921): a regional aspect. Revolution of 1917: 100 years later. View from Siberia: materials of the Siberian Historical Forum, Krasnoyarsk: Development Laboratory: 111-116. — in Russ.

Катцина Т. А., Павлова И. П. (2018) Социальная политика Временного правительства: идеи и опыт реализации (март-октябрь 1917 г.). *Вестник Томского государственного университета*, (428): 134-140.

— Kattsina T. A., Pavlova I. P. (2018) Social policy of the Provisional Government: ideas and experience of realization (March-October 1917). *Tomsk State University Journal*, (428): 134-140. — in Russ.

Катцина Т. (2005) От общественного призрения к социальному обеспечению. П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова (ред.). *Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.*, Саратов: ЦСПГИ: 89-103.

— Kattsina T. (2005) From public charity to social welfare. P. V. Romanov, E. R. Yarskaya-Smirnova (eds.). *Need and order: the history of social work in Russia, 20th century*, Saratov: TsSPGI: 89-103. — in Russ.

Ковалев А. С., Новосельцев Н. Р., Савин О. И. (2018) Роль Русской православной церкви в профессионально-трудовой реабилитации инвалидов в годы Первой мировой войны (на примере Томской губернии). *Былые годы*, 48 (2): 828-837.

— Kovalev A. S., Novoseltsev N. R., Savin O. I. (2018) The role of the Russian Orthodox Church in vocational and labor rehabilitation of the disabled during the First World War (on the example of Tomsk Province). *Bylye Gody*, 48 (2): 828-837. — in Russ.

Ло Дж. (2015) *После метода: беспорядок и социальная наука*, М.: Издательство Института Гайдара.

— Law J. (2015) *After method: mess in social science research*, M.: Gaidar Institute Publishing House. — in Russ.

Любомудров П. В. (1915) Из повседневной практики постоянных врачебных комиссий. *Военно-медицинский журнал*, (9): 108-115.

— Lyubomudrov P. V. (1915) From the daily practice of permanent medical

commissions. *Military Medical Journal*, (9): 108-115. — in Russ.

Мокин Н. (1917) Размышления по поводу убийства д-ра Орлова. *Врачебно-санитарные известия Управления Главноуполномоченного Красного креста Юго-Западного фронта*, (15): 60-62.

— Mokin N. (1917) Reflections on the murder of Dr. Orlov. *Medical and sanitary news of the Office of the Chief Commissioner of the Red Cross of the South-Western Front*, (15): 60-62. — in Russ.

Отчет о трудах Первого Всероссийского съезда делегатов увечных воинов (15-27 июня 1917 г.) (1917). Петроград.

— Report on the Proceedings of the First All-Russian Congress of Delegates of Maimed Warriors (June 15-27, 1917) (1917). Petrograd. — in Russ.

Охотникова О. К. (2022) «Увечные воины»: социальный статус военных инвалидов в российской публицистике 1914-1916 годов. *Россия и современный мир*, 3 (116): 40-60.

— Okhotnikova O. K. (2022) “Maimed warriors”: the social status of military invalids in Russian publicistic literature of the 1914-1916s. *Russia and the Contemporary World*, 3 (116): 40-60. — in Russ.

Пенсионное дело (1918). *Журнал Народного Комиссариата Социального Обеспечения*, (2): 27-32.

— Pensions (1918). *Journal of the People's Commissariat for Social Welfare*, (2): 27-32. — in Russ.

Петров В., Единевский В. (1959) Инвалидность военная. А. Н. Бакулев (ред.). *Большая медицинская энциклопедия*, Т. 11: 384-388. М.: Медгиз.

— Petrov V., Edinevsky V. (1959) Military Disability. A. N. Bakulev (ed.). *Big medical encyclopedia*, Vol. 11: 384-388. M.: Medgiz. — in Russ.

Петроград на переломе эпох: Город и его жители в годы революции и Гражданской войны (2000). В. А. Шишкин (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин.

— Petrograd at the turn of the epochs: the city and its inhabitants in the years of revolution and civil war (2000). V. A. Shishkin (ed.). St. Petersburg: Dmitry Bulanin. — in Russ.

Положение о призрении нижних воинских чинов и их семейств (1912). Полный свод законов. 3-е изд. Т. 32. № 37507. Собрание узаконений. Отд. I. Ст. 1198.

— Regulations on the care of lower military ranks and their families (1912). Complete Code of Laws. 3rd ed. Vol. 32. No. 37507. Collection of ordinances. Otd. I. Art. 1198. — in Russ.

Поразрядное расписание болезней и телесных недостатков, для определения прав нижних воинских чинов на пенсию по закону 25 июня 1912 г. Издание Секретаря Московского Городского по воинской повинности Присутствия К. В. Кузнецова (1914). М.: Типо-литография Н-в М. Г. Грамакова.

— The list of diseases and bodily defects for determining the rights of lower military ranks to pension under the law of June 25, 1912. Publication of the Secretary of the Moscow City Military Service Presence K. V. Kuznetsov (1914). M.: Typo-lithography N-v M. G. Gramakov. — in Russ.

Поразрядное расписание болезней и телесных недостатков, имеющих последствием утрату или ограничение трудоспособности, дающих право солдатам на пенсию по закону 25 июня 1912 года (1917). Петроград: Военная типография в здании Главного штаба.

— List of diseases and bodily defects, resulting in loss or restriction of ability to work, entitling soldiers to a pension under the law of June 25, 1912 (1917). Petrograd: Military Printing House in the building of the General Staff. — in Russ.

Постановление НКГП об учреждении при Советах Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов Отделов по назначению пенсии военно-увечным от 23 января 1918 г. (1942). Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1917–1918 гг. М.: Управ. дел. Совнар. СССР: 389.

— Resolution of the People's Commissariat for State Patronage on the establishment of the Departments of the Soviets of Workers', Soldiers', and Peasants' Deputies to grant pensions to war maimed from January 23, 1918 (1942). Collection of Government Decrees and Orders for 1917–1918. Moscow: Uprav. Del. Sovnar. USSR: 389. — in Russ.

Потехин М. Н. (1980) *Петроградская трудовая коммуна: 1918–1919 гг.*, Л.: Изд-во ЛГУ.

— Potekhin M. N. (1980) *Petrograd labor commune: 1918–1919*, L.: Izd-vo LSU. — in Russ.

180

Пузин С. Н., Дмитриева Н. В., Шевченко С. Б., Осадчук М. А., Суворов В. Г. (2017) Исторические этапы развития и становления службы медико-социальной экспертизы в России. *Медико-социальная экспертиза и реабилитация*, 20 (1): 50–54.

— Puzin S. N., Dmitrieva N. V., Shevchenko S. B., Osadchuk M. A., Suvorov V. G. (2017) Historical stages of development and formation of service of medico-social examination in Russia. *Medical and Social Expert Evaluation and Rehabilitation*, 20 (1): 50–54. — in Russ.

Распоряжение, объявленное правительствующему сенату министром внутренних дел (1917). *Вестник Временного правительства*, (120): 1.

— Regulation announced to the Government Senate by the Minister of the Interior (1917). *Bulletin of the Provisional Government*, (120): 1. — in Russ.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1253. Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну. Оп. 1. Д. 86. Особая комиссия.

— Russian State Historical Archive (RGIA). Ф. 1253. The Supreme Council for the care of families of persons conscripted to the war. Op. 1. D. 86. Special Commission. — in Russ.

Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах) (1925). М.: ЦСУ.

— Russia in the World War of 1914–1918 (in figures) (1925). М.: CSU. — in Russ.

Сводка правил по выдаче пособий и пенсий: Народный комиссариат социального обеспечения (1920). Пенза: Типо-литография Губсовнархоза № 3.

— Summary of rules for the issuance of allowances and pensions: People's Commissariat for Social Welfare (1920). Penza: Typo-lithography of Gubsovnarkhoz No. 3. — in Russ.

Семячкова В. В. (2017) *Законодательство «О жертвах» Первой мировой войны в переходный период (1917–1918 годы). Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура*, Тюмень: Тюменский государственный университет: 240–250.

— Semyachkova V. V. (2017) *Legislation “On Victims” of the First World War in the transition period (1917–1918). Cossacks of Siberia from Ermak to our days: history, language, culture*, Tyumen: Tyumen State University: 240–250. — in Russ.

Степochкина Е. В. (2014) Организация медицинской помощи и социальная реабилитация инвалидов в Самарской губернии во время Первой мировой войны. XX век и Россия: общество, реформы, революции. Электронный сборник, вып. 2. Самара: 285–289.

— Stepochkina E. V. (2014) Organization of medical care and social rehabilitation of the disabled in Samara Province during the First World War. XX century and Russia: society, reforms, revolutions. Electronic collection, vol. 2. Samara: 285–289. — in Russ.

Торлопова Л. А. (2017) Онтологическая сборка инвалидности в практиках медико-социальной экспертизы. *Социология власти*, (3): 103–121.

— Torloпова L. A. (2017) Ontological assemblage of disability in practices of medico-social expertise. *Sociology of Power*, (3): 103–121. — in Russ.

Третьяков А. (1959) Инвалидность. А. Н. Бакулев (гл. ред.). *Большая медицинская энциклопедия*, Т. 11: 376–384. М.: Медгиз.

— Tretyakov A. (1959) Disability. A. N. Bakulev (ed.). *Big medical encyclopedia*, Vol. 11: 376–384. M.: Medgiz. — in Russ.

Троицкая И. А., Авдеев А. А. (2018) Первая российская номенклатура болезней и диагностика причин смерти в XIX в.: частный случай. *Население и экономика*, 2 (4): 1–46.

— Troitskaya I. A., Avdeev A. A. (2018) The first Russian nomenclature of diseases and diagnosis of causes of death in the XIX century: a case study. *Population and Economy*, 2 (4): 1–46. — in Russ.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 6276. Ленинградский областной совет профсоюзов. Оп. 269. Д. 350. Выписка из протокола 2-й сессии Общегосударственного комитета помощи военно-увечным, доклад бюро комитета о пересмотре действующих законоположений о пенсиях военно-увечным.

— Central State Archive of St. Petersburg (hereinafter — TSGA SPb). F. 6276. Leningrad Regional Council of Trade Unions. Op. 269. D. 350. Extract from the minutes of the 2nd session of the All-State Committee for Assistance to the War Martyrs, the report of the bureau of the committee on the revision of the current legal provisions on pensions to the war martyrs. — in Russ.

ЦГА СПб. Ф. 8503. Канцелярия Исполкома Союза раненых и больных воинов. Оп. 1. Д. 49. Переписка по Комиссариату социальной помощи.

— TSGA SPb. F. 8503. Office of the Executive Committee of the Union of wounded and sick soldiers. Op. 1. D. 49. Correspondence on the Commissariat of Social Assistance. — in Russ.

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 399. Петроградский Мариинский приют для ампутированных и увечных воинов. Оп. 1. Д. 8. Книга записи поступивших на лечение увечных воинов.

— Central State Historical Archive of St. Petersburg (hereinafter — TSGIA SPb). F. 399. Petrograd Mariinsky orphanage for amputees and maimed soldiers. Op. 1. D. 8. Book of records of maimed soldiers admitted for treatment. — in Russ.

ЦГИА СПб. Ф. 638. Центральный Исполнительный комитет Союза увечных воинов. Петроград. 1917–1918. Оп. 1. Д. 127. Протоколы заседаний Медицинского совета при Исполнительном комитете Петроградского Союза увечных воинов.

— TSGIA SPB. F. 638. Central Executive Committee of the Union of Maimed Warriors. Petrograd. 1917–1918. Op. 1. D. 127. Minutes of the meetings of the Medical Council at the Executive Committee of the Petrograd Union of maimed soldiers. — in Russ.

ЦГИА СПб. Ф. 638. Оп. 1. Д. 266. Приказы Исполнительного комитета Петроградского Союза увечных воинов по административно-хозяйственной деятельности и личному составу служащих.

— TSGIA SPB. F. 638. Op. 1. D. 266. Orders of the Executive Committee of the Petrograd Union of maimed soldiers. — in Russ.

182

ЦГИА СПб. Ф. 638. Оп. 2. Д. 7. Уведомление Врачебного подотдела Центрального отдела помощи жертвам войны и революции Врачебному отделу Исполнительного комитета Петроградского Союза увечных воинов об организации статистического учета призываемых инвалидов.

— TSGIA SPB. F. 638. Op. 2. D. 7. On the organization of statistical records of the disabled people. — in Russ.

ЦГИА СПб. Ф. 638. Оп. 2. Д. 8. Доклад о деятельности Секции медицинской статистики при Исполнительном комитете Петроградского Союза увечных воинов и образец карточки для регистрации военно-увечных.

— TSGIA SPB. F. 638. Op. 2. D. 8. Report on the activities of the Section of Medical Statistics. — in Russ.

ЦГИА СПб. Ф. 638. Оп. 2. Д. 10. Документы о деятельности Психиатрического, Стоматологического и Физиохирургического институтов, состоящих в ведении Центрального отдела помощи жертвам войны и революции.

— TSGIA SPB. F. 638. Op. 2. D. 10. Documents on the activities of the Psychiatric, Dental and Physiosurgical Institutes. — in Russ.

ЦГИА СПб. Ф. 638. Оп. 2. Д. 26. Дело об установлении порядка освидетельствования увечных воинов для назначения пенсий и оплаты работы врачей городских, уездных и губернских комиссий.

— TSGIA SPB. F. 638. Op. 2. D. 26. Case on the establishment of the order of examination of maimed soldiers. — in Russ.

ЦГИА СПб. Ф. 638. Оп. 2. Д. 28. Документы о деятельности Врачебного подотдела Центрального отдела помощи жертвам войны и революции по освидетельство-

ванию увечных воинов и службе врачей.

— F. 638. Op. 2. D. 28. Documents on the activities of the Medical Sub-Department of the Central Department for Assistance to Victims of War and Revolution on the examination of maimed soldiers and the service of doctors. — in Russ.

ЦГИА СПб. Ф. 638. Оп. 2. Д. 33. Дело об учреждении и деятельности при Врачебном подотделе Центрального отдела помощи жертвам войны и революции Комиссариата социального обеспечения комиссии по пересмотру закона от 25 июня 1912 года.

— F. 638. Op. 2. D. 33. Case of the commission to revise the law of June 25, 1912. — in Russ.

ЦГИА СПб. Ф. 638. Оп. 2. Д. 40. Акты медицинского обследования здоровья инвалидов, призываемых в учреждениях Исполнительного комитета Петроградского Союза увечных воинов.

— TSGIA SPB. F. 638. Op. 2. D. 40. Acts of medical examination of the health of invalids. — in Russ.

ЦГИА СПб. Ф. 2265. Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927) — невропатолог, психиатр и психолог, морфолог и физиолог нервной системы. Оп. 1. Д. 1065. Записки В.М. Бехтерева, доклады, предложения. Протоколы, циркуляры, уставы и др. материалы по вопросу организации помощи увечным и душевнобольным воинам.

— TSGIA SPB. F. 2265. Bekhterev Vladimir Mikhailovich. Op. 1. D. 1065. Protocols, circulars, statutes and other materials on the organization of assistance to maimed and mentally ill soldiers. — in Russ.

Шек О. (2005) Социальное исключение инвалидов в СССР. П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова (ред.). *Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.*, Саратов: ЦСПГИ: 381–403.

— Scheck O. (2005) Social exclusion of the disabled in the USSR. P. V. Romanov, E. R. Yarskaya-Smirnova (eds.). *Need and order: the history of social work in Russia, 20th century*, Saratov: TsSPGI: 381–403. — in Russ.

Ярская-Смирнова Е., Романов П. (2009) Герои и тунеядцы: иконография инвалидности в советском визуальном дискурсе. П. В. Романов, Е. Р. Ярская-Смирнова (ред.). *Визуальная антропология: режимы видимости при социализме*, М.: ЦСПГИ: 289–332.

— Yarskaya-Smirnova E., Romanov P. (2009) Heroes and deadbeats: the iconography of disability in Soviet visual discourse. In P. V. Romanov, E. R. Yarskaya-Smirnova (eds.). *Visual anthropology: modes of visibility under socialism*, M.: TsSPGI: 289–332. — in Russ.

Carden-Coyne A. (2009) *Reconstructing the body: classicism, modernism, and the First World War*, Oxford: Oxford University Press.

Cohen D. (2001) *The war come home: disabled veterans in Britain and Germany, 1914–1939*, London: University of California Press.

Foucault and the Government of Disability (2005). S. Tremain (ed.). Ann Arbor: University of Michigan Press.

Jackson A. (2019) Reforming the veteran: propaganda and agency in the First World War Reconstruction hospitals. *Journal of the Medical Library Association*, 107 (4): 472–487.

Haller J. S. (2011) *Battlefield medicine: a history of the military ambulance from the Napoleonic Wars through World War I*, Carbondale: Southern Illinois University Press.

Hull M. S. (2012) Documents and Bureaucracy. *Annual Review of Anthropology*, (41): 251–267.

Malone C. (2013) A Job Fit for Heroes? Disabled Veterans, the Arts and Crafts Movement and Social Reconstruction in Post-World War I Britain. *First World War Studies*, 4 (2): 201–217.

Perry H. R. (2014) *Recycling the disabled: army, medicine, and modernity in WWI Germany*, Manchester: Manchester University Press.

Rassell M., Iarskaia-Smirnova E. R. (2014) Conceptualising Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union. M. Rasell, E. Iarskaia-Smirnova (eds.). *Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union: History Policy, and Everyday Life*, London: Routledge: 1–17.

Reid S. (2017) *Medicine in First World War Europe: soldiers, medics, pacifists*, London: Bloomsbury.

Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880–1960 (2017). S. Grant (ed.) Cham: Palgrave Macmillan.

184

Salvante M. (2015) “Thanks to the Great War the blind gets the recognition of his ability to act”: the rehabilitation of blinded servicemen in Florence. *First World War Studies*, 6(1): 21–35.

Smith T. B. (1998) The Social Transformation of Hospitals and the Rise of Medical Insurance in France, 1914–1943. *The Historical Journal*, 41 (4): 1055–1087.

Snyder S. L., Mitchell D. T. (2006) *Cultural Locations of Disability*, Chicago: University of Chicago Press.

Sumpf A. (2015) War Disabled on Screen: Remembering and Forgetting the Great War in the Russian and Soviet Cinema, 1914–1940. *First World War Studies*, 6 (1): 57–79.

Рекомендация для цитирования:

Охотникова О. К. (2023) Паспорт увечного воина: медицинская экспертиза и бюрократические практики обращения с инвалидной телесностью в 1917–1918 гг. *Социология власти*, 35 (3): 152–184.

For citations:

Okhotnikova O. K. (2023) The Passport of the Maimed Warrior: Medical Expertise and Bureaucratic Practices in Treating the Disabled Body in 1917–1918. *Sociology of Power*, 35 (3): 152–184

Поступила в редакцию: 10.08.2023; принята в печать: 30.09.2023

Received: 10.08.2023; Accepted for publication: 30.09.2023

Рецензии

АЛЕКСЕЙ Л. АНДРЮШИН¹

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

ORCID 0000-0002-4341-5279

«Пошел по солому, а принес мякины»: амбивалентность власти как противоречие в последствиях действий хозяйствующих субъектов

Рецензия на книгу: The
Ambivalence of Power in the Twenty-
First-Century Economy Cases from
Russia and beyond. London.
V. V. Radaev, Z. V. Kotelnikova (ed.):
UCL Press, 2022²

185

doi: 10.22394/2074-0492-2003-3-185-196

В июле 2022 года вышла коллективная монография The
Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy Cases

-
- 1 Алексей Л. Андрюшин — стажер-исследователь, Лаборатория экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ, Москва, Россия. Научные интересы: социология религии, моральная экономика, хозяйственная этика мировых религий. E-mail: andryuschin.alexei@yandex.ru
Alexei L. Andryushin — Research Assistant, Laboratory for Studies in Economic Sociology, Higher School of Economics. Research interests: sociology of religion; moral economy; economic ethics of world religions. E-mail: andryuschin.alexei@yandex.ru
  - 2 Работа над рецензией велась в рамках проекта Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ «Социально-экономические стратегии населения по совладанию с кризисом» при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (2023 г.).

from Russia and beyond под редакцией В. В. Радаева и З. В. Котельниковой в издательстве Университетского колледжа Лондона. Эта работа не просто описывает кейсы властных отношений, а их концептуализирует, и концептуальной рамкой здесь выступает понятие *амбивалентности власти*. Более того, в ней представлены ключевые социально-экономические тренды на примере российских и зарубежных кейсов с применением различных методик анализа данных и актуальными для каждого случая теоретическими подходами. Однако эта работа может быть недоступна русскоязычному читателю, так как она написана на английском языке, поэтому мы видим необходимым кратко описать содержание книги.

Редактор серии Fringe, профессор Алена Леденева во введении к книге пишет, что само понятие амбивалентности переключалось в социологию из психологии, где оно было впервые употреблено в начале 1910-х швейцарским психиатром Ойгеном Блейлером. В Оксфордском словаре оно определяется как «сосуществование в одном человеке глубоко противоположных эмоций, убеждений, отношений или побуждений (таких как любовь и ненависть, или влечение и отвращение) по отношению к человеку или предмету» [Ledeneva 2022: xx]. Социологические же интерпретации амбивалентности принадлежат Роберту Мертону и Зигмунту Бауману. Первый понимал ее как несовместимые нормативные ожидания в отношении взглядов, убеждений и поведения [Ibid.] в связи с тем, что «любое действие можно рассмотреть с точки зрения “того, что достигается”, и “того, что не удастся достичь”» [Мертон 2006: 327]. Мертон приводит пример врача, исполняющего свой профессиональный долг, который должен быть одновременно пристрастным и беспристрастным к своему пациенту в силу налагаемых социальными структурами на медика правил [Merton 1976: 6-7], то есть он должен испытывать к пациенту некоторое сочувствие, оказывая ему поддержку, и в то же время подходить к пациенту отстраненно, не выделяя его среди других. В данном случае прослеживается влияние его наставника по структурному функционализму — Толкотта Парсонса, который понимал концепцию профессионального типа как «отстраненного от “личного интереса с ложной дихотомией конкретных эгоистических и альтруистических мотивов”» [цит. по: Абрамов 2005: 56]. Соответственно, амбивалентность здесь представляет собой не столько слом социальной структуры, сколько ее оборотную сторону, когда происходящее несоответствие становится необходимым условием существования тех или иных элементов (например, профессионального статуса), а не аномией. Именно в работах Мертона присутствует различие явных и латентных функций. Иной взгляд предлагается Зигмунтом Бауманом, который рассматривает амбивалентность как «возможность отнесения

объекта или события к более чем одной категории» [Bauman 1993: 1], то есть как феномен неопределенности в вопросе классификации различных социальных явлений. Ключевым здесь является то, что амбивалентность ведет к разрушению социального порядка, когда определенное становится неопределенным, потому что она несет «полярность и колебательные изменения» [Ledeneva 2022: ххi]. При этом именно противоречивость и полярность феноменов социальной реальности отличают амбивалентность от неоднозначности (*ambiguity*), предполагающую многогранную и многозначную природу явлений [Kotelnikova, Radaev 2022: 2].

Другим фундаментальным концептом, вокруг которого строится логика рецензируемой монографии, является власть. В социальных науках устоялось понимание, что этот феномен отличается многогранностью (*multifaced*). Одной из наиболее распространенных версий остается модель трехликой власти по своим функциям (власть как прямое принуждение к действию; власть как недопущение какого-либо действия и власть как скрытое влияние) Стивена Льюкса, в которой автор предлагает следующую модель власти: «А осуществляет власть над В, когда А воздействует на В таким образом, который противоречит интересам В» [Льюкс 2010: 58]. Радаев и Котельникова предлагают выстроить работу не над усовершенствованием дополнительных измерений и факторов власти, а работать именно в границах амбивалентности власти, то есть двойственности и противоречивости, в фокусе современной экономической жизни. Такой подход нам близок, так как он направлен на операциональное использование концепта, который позволил бы объяснять феномены социальной реальности, которые редко имеют только явные функции в терминологии Мертона.

Однако, на наш взгляд, авторы концентрируются на атрибутах власти, то есть на внешних свойствах, а не на внутреннем содержании этого термина. Соответственно, перейдя от одного атрибута к другому, вопрос, что значит осуществлять власть, не решается, как это было сделано в работе Льюкса. Следовательно, амбивалентность и власть в обозреваемой книге сосуществуют автономно друг от друга.

Для нас важным достижением философского осмысления власти является сосредоточенность не столько на акторах, сколько на действии, потому что ее лучше всего в гносеологическом смысле рассматривать не как способность (как это было у Льюкса), а как социальные отношения, задействующие определенные силы: «Проще всего наблюдать власть в отношениях двоих людей, но власть одного человека над другим может предполагать, что за одним из них стоят превосходящие ресурсы, прямо не задействованные в отношении, но имплицитированные в нем» [Филиппов 2019: 143].

Для экономической социологии крайне важно вести речь о ресурсном подходе к власти, потому что в этом раскрываются возможности различных акторов в установлении власти, а также в ее противоречии, когда наличие этих самых ресурсов вовсе не означает возможность властвовать. В этом смысле наиболее точной является Ханна Арендт, предполагающая различие между властью и насилием как формой легитимного господства в виде согласованных действий субъектов, с одной стороны, и использованием прямого воздействия в виде силы, с другой стороны [Арендт 2014: 8, 51]. Такое понимание этих понятий позволяет как раз таки перейти к определению власти как отношения, стоящего за субъектами и переходящего в асимметрию возможностей. А именно такая асимметрия позволяет нам проследить, каким образом возможна амбивалентность этой самой власти. Характерный пример приводит сама Арендт: «...изобилие богатства может ослаблять власть» [Арендт 2014: 16].

Теперь мы перейдем к обзору кейсов данной монографии, раскрывающих амбивалентность власти на разных примерах как в России, так и за ее пределами. Всего здесь представлено 16 материалов, раскрывающих разные аспекты современной жизни, которые сгруппированы в три раздела.

188

Первая часть кейсов относится к макроуровню и сосредоточена на описании роли государства в экономике, когда различия в объеме власти (будь то ее централизация или децентрализация) приводят к противоречивым последствиям для дальнейшего развития субъектов экономики. Так, профессор Марек Домбровский предлагает рассмотреть взаимосвязь между экономическим ростом и свободой в странах, имеющих посткоммунистический опыт. Главная проблема здесь заключается в том, что крах такого рода режимов в конце прошлого века по политическим причинам привел к весьма твердым убеждениям о постепенной демократизации этих обществ и улучшении в этой связи их экономического благосостояния. Однако на примере стран бывшего СССР и Восточной Европы мы видим, что начались обратные процессы, как минимум политические, когда возник процесс реставрации автократий на этих территориях. Автор предлагает этому феномену следующее объяснение: политическая власть в силу своей амбивалентности становится в случае отсутствия инструментов сдерживания «движущей силой частных интересов (включая экономические) правящей элиты» [Dabrowski 2022: 32].

Алексей Победоносцев развивает эту тему, сравнивая механизмы сбора ренты на примере России и Венесуэлы, ассоциируя их с так называемыми государствами-рантье, позиции которых принято описывать в терминах ресурсного проклятия, что означает наличие доходов от экспорта природных ресурсов, которое «имеет тенденцию

нести различные пагубные последствия для политического и экономического развития богатых ресурсами стран» [Pobedonostsev 2022: 36]. Автор предлагает сместить фокус в триаде «создание ренты — сбор ренты — перераспределение ренты» с последнего на второй. Именно здесь он находит противоречия в трансформации ресурсной ренты в доход государства. Сравнивая Россию и Венесуэлу, он говорит, что изначально у этих стран был близкий путь развития в виде обогащения в начале 2000-х и, как следствие, усиления авторитарного управления. Однако в России политическому руководству удалось не только извлечь максимально возможные преференции от нефтяного бума начала века, но и минимизировать риски от ресурсного проклятия в виде ослабления государства, в то время как Венесуэла потеряла монополию на сбор и перераспределение нефтяной ренты. В 2010-е годы Россия все-таки оказалась в стагнации из-за международных проблем и эрозии институтов.

В вопросе взаимодействия государства и рынка Александр Куракин и Александр Никулин рассматривают трансформацию российского агробизнеса в условиях перехода к капиталистическим институтам в конце XX века. Оказывается, что сельскохозяйственный бизнес способствует развитию социального капитала среди местных жителей за счет их вовлечения в этот бизнес. Данная работа оспаривает позицию, что агробизнес может только лишь эксплуатировать работников и отнимать у людей собственность, не создавая симбиотических сетей. Соответственно, они предлагают многофакторную классификацию такого рода деятельности, говоря о разнообразии в сфере контактов государства и бизнеса.

Завершает этот блок статья Леонида Косалса о легитимации инноваций. Автор исходит из посылки, что социальная амбивалентность связана с двумя феноменами: с одной стороны, с социальными изменениями, а с другой стороны, с сопротивлением им. Соответственно, технологические новинки могут как улучшать и оптимизировать жизнь людей, так и приводить к дезориентации и неопределенности в системе ценностей. На примере искусственного интеллекта (ИИ) автору удастся рассмотреть, как четвертая промышленная революция с ее гибкостью и индивидуализацией влияет на опасения людей относительно экономических перспектив (в частности, по вопросам безработицы, неравенства и в целом распределения благ). Косалс приходит к выводу, что внедрение инноваций приводит в действие работу социального иммунитета, замедляющего или даже останавливающего модернизацию. Амбивалентность власти снижает действие социального иммунитета и может приводить к негативным последствиям, вопреки процессам легитимации инноваций. Это означает, что в случае раскогласования намерений различных акторов внедрение новых технологий

становится менее понятным процессом для общества. Примером чего у автора служит внедрение системы распознавания лиц в разных странах, когда в одних странах есть четкая стратегия их развития (отказ от них в пользу прав человека в Канаде или активное их развитие в Китае), а в других возникает напряжение (в связи с правовым плюрализмом в России или в связи с децентрализованной правовой системой в США).

Во втором, наиболее объемном блоке статей рассмотрена тема борьбы за власть в экономике на материале различных организаций как групп, а не институтов. Мы условно разделили этот раздел на две части: фокусирование на отдельных организациях и фокусирование на отдельных аспектах организационных (групповых) отношений.

Андрей Шевчук и Денис Стребков предлагают рассмотреть рынок фрилансовых услуг в рамках стремительно разрастающегося феномена «гиг-экономики». Важной частью этой структуры является их неформальность, то есть нахождение в теневом секторе экономики, где государство не видит деятельность таких акторов. Их вывод состоит в том, что амбивалентность власти проявляется в следующем: платформы не могут получать доход от инвестиций в инфраструктуру, потому что фрилансеры выводят деньги за их пределы, при этом последние хотят добросовестного исполнения контрактов, избегая заключения официальных договоров, чтобы уйти от госконтроля.

190

Работа Елены Богдановой посвящена муниципальному арендному жилью в Швеции, на рынке которого действуют одновременно два режима: «муниципальные жилищные компании по-прежнему несут ответственность за создание и поддержку жилья как общественного блага, но обязаны действовать как фирмы, ориентированные на получение прибыли» [Bogdanova 2022: 171]. Такая ситуация приводит к исключению арендаторов из вопросов консультаций по выбору жилья, в результате чего те ищут пути обхода тех тем, где не могут принимать активное участие. Они выбирают стратегию «дырявых черных ящиков» (leaky black boxes), то есть пытаются уйти от темы повышения стандартов к вопросу качества и долга как исчисляемым категориям, а также переводят дискуссию с управляющими компаниями в протестную плоскость — эти меры по факту становятся инструментами для снижения асимметрии во власти между жильцами и компаниями.

Коллектив авторов в лице Марии Тысячнюк, Сары Тейтельбаум, Андрея Петрова и Лии Горовиц рассматривает вопрос о частной власти рынков на примере лесного хозяйства и нефтяной промышленности. В этих сферах, по словам авторов, активно внедряется система добровольного предварительного и осознанного согласия.

В результате органы местной власти стали агентами институциональных изменений, в частности активного внедрения корпоративной социальной ответственности в соответствующих компаниях. Главной проблемой в этой позиции является противодействие со стороны промышленных компаний, привыкших к местным устоям в противовес глобальным правилам. Результатом этого несоответствия интересов становится возрастающая роль индивидуальных акторов.

Иван Павлуткин и Анастасия Макарьева рассматривают положение университетов в перспективе их репутации на примере глобальных рейтингов. Рейтинги в связи с повсеместным их использованием стали инструментом оценки эффективности вузов, при этом важной проблемой является их восприятие университетскими корпорациями, осознающими множество методологических и этических проблем глобального ранжирования. Приводит это к тому, что национальные и региональные университеты вступают в глобальную академическую гонку, однако такая ситуация создает определенное напряжение, так как лидеры университетских рейтингов выбирают стратегию участия (*engagement*) в жизни государства, то есть являются лидерами национальной экономики, тогда как цель догоняющих университетов — занять место в рейтинге, улучшая свои показатели (*excellence*). Основная сложность для университетов второго типа заключается в том, что они не могут переключиться на стратегию вовлечения, так как существуют определенные нормативные ожидания в отношении их позиционирования, поэтому, соответствуя этим ожиданиям, они остаются в той же нише.

191

Елена Бердышева анализирует кейс с онкологическими заболеваниями, которые стимулируют усиление власти государства через медиализацию общества. Медицинская практика показывает, что сегодня эффективнее будет улучшать качество жизни онкобольных, то есть развитие паллиативной медицины, тогда как создание противораковых лекарств не является эффективным решением, однако российское руководство идет именно вторым путем. Главное противоречие здесь кроется в интересах представителей государственного управления. Они направлены, прежде всего, на консолидацию с фармакологическими компаниями. Это, конечно, приводит к тому, что рядовые пациенты могут получить инновационные препараты от государства, однако отсутствие дифференцированной системы помощи дает лишь сиюминутные эффекты. Из-за этого происходит неэффективное распределение средств, так как вместо дорогостоящих лекарств можно было бы развивать альтернативные механизмы помощи. В результате ситуация складывается таким образом, что государство показывает успехи в области развития

лекарственных препаратов, демонстрируя свои успехи внешнему миру, однако качественного улучшения помощи онкобольным не происходит.

Еще один организационный взгляд демонстрирует нам работа Тамары Кусимовой на примере российского импортозамещения в условиях санкций в середине 2010-х гг. Здесь амбивалентность строится вокруг понятия об аутентичности продукции, произведенной как заменитель ушедшим торговым маркам сыра, то есть между дилеммой национального и глобального. Автор приходит к такому выводу, что рыночная логика и сельский популизм в странах Центральной и Восточной Европы содействует изменению понятий о «своем» и «чужом», результатом чего становится появление на полках магазинов русского пармезана. В этом контексте Кусимова предлагает две стратегии повышения символической ценности продукции, используемых российскими фермерами. Первая — ностальгический перформанс — сингуляризируется через отсылки к истории и культуре России, а вторая стратегия предполагает создание различий между уникальными товарами, улучшающими здоровье, и продукцией больших корпораций, которые производятся массово. Таким образом, уникализация через национальное и локальное становится определенной манипуляцией со стороны отдельных фермеров-производителей для привлечения внимания государства и покупателей, где они противостоят агрохолдингам.

192

Далее мы рассмотрим три аспекта организационных отношений. Вадим Радаев рассматривает оппортунизм на примере межфирменных отношений между поставщиком и ритейлером среди российских компаний. Он говорит о несоблюдении правил как особой форме злоупотребления властью, что является, по мнению автора, следствием неспособности торговых партнеров справиться с амбивалентностью отношений обмена. Радаев фокусируется на явных нарушениях договорных обязательств. Среди предпосылок оппортунизма автор выделяет высокий уровень конкуренции и неопределенность окружающей обстановки, использование зависимого положения партнера, тогда как долгосрочные устойчивые связи снижали уровень оппортунизма. При этом не было зафиксировано использования политических связей для улучшения своих переговорных позиций. К значимым последствиям межфирменного оппортунизма, приводящим к конфликтам, автор относит уровень рыночной конкуренции и уровень переговорной силы. При этом в последние годы частота конфликтов снижалась за счет сдерживания контрагентами оппортунистического поведения, что, по мнению автора, может говорить о снижении значения амбивалентности отношений обмена. Другим аспектом организационно-групповой амбивалентности является абьюзивность. Евгения Балабанова

показывает, что власть позволяет организациям мобилизовывать ресурсы для достижения определенных целей. Но при этом же она становится проявлением враждебного поведения на межличностном уровне, в результате этого возникают индивидуальные психологические проблемы и трудности в солидаризации коллектива, из-за чего эта самая власть становится дисфункциональной относительно достижения целей. И, наконец, третий аспект предлагает рассмотреть Зоя Котельникова в своем исследовании о контрафакте и его делегитимации. С начала 1990-х годов объемы контрафактной продукции в России росли, в связи с чем международные корпорации вводили меры по его пресечению. И только к концу 2000-х годов произошло падение этого показателя до 10-20%. Автор концентрирует свое внимание на том, что не только государство способно издавать законы и осуществлять их посредством правоохранительной деятельности, но и корпорации могут изменять направления государственной политики, лоббируя защиту своих интересов, и формировать общественные настроения. Интересен здесь тот факт, что контрафакт не является однозначно негативным феноменом, так как может повышать узнаваемость брендов, а борьба с такой продукцией — снижать желание покупателей приобретать товары компании, чтобы не купить подделку. Эта амбивалентность приводит, следовательно, к ситуации, что компании не могут действовать от своего имени, поэтому они вступают в альянсы и посредством деловых ассоциаций обращают внимание потребителей на проблему. Здесь показателен случай, когда на начальном этапе борьбы с контрафактом компании прибегали к помощи полиции, чтобы найти юридические компании или частные охранные предприятия, которые могли бы соответствующим образом обеспечить интересы фирмы. Подобные компании и предприятия, в свою очередь, имели некоторые контакты с государством, чтобы осуществлять свои правовые функции. Поэтому власть становится многомерной не только по своим функциям, как это было у Льюкса, но и по акторам, вовлекаемым во властные отношения. Автор делает вывод, что ключевым моментом выступает проявление власти «снизу вверх», то есть от корпораций (прежде всего, глобальных) к государству, хотя и обратная модель не отрицается.

Третья часть книги описывает случаи микровзаимодействий, когда агенты перестраивают властные отношения, борясь за свою автономию. Она начинается со статьи Регины Решетевой о соотношении потребления и сложившейся политической конъюнктуры. Именно экономические проблемы заставляют граждан задумываться о справедливости текущего экономического порядка и стоящего за ним политического режима. Амбивалентность власти здесь проявляется в категории потребительского цинизма, в котором

заключено недоверие к старому опыту из-за его негативного характера, но при этом возникает боязнь будущего. Тогда формируется запрос на государственную поддержку, но ее отсутствие продвигает только лишь деполитизацию граждан из-за двойной фрустрации.

В работе Маши Денисовой предлагается рассмотреть кейс доул (*doulas*), то есть компаньонов в сопровождении родов. В связи с тем, что роды в современной России сильно медикализованы и бюрократизированы, желание женщин получить больше контроля за родами и своим телом приводит к необходимости для них привлечения во время родов помощника, осуществляющего услуги по консультации рожениц. Несмотря на ряд позитивных последствий этого феномена, сам статус доул остается маргинальным (промежуточным), поэтому нахождение их вне официальной медицинской системы порождает сложности при взаимодействии с различными акторами, так как непонятно, какое положение они занимают и каким набором прав они обладают. И третьим, главным моментом напряжения является распределение власти и ответственности в процессе родов. Так как медицина в силу исторических предпосылок оказывается областью с сильной властью и экспертностью врача, то вмешательство «сторонних» участников может ставить его авторитет под сомнение. И самое ценное, что фиксирует эта работа, — это реконструирование позиций власти врача в связи с появлением новых рыночных услуг, так как у него появляется конкурент, который эту власть способен разделять, протестуя против эмоционального и психологического давления на пациента. Соответственно, это выводит доул за рамки коммуникации с врачом, если тот пожелает от нее уклониться.

194

Завершает книгу работа Дарьи Лебедевой о правах и свободах молодых москвичей в вопросах экологии. Для большинства россиян характерны патерналистские модели поведения, государство же при этом не определяет конкретных экологических целей. Но для определенной группы лиц экологическая повестка становится все более волнующей, поэтому автор задается вопросом, почему это происходит, если сам по себе вопрос в общественном дискурсе второстепенен. Ответ кроется в амбивалентности экологической деятельности, являющейся и морально-нейтральной проблемой, и полем политической идентификации молодежи. Именно экологическая деятельность становится сферой расширения прав и политических возможностей молодежи, через которую она демонстрирует и другие свои запросы.

Подводя итоги, мы можем сказать, что главным достоинством рецензируемой монографии является осмысление экономико-социальных категорий не просто в перспективе власти, а в свете ее парадоксальных проявлений (амбивалентности) на материале

различных кейсов. Рассмотрение этого феномена на трех уровнях (институциональном, организационном и микроуровне) придает работе структуру: продемонстрировано, что власть приобретает не столько новые формы, сколько возможности рассмотрения ее проявления в отношениях между различными акторами как в политической, так и в экономической плоскостях. Однако, на наш взгляд, при достаточно глубокой разработанности понятия амбивалентности, концепт власти становится не обобщающим для всех работ, а скорее разъединяющим их из-за неконсистентности его понимания разными авторами. Разнообразие подходов к анализу социально-экономических отношений приводит к разночтениям в понимании власти: власть как отношения между различными акторами, власть как господство одних над другими и др.

Библиография / References

Абрамов Р. (2005) Профессиональный комплекс в социальной структуре общества (по работам Т. Парсонса). *Социологические исследования*, 1: 54-66.

— Abramov R. (2005) Professional complex in the social structure of society (based on the works of T. Parsons). *Sociologicheskie issledovaniia*, 1: 54-66. — in Russ.

Арендт Х. (2014) *О насилии*, М.: Новое издательство, 2014.

— Arendt H. (2014) *On Violence*, М.: Novoe izdatel'stvo. — in Russ.

Льюкс С. (2010) *Власть: Радикальный взгляд*, М.: ИД ВШЭ.

— Lukes S. (2010) *Power: A Radical View*, М.: HSE. — in Russ.

Мертон Р. (2006) *Бюрократическая структура и личность*. Социальная теория и социальная структура, М.: АСТ.

— Merton R. (2006) *Bureaucratic Structure and Personality*. Social theory and social structure, М.: AST. — in Russ.

Филиппов А. (2019) Власть. *Философские науки*, 62(10): 139-159.

— Filippov A. (2019) Power. *Filosofskie nauki*, 62(10): 139-159. — in Russ.

Bauman Z. (1993) *Modernity and Ambivalence*, Oxford: Polity Press.

Bogdanova E. (2022) Power struggles and quality construction in the market for municipal rental housing in Sweden. *The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy Cases from Russia and beyond*, London: UCL Press.

Dabrowski M. (2022) Interrelation between economic freedom and democracy: The case of post-communist countries. *The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy Cases from Russia and beyond*, London: UCL Press.

Ledeneva A. (2022) Preface. Ambivalence: practices, patterns and particles of power. *The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy Cases from Russia and beyond*, London: UCL Press.

Merton R. (1976) *Sociological Ambivalence and Other Essays*, New York: Simon and Schuster.

Pobedonostsev A. (2022) The pitfalls of rent-seeking: Alternative mechanisms of resource rent collection in Russia and Venezuela. *The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy Cases from Russia and beyond*, London: UCL Press.

Kotelnikova Z., Radaev V. (2022) Introduction. *The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy Cases from Russia and beyond*, London: UCL Press.

Рекомендация для цитирования:

Андрюшин А. Л. (2023) «Пошел по солому, а принес мякины»: амбивалентность как противоречивость последствий действий властвующих субъектов в хозяйственной жизни общества. Рецензия на книгу *The Ambivalence of Power in the Twenty-First-Century Economy Cases from Russia and beyond*. London. V. V. Radaev, Z. V. Kotelnikova (ed.): UCL Press, 2022. *Социология власти*, 35 (3): 185-196.

For citations:

Andryushin A. L. (2023) “He Walked on Straw, but Brought Back Chaff”: Ambivalence of Power as a Contradiction in the Consequences of the Actions of Economic Entities. Book Review: *The Ambivalence of Power in the Twenty-first-century Economy Cases from Russia and Beyond* (2022), V.V. Radaev, Z.V. Kotelnikova (Ed.). London: UCL Press. *Sociology of Power*, 35 (3): 185-196.

196

Поступила в редакцию: 19.03.2023; принята в печать: 15.08.2023

Received: 19.03.2023; Accepted for publication: 15.08.2023

ВЛАДИМИР Л. БЛИЗНЕКОВ¹

РАНХиГС, Москва, Россия

Врач-философ как идеал современной медицины

Рецензия на книгу: Кугай А.И. (2022) *Философия и медицина. Вечные темы и современные проблемы*, СПб.: Алетейя

doi: 10.22394/2074-0492-2003-3-197-203

Врач — это философ, ведь нет большой разницы между мудростью и медициной.

Гиппократ

Современная медицина как научная дисциплина и область профессиональной деятельности представляется многим людям, в том числе и самим медицинским работникам, как сфера, очень далекая от философии. На первый взгляд эта позиция понятна и обычно не вызывает вопросов. Очевидно, что медицина — это сугубо практическая наука, или, соответственно, искусство практикующего врача, вид экспертной деятельности специалиста, обладающего особыми эксклюзивными знаниями и опытом их применения. Философия же — это теоретическое умозрение, ее инструментом является разум, мышление, но отнюдь не научный эксперимент, основанный на данных чувственного опыта, результаты которого можно верифицировать, как это имеет место в естественных науках, в том числе в биологии, являющейся теоретическим фундаментом медицинской науки [Давыдовский 1969: 611].

Профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор философских наук, Александр Иванович Кугай в своей моногра-

197

---

1 Близнеков Владимир Леонидович — PhD, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте России, Москва. Научные интересы: философия, социология религии, международное право. E-mail: vbliznekov@gmail.com
Vladimir L. Bliznekov — PhD in Philosophy, associate professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow. Research interests: philosophy, sociology of religion, international law. E-mail: vbliznekov@gmail.com

фии «Философия и медицина. Вечные темы и современные проблемы» опровергает отмеченное выше расхожее убеждение об отдаленности медицины от вечных тем и проблем философии, и доказывает неразрывную связь медицинской науки и практики с основами духовной культуры человечества: мифологией, религией и прежде всего философией.

Свою монографию профессор А.И. Кугай посвятил памяти матери, отдавшей медицине более 55 лет своей жизни. Рефлексируя над ее профессиональным медицинским опытом, автор указывает на близкое духовное родство медицины и философии, которую он трактует как искусство вопрошания, поскольку объектом познания в обеих сферах знания является человек (с. 5).

С точки зрения А.И. Кугая, хороший современный врач должен с пиететом относиться к философии, как это было в античности и средневековой Европе, когда и философы, и врачи являлись культурной элитой общества [Биоэтика 2017: 56]. Кроме того, медицина нуждается в союзе с философией, поскольку философия, в отличие от других видов наук, не имеет своей особой специфической сферы знания, объект ее исследования не имеет четких границ, поэтому философия представляет собой теоретический фундамент для всех остальных видов наук, в том числе и медицины. Но связь именно философии и медицины, по мнению автора, оказывается даже гораздо более тесной, чем это имеет место во взаимоотношении философии с другими видами наук. Профессор А.И. Кугай приводит в этом контексте два основных аргумента: направленность философии на поиск истины и культурологические основы медицины, где особую роль играет именно философия (с. 6-7).

Первый аргумент автора верен при условии, что речь здесь идет о философской традиции, берущей свое начало в классический период античной философии, начиная с Сократа, Платона и Аристотеля, в которой поиск истины стал высочайшей целью философии [Ясперс 2019: 39-41], что нашло выражение в знаменитом крылатом высказывании, приписываемом Аристотелю: «Платон мне друг, но истина дороже». Наряду с философским мейнстримом классической европейской философии, основными представителями которого и были Сократ, Платон и Аристотель, уже в их время имела философская оппозиция их учению об истине — философская школа софистов, — которая не придавала проблеме истины в философии большого значения, вплоть до того, что отождествляла истину и мнение. Это направление в философии получило название философского релятивизма. Последователи данного учения существовали во все периоды истории философии, и сохраняют немалое влияние в настоящее время. Философия не является единым мировоззрением и системой знания, а включает в себя совокупность различных, иногда противоположных друг другу учений.

Второй аргумента автора об особой роли философии в духовных и культурных основах медицины представляется более обоснованным. Философия задает для медицины не только ценностную парадигму, но и модели научной рациональности, пусть это чаще всего даже не осознается медицинскими работниками. Тем не менее влияние философских учений на становление и развитие медицины является гораздо более значимым, чем влияние, которое оказали на научно-медицинскую картину мира мифология и религия.

Важно отметить, что самые знаменитые врачи в истории медицины либо сами являлись философами, либо придавали философии в своей профессиональной деятельности большое значение. Личность врача-философа является идеалом для каждого практикующего врача, как в отношении глубины теоретических и духовных основ медицинской науки, так и в отношении профессиональной этики врача, принципы которой основы на философских теориях.

Автор понимает медицину как духовно-практическую деятельность в том смысле, что врач должен признавать реальное существование не только материи, но и духа. Причем во взаимодействии материальной природы и духа дух играет активную роль по отношению к природе. Именно такую объективно-идеалистическую позицию занимал знаменитый врач, гуманист, философ и богослов лауреат Нобелевской премии мира Альберт Швейцер (с. 58). Кугай трактует понятие «дух» в смысле платоновского идеализма как первичную реальность, объективную основу человеческого бытия и материальной природы (с. 63–64.). По его мнению, врач-философ — это именно философ-идеалист, способный видеть трансцендентные духовные сущности или начала за пределами материальной природы и эмпирического опыта.

В качестве примера духовно-практической деятельности врача автор рассматривает прежде всего личности двух великих врачей-философов — «отца медицины» Гиппократ и знаменитого русского хирурга Николая Ивановича Пирогова.

Гиппократ — основатель европейской медицинской науки и био-медицинской этики, превратил медицину из целительской практики в науку, очистив ее от влияния примитивного эмпиризма. Широко известна клятва Гиппократ — на протяжении столетий единственный этический кодекс врача в европейской культуре. В клятве содержатся различные этические обязательства врача, которые подчиняются нравственному принципу ненанесения вреда пациенту — «Не навреди», или «Прежде всего не вредить, а потом уже лечить», — трактуемому чрезвычайно широко. Согласно Гиппократу, врач должен быть всегда на стороне уважения к жизни и спасения жизни, а не ее разрушения и смерти, какие бы формы жизнь ни имела [Гиппократ 2007]. В этическом принципе «Не навре-

ди» древнегреческий врач-философ видел залог доверия общества к врачу и благоговения перед его трудом.

Гиппократ разработал не только нормы современной биомедицинской этики, но и общие принципы профессиональной этики, предназначенные также и для других профессий. Важнейшим и наиболее актуальным по сей день остается запрет негативного отношения к коллегам, желание подорвать их авторитет в рабочем коллективе и среди клиентов, что чаще всего мотивировано банальной завистью и конкуренцией и, разумеется, является абсолютно нравственно негативным поведением [Биоэтика 2017: 56].

Как клятва Гиппократа, так и принципы его биомедицинской и профессиональной этики для медицинского сообщества являются типичными идеальными ценностями, ставшими возможными только в рамках его религиозно-философской картины мира (с. 73–74)¹. Для Кугая Гиппократ является настоящим философом-идеалистом, даже несмотря на то что греческий врач по возрасту был старше основателя философского идеализма — своего великого земляка Платона, поскольку его этические принципы, безусловно, имели идеально-духовный характер.

200

Кугай также подробно рассматривает религиозно-философское мировоззрение известного русского хирурга XIX века Н.И. Пирогова, особенно подчеркивая его стремление русского врача-философа совместить научно-медицинскую и религиозно-философскую картины мира, его отказ от материалистического мировоззрения и господствовавших в его время механицизма и эмпирического позитивизма в науке (с. 35–41). Пирогов с позиции объективного идеализма в философии, первичности сознания по отношению к природным, биологическим процессам доказывал целесообразность и причинность всех феноменов бытия и стремление высшей мировой идеи способствовать сохранению и противодействовать разрушению бытия [Пирогов 2011: 207]².

---

1 Клятва Гиппократа в оригинальном тексте посвящена богам греческого пантеона, что стало в настоящее время одной из причин отказа от ее оригинального текста или его замены профессиональными медицинскими кодексами. Это имеет место во многих странах Европы, Америки, а также России и Израиле. В частности, как отмечает Кугай, в Израиле клятва Гиппократа не используется и заменена клятвой еврейского врача именно по религиозным причинам [Там же].

2 Н.И. Пирогов писал: «Для меня неоспоримо то, что высшая мировая мысль, избравшая своим органом Вселенную, сделала и мой мозг органом мышления... Этот кто-то, приводя мой орган в унисон с мировой гармонией, делается и моим я; тогда законы целесообразности и причинности действий мировой идеи делаются законами моего я».

Медицина, насколько она является наукой, должна опираться на понятие рационального. При этом проблема заключается в том, что рациональное имеет различные критерии, типы и формы [ср.: Вебер 1990: 628–629]. В частности, согласно А.И. Кугаю, в разные исторические периоды существовали три типа научной рациональности, соответствовавших наиболее влиятельному в данный период философскому мировоззрению.

Первый, или классический тип рациональности отражал мировоззрение античного и средневекового идеализма, в соответствии с которым рациональность означала познание философом, врачом или ученым некоего идеального проекта Высшего Разума в бытии, причем человеческое мышление должно было соответствовать знанию, находящемуся в бытии. Если речь шла о медицинской науке, то мышление практикующего врача было направлено исключительно на объект познания, на заболевание пациента, например, на постановку диагноза и назначение лечения пациенту вне зависимости от ценностей общества и личных убеждений самого врача (с. 84–88).

Второй тип рациональности, названный автором неклассической рациональностью, возникает в Новое время, в период ньютоновской революции в физике и других естественных науках, и картезианского переворота в философии. Данный тип рациональности отвергает наличие идеального проекта в бытии, ставя на место познаваемого объекта познающий Субъект. Место Высшего Разума или Бога занимает разум Субъекта познания, определяющий не только характер познания, но и его объект. При этом данный тип рациональности может принимать различные формы от декартовского *cogito* до кантианского трансцендентального Субъекта. В медицине данный тип рациональности направлен не только на болезнь как чистый объект познания, но также на технические медицинские устройства и приборы, созданные при помощи естественнонаучных теорий и неразрывно связанных с медицинским исследованием человеческого тела [Там же].

Третий, или, соответственно, постнеклассический тип рациональности появился в середине XIX века и был связан, с точки зрения Кугая, с немецким идеализмом, прежде всего с гегельянством. Субъект познания в философии Гегеля впервые стал рассматриваться с позиции исторического развития, что неизбежно привело к релятивизации истины и появлению многообразных культурно обусловленных форм рациональности. В медицине постнеклассическая рациональность обусловила, с одной стороны, расширение сферы медицинской деятельности, включающей в том числе нетрадиционные вопросы биомедицинской этики, как, например, реаниматология, трансплантология, вмешательство в репродук-

цию человека, клонирование и т.п., а с другой стороны, объединила воедино объект и субъект познания, а также социальные и научные ценности и цели [Там же]. При этом автор подчеркивает, что появление нового типа рациональности в медицине не вытесняет предшествующие, а прежде всего дополняет их, врач в своей практике в зависимости от поставленных перед ним задач может выбирать тот или иной тип рациональности или комбинировать их (с. 90).

Вероятно, именно личным выбором врачом той или иной формы научной рациональности, а не только влиянием философского релятивизма можно объяснить популярность медицинского высказывания, которое нередко можно услышать и от современных российских врачей: «Сколько врачей, столько и мнений».

В вопросе влияния философии на развитие медицины автор заходит еще дальше, утверждая, что даже отдельные направления современной философии находят свое отражение в медицине. Например, врач-феноменолог, особенно хайдеггеровской направленности, будет видеть и выявлять в медицинской проблеме скрытые смыслы, что обеспечит ему преимущество перед его коллегой с более заурядным мышлением. Врач-психоаналитик будет неизбежно выходить за пределы классической медицинской науки, например, практикуя психотерапию. Врач-сторонник постмодернизма будет отрицать универсальную норму медицинского определения здоровья и исходить из относительности и многообразности понятий здоровья и патологии, а также методов лечения болезней для разных пациентов (с. 110–126).

202

Профессор А.И. Кугай в своей монографии рассматривает и анализирует актуальную и значимую тему взаимоотношения философии и медицины. Оригинальность его подхода состоит в том, что, по его мнению, культурологическими основами медицины являются исключительно духовные ценности общества, имеющие свои начала в мифологии, религии и философии. Причем только объективно-идеалистическая философия, провозглашающая первичность трансцендентной идеи или сознания по отношению к имманентному материальному бытию, является, по мнению автора, подлинно духовной основой медицинской науки и практики. Подобный подход, по сути, обесценивает позитивистскую и материалистическую, как философскую, так и научную картину мира в качестве духовного фундамента медицинской науки. Поэтому понятно, что далеко не все современные врачи, особенно сторонники материализма и позитивизма, согласятся с данным тезисом автора. Тем не менее его книга, прежде всего по причине новизны и оригинальности авторского концепта, должна представлять интерес для медицинских работников, особенно для практикующих врачей, а также преподавателей, студентов и аспирантов медицинских вузов.

Библиография / References

- Давыдовский И.В. (1969) *Общая патология человека*, М.: Медицина.
 — Davydovsky I.V. (1969) *General human pathology*, М.: Medicine. — in Russ.
- Гиппократ (2007) *Этика и общая медицина: Письма / Гиппократ*, М.: Мир книги; Литература.
 — Hippocrates (2007) *Ethics and general medicine: Letters / Hippocrates*, М.: World of Books; Literature. — in Russ.
- Пирогов Н.И. (2011) *Вопросы жизни. Дневник старого врача*, М.: Книжный клуб Книговек.
 — Pirogov N.I. (2011) *Questions of life. Diary of an old doctor*, М.: Book club Knigovек. — in Russ.
- Вебер М. (1990) Основные социологические понятия. М. Вебер. *Избранные произведения*, М.: Прогресс.
 — Weber M. (1990) Basic sociological concepts. M. Weber. *Selected works*, М.: Progress. — in Russ.
- Биоэтика*. Под ред. Протанской Е.С. М.: Юрайт, 2017.
 — *Bioethics*. Protanskaya E.S. (ed.). М.: Yurayt, 2017. — in Russ.
- Ясперс К. (2019) *Великие философы. Книга вторая. Творческие основоположники философовства: Платон, Августин, Кант*, М.: Канон +.
 — Jaspers K. (2019) *Great Philosophers. Book two. Creative founders of philosophy: Plato, Augustine, Kant*, М.: Kanon +. — in Russ.

203

Рекомендация для цитирования:

Близнеков В.Л. (2023) Врач-философ как идеал современной медицины. Рецензия на книгу: Кугай А.И. (2022) *Философия и медицина. Вечные темы и современные проблемы*, СПб.: Алетейя. *Социология власти*, 35 (3): 197-203.

For citations:

Bliznekov V.L. (2023) The Physician-Philosopher as an Ideal of Modern Medicine. Book review: Kugai A.I. (2022) *Philosophy and medicine. Eternal themes and modern problems*, St. Petersburg: Aletheia. *Sociology of Power*, 35 (3): 197-203.

Поступила в редакцию: 14.09.2023; принята в печать: 28.09.2023

Received: 14.09.2023; Accepted for publication: 28.09.2023

Авторы

Алтухова Анна — докторант Университета Гумбольдта в Берлине. Научные интересы: антропология инвалидности и интеллектуальных различий, антропология религии, медицинская антропология. E-mail: anna.altukhova@hu-berlin.de

Андрюшин Алексей — стажер-исследователь, Лаборатория экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ, Москва, Россия. Научные интересы: социология религии, моральная экономика, хозяйственная этика мировых религий. E-mail: andryuschin.alexei@yandex.ru

Близнеков Владимир — PhD, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте России, Москва. Научные интересы: философия, социология религии, международное право. E-mail: vbлизнеков@gmail.com

204

Власова Елизавета — аспирантка факультета социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург. Научные интересы: медицинская социология, социология неравенства. E-mail: evlasova@eu.spb.ru

Гринин Леонид — доктор философских наук, главный научный сотрудник, Центр изучения стабильности и рисков, НИУ «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН. E-mail: leonid.grinin@gmail.com

Коротаяев Андрей — доктор исторических наук, профессор, заведующий, Центр изучения стабильности и рисков, НИУ «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН; профессор ФГП МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: akorotayev@gmail.com

Литвина Дарья — магистр социологии, научная сотрудница программы «Гендерные исследования» и НЦ «Институт междисциплинарных медицинских исследований» Европейского университета в Санкт-Петербурге, омбудсмен ЕУСПб. Санкт-Петербург. Научные интересы: социальные исследования здоровья и медицины, гендерные исследования, социология эмоций, молодежные исследования. E-mail: dlitvina@eu.spb.ru

Ляпугина Наталия — магистр социологии, аспирантка Европейского университета в Санкт-Петербурге. Научные интересы: исследования наук и технологий (Science & Technology Studies, STS), научная коммуникация, общественное вовлечение в науку (Public Engagement with Science, PES), история публичной коммуникации о науке и технологиях. E-mail: nlyapugina@eu.spb.ru

Мусиева Джамия — стажер-исследователь, Центр изучения рисков и стабильности, НИУ «Высшая школа экономики»; научный сотрудник ФГП МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: musdjam@mail.ru

Никитина Дарья — магистр социологии, исследовательница НЦ «Институт междисциплинарных медицинских исследований» и НЦ «Институт проблем правоприменения» Европейского университета в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург. Научные интересы: социальные исследования здоровья и медицины, социология экспертизы, исследования труда, экономическая социология. E-mail: dnikitina@eu.spb.ru

Новкунская Анастасия — PhD in Social Sciences, доцент факультета социологии, ассоциированный профессор по качественным исследованиям здоровья и медицины НЦ «Институт междисциплинарных медицинских исследований» Европейского университета в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург. Научные интересы: социология здоровья и медицины, социология профессий и организаций, гендерные исследования, качественная методология в социальных науках. E-mail: anovkunskaia@eu.spb.ru

205

Охотникова Ольга — аспирантка Института истории Восточной и Юго-Восточной Европы, Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана. Научные интересы: социальная история медицины, история Первой мировой войны, исследования инвалидности. E-mail: ok.okhotnikova@mail.ru

Сивков Денис — кандидат философских наук, доцент РАНХиГС, Москва. Научные интересы: STS, антропология космоса и космонавтики, исследования мобильностей. E-mail: d.y.sivkov@gmail.com

Устюжанин Вадим — стажер-исследователь, Центр изучения стабильности и рисков, НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: vvustiuzhanin@hse.ru

Authors

Altukhova Anna — PhD student at Humboldt-Universität zu Berlin. Scientific interests: anthropology of disability and intellectual differences, anthropology of religion, medical anthropology. E-mail: anna.altukhova@hu-berlin.de

Andryushin Alexei — Research Assistant, Laboratory for Studies in Economic Sociology, Higher School of Economics. Research interests: sociology of religion; moral economy; economic ethics of world religions. E-mail: andryuschin.alexei@yandex.ru

Bliznekov Vladimir — PhD in Philosophy, associate professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow. Research interests: philosophy, sociology of religion, international law. E-mail: vbiznekov@gmail.com

206

Grinin Leonid — Doctor of Philosophy, Chief Researcher, Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University; Leading Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: leonid.grinin@gmail.com

Korotaev Andrey — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University; Leading Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Professor, Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University. E-mail: akorotayev@gmail.com

Litvina Daria — Master of Sociology, Research fellow at the program “Gender Studies” and the Institute for Interdisciplinary Health Research, European University at St. Petersburg, Ombudsman of the EUSP. St. Petersburg. Research interests: social studies of health and medicine, gender studies, sociology of emotions, youth studies. E-mail: dlitvina@eu.spb.ru

Lyapugina Natalia — Master of Sociology, postgraduate student at the European University at St. Petersburg. Research interests: Science & Technology Studies (STS), science communication, Public Engagement with Science (PES), history of public communication of science and technology. E-mail: nlyapugina@eu.spb.ru

Musieva Jameelah — Trainee Researcher, Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University; Research Fellow, Lomonosov Moscow State University. E-mail: musdjam@mail.ru

Nikitina Daria — Master of Sociology, Researcher at the Institute for Interdisciplinary Health Research” and the Institute for the Rule of Law at the European University at St. Petersburg. St. Petersburg. Research interests: social studies of health and medicine, sociology of expertise, labor studies, economic sociology. E-mail: dnikitina@eu.spb.ru

Novkunskaya Anastasia — PhD in Social Sciences, Associate Professor at the Faculty of Sociology, Associate Professor on Qualitative Health and Medicine Research at the Institute for Interdisciplinary Health Research at the European University at St. Petersburg. St. Petersburg. Research interests: sociology of health and medicine, sociology of professions and organizations, gender studies, qualitative methodology in social sciences. E-mail: anovkunskaya@eu.spb.ru

Okhotnikova Olga — PhD student, Institute of Eastern and South-Eastern European History, Ludwig-Maximilian University of Munich, Germany. Research interests: social history of medicine, history of World War I, disability studies. E-mail: ok.okhotnikova@mail.ru

207

Sivkov Denis — PhD in Philosophy, Associate Professor, RANEP, Moscow. Research interests: STS, anthropology of outer space, mobilities studies. E-mail: d.y.sivkov@gmail.com

Ustyuzhanin Vadim — Trainee Researcher, Centre for Stability and Risk Analysis, HSE University. E-mail: vvustiuzhanin@hse.ru

Vlasova Elizaveta — PhD student of the Department of Sociology, European University at St. Petersburg. St. Petersburg. Research interests: social studies of health and medicine, sociology of social inequality. E-mail: evlasova@eu.spb.ru

СОЦИОЛОГИЯ ВЛАСТИ

Том 35. № 3 (2023)

Учредитель
Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

ISSN 2074-0492
e-ISSN 2413-144X

119571, г. Москва, просп. Вернадского, д. 82
Редакция журнала «Социология власти»

<http://socofpower.ranepa.ru/>

E-mail: soc.of.power@gmail.com

Подписано в печать 02.11.2023
Формат 70×100/16
Тираж 500 экз.
1-ый завод (1-60 экз.)

Отпечатано в типографии РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82-84
Коммерческий отдел: тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02